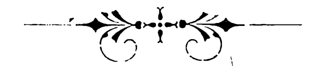

Изданіе книгопродавца Ѳ. И. МИТЮРНИКОВА
С.-Петербургъ, Екатерининская ул., № 4.
Отпѣтые люди
Очерки съ натуры
А. Бахтіаровъ
У НОЧЛЕЖКИ

А. Бахтіаровъ.

Отпѣтые люди

Очерки изъ жизни погибшихъ людей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца **Ѳ. И. Митюрникова**
Екатерининская 4.
1903.

Типо-Литографія «Энергія», Спб., Загородный 17.

ОКТАВА.

(Очеркъ изъ жизни босяковъ).

Лишь только стало смеркаться, въ ночлежный домъ, на окраинѣ Петербурга, на берегу Невы, мало-по-малу собираются бездомники. Лѣниво бредутъ они и въ ожиданіи впуска—кто стоитъ на улицѣ, посреди дороги, а кто садится на панели. Одинъ портнишка, довольно пожилыхъ лѣтъ, съ пожелтѣвшимъ землистымъ лицомъ, усѣлся возлѣ самыхъ дверей, на порогѣ и, скрестивши ноги по-татарски, уписывалъ французскую булку. Тутъ были и чернорабочіе, и странники, и прикащики, сорвавшіеся съ мѣста, и мазурики, и бродяги, и профессіональные «стрѣлки». У нѣкоторыхъ на спинѣ былъ «горбовикъ»—вѣрный признакъ, что владѣлецъ его пришелъ въ Питеръ издалека. Женщины, нищенки, бродяжки и уличныя падшія созданія, самаго низкаго разбора, сидѣли на панели и судачили. Портнишка, съ жадностью уплетая булку, находилъ время еще и обмѣниваться впечатлѣніями бытія.

— Спасибо добрымъ людямъ,—говорилъ онъ, приподнявъ нѣсколько голову кверху и смотря въ лицо стоявшихъ возлѣ него бездомниковъ:—пріютъ устроили для нашего брата! Всегда найдется мѣсто, гдѣ голову приклонить! Займешь номеръ на нарахъ, и никто тебя не тронетъ.

— А гдѣ ты раньше ночевалъ?

— Я? У Макарки!..

Подъ именемъ Макарки въ районѣ Калашниковской пристани извѣстенъ у бездомниковъ содержатель частнаго ночлежнаго пріюта.

— Что-же, у Макарки развѣ плохо?

— Тѣсно очень! Ночью не пройти! Въ проходахъ спятъ, на полу ступить негдѣ!..

— Какъ сельди въ бочкѣ!

— Да! Это-бы еще все ничего! А то ночью придетъ какой-нибудь буянъ, да тебя съ наръ-то и прогонитъ...

— Ну, и куда же ты?

— Подъ нары залѣзешь, да тамъ и спишь за свой-то пятачекъ!..

— У Макарки тебя обижали, значитъ!

— Да! А здѣсь никто тебя не тронетъ! Каждому свой номеръ! Спи себѣ, никто тебя не обидитъ!..

— Сейчасъ впускать станутъ! Становись, ребята, въ очередь!—проговорилъ одинъ изъ бездомниковъ, высокаго роста мужчина, черноволосый, представительной внѣшности; все-бы ничего, только разбитый носъ явно свидѣтельствовалъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ какой-нибудь уличной баталіи.

Портнишка всталъ первый въ очередь. Двери ночлежки распахнулись, и бездомники, одинъ за другимъ, гуськомъ, стали подходить и брать билеты для входа. Смотритель выдавалъ билеты, стоя у кассы. Молчаливо входили бездомники, грязные, оборванные, лохматые. Изрѣдка слышно было какое-нибудь замѣчаніе смотрителя, обращенное къ какому-нибудь «старому знакомому»:

— А, Жукъ, ты опять пришелъ!..

— Ничего не подѣлаешь, пришлось!

— А, Чижикъ, ты какъ попалъ?

— Работы нѣту!

— Иванъ, проведи-ка этого слѣпого, осторожнѣе, чтобы не упалъ!.. Да покажи ему его номеръ.

Служитель подхватилъ подъ руки какого-то слѣпца и повелъ его въ ночлежку, къ нарамъ, на соотвѣтствующій номеръ. Дошла очередь и до субъекта съ разбитымъ носомъ. Подойдя къ кассѣ, онъ заявилъ смотрителю, что у него нѣтъ пятачка за ночлегъ, и что онъ заплатитъ завтра.

— Нѣтъ, не могу! Знаю я это—завтра!..

Здоровенный, солидный мужчина съ разбитымъ носомъ, стоя передъ кассой и не имѣя пятачка за входъ, производилъ комическое впечатлѣніе. Не будь у него носъ разбитый, смотритель, вѣроятно-бы, и сжалился надъ нимъ, и впустилъ-бы его въ долгъ. Но теперь носъ подгадилъ... Пришлось бездомнику повернуть налѣво кругомъ и выйти изъ ночлежки на улицу, не солоно хлебавши.

Входили и пьяные—ихъ подъ руки уводили на свой номеръ, подъ крѣпкимъ наказомъ, чтобы не буянили.

— Ну, что? Всѣ?—спросилъ смотритель.

— Всѣ!.. Но еще подойдутъ!..

— Часамъ къ 11 ночи стали являться въ ночлежку разныя темныя личности, воровскіе люди, мазурики, рецивидисты и, случалось, даже, каторжники, бѣжавшіе изъ Сибири и вернувшіеся въ Петербургъ. Паспортъ здѣсь не спрашиваютъ, входи всѣ.

— Теперь ужъ всѣ!

— Кто придетъ въ такую пору!

— Запирай!..

Пробило 12 часовъ. Ночлежники уже давно угомонились и спали безмятежнымъ сномъ. Вдругъ раздался сильный, нетерпѣливый звонокъ.

— Кто тамъ еще?

— Пришелъ кто-то!

— Ступай, отопри, Иванъ!

— Кто тамъ?—спросилъ служитель.

— Это я! — отвѣтилъ густымъ басомъ стоявшій на улицѣ.

Щелкнула задвижка и въ ночлежку ввалился прилично-одѣтый господинъ, въ цилиндрѣ.

— Пожалуйте! Я сейчасъ доложу смотрителю.

Служитель побѣжалъ къ смотрителю и заявилъ ему, что пришелъ какой-то баринъ.

Явился смотритель.

— Не узнаете? — густымъ басомъ спросилъ недоумѣвающаго смотрителя неизвѣстный господинъ.

Смотритель окинулъ его испытующимъ взглядомъ, и увидѣлъ, что онъ одѣтъ вполнѣ прилично, даже изысканно, въ новомъ пальто, въ цилиндрѣ, въ бѣлой крахмаленной сорочкѣ.

— Не узнаете?—повторилъ вопросъ неизвѣстный.

— Ха, ха, ха!—гомерическимъ смѣхомъ разразился смотритель.

— Ага! Узнали!

— Серега!—воскликнулъ смотритель.

— Онъ самый и есть!

— Октава!..

У меня басъ по-прежнему такой-же. Помните, бывало, запою у васъ, такъ въ третьемъ этажѣ слышно было!.. Окна дребезжали!..

— Какими судьбами? Вотъ что значитъ приличная одежда! Теперь вы молодцомъ! Васъ не узнать! Какими судьбами? Давно у насъ не были! Пожалуйте, милости просимъ!...

— Позвольте билетъ!

Смотритель выдалъ билетъ, и Серега направился на свой номеръ, на нарахъ. На другой день, утромъ, товарищи по ночлежкѣ окружили Серегу.

— А, Серега, здравствуй!

— Теперь тебя не узнаешь!

— Вишь, какимъ франтомъ нарядился!

— У отца былъ, братцы!

— А! Понимаемъ!

— Франтъ, сапоги въ рантъ, шляпа аплике, а носъ въ табакѣ!..

— Теперь ужъ я не такой, братцы...

— На долго ли!..

— Нѣтъ, ужъ шабашъ, больше пить не буду!

— Зачѣмъ же ты пришелъ сюда, Серега?

— Себя показать, да и на васъ посмотрѣть!..

— Мы все тѣ же!..

— Все такъ же стрѣляемъ у благодѣтелей на «гопъ» (т. е. на ночлегъ).

— А я, братцы, на-дняхъ приду къ вамъ съ волшебнымъ фонаремъ—туманныя картины буду показывать!

— Смотри, Серега, какъ бы ты не пришелъ съ фонаремъ на своей рожѣ! проговорилъ одинъ изъ посадскихъ.

— Ха, ха, ха! -- засмѣялись бездомники.

— Это отъ него станетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, братцы, я теперь исправился, хмѣльного въ ротъ не беру! Вотъ увидите...

— Ну, посмотримъ, какіе виды ты намъ покажешь!..

— Пора на молитву. Становись, ребята! крикнулъ смотритель.

Всѣ бездомники изъ верхнихъ двухъ этажей собрались въ нижній — на общую молитву.

Изъ женской половины пришли бродяжки, богомолки и странницы, и тоже стали на молитву въ особой группѣ. Составился многочисленный и своеобразный хоръ, коимъ по старой памяти руководилъ Серега, который, будучи сыномъ протодіакона и нѣкогда бывшій регентомъ, прекрасно зналъ хоровое пѣніе. Бродяжки, богомолки и странницы пѣли тонкими голосами, парни — альтами, а мужики — басами. Пѣли «Отче Нашъ», «Вѣрую», «Царю Небесный» и «Спаси Господи». Серега давалъ тонъ, самъ начиналъ, а хоръ приставалъ. Во время пѣнія Серега отпускалъ могучую октаву, покрывавшую собою весь хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ — человѣкъ до двухсотъ. Когда хоромъ руководилъ Серега, то бездомники, у коихъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ, съ особеннымъ усердіемъ и стараніемъ пѣли подъ его могучую октаву... Случайные посѣтители ночлежки иногда даже нарочно оставались, чтобы послушать пѣніе бездомниковъ.

— Ну, прощайте, братцы!—сказалъ Серега, выходя изъ ночлежки.

— Когда ждать тебя съ фонаремъ-то?

— Ровно черезъ недѣлю!..

Прошла недѣля, и бездомники позабыли о своемъ товарищѣ. Прошло еще нѣсколько дней — и кто-то позвонилъ въ ночлежку. Смотритель отперъ двери.

— Ну, вотъ, теперь узнаю! — воскликнулъ смотри-

тель. Это былъ Серега. Онъ былъ пьяный, въ рваномъ пиджакѣ, надѣтомъ прямо на голое тѣло, въ картузѣ, въ какихъ-то рваныхъ штанахъ и въ опоркахъ на босу ногу.

— Принимай запоздалаго гостя!..—пробасилъ Серега заплетавшимся языкомъ.

— Серега, здравствуй!

— Не вытерпѣлъ! Запилъ!

— Вѣдь ты обѣщалъ туманныя картины показывать.

— Я, братъ, и самъ теперь въ туманѣ!..

И Серега запѣлъ.

Туманы разлетаются
Надъ сонною рѣкой,
Яснѣе означаются
Хребты передо мной!..

— Тише, тише! Теперь спятъ! Ты обѣщалъ принести волшебный фонарь! Какъ же такъ?

— Ужъ такъ вышло!—философски промолвилъ Серега и, спотыкаясь, поплелся на свой номеръ на нарахъ.

ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ.

На Выборгской сторонѣ, на обширномъ Куликовомъ полѣ, гдѣ производится свалка городского мусора, возлѣ шалаша, сколоченнаго на живую нитку, изъ рогожи, сидѣлъ на обрубкѣ дерева субъектъ, сорти-

руя старые опорки, тряпье, битое стекло, и во все горло напѣвая пѣсню:

Я ни баринъ, ни татаринъ,
Ни бояринъ, ни купецъ...

Это былъ босякъ Ѳедя—здоровый, загорѣлый, широкоплечій, одѣтый, нельзя сказать, чтобы по послѣдней модѣ: въ пиджакъ изъ грубой дерюги, въ синіе холщевые штаны, въ опоркахъ на босу ногу, въ картузѣ на бекрень.

Я цыганъ—удалецъ!..

Оралъ онъ свою любимую пѣсню, распарывая старые опорки и вынимая оттуда, изъ подошвы, уцѣлѣвшія кожаныя стельки, которыя прокладываются между подошвами: вынутыя стельки онъ бережно складывалъ въ одну кучу, какъ наиболѣе цѣнные товары, а распоротые опорки небрежно бросалъ въ другую кучу—какъ товаръ наименѣе цѣнный.

Эхъ-ма! Поди прочь...

— Только-что отпустилъ Ѳедя могучую октаву и по ходу пѣсни намѣревался перейти на высокія нотки, какъ къ нему подошелъ какой-то юноша, симпатичной наружности, коротко остриженный и въ одной только рубахѣ и штанахъ, безъ шапки, даже безъ опорокъ.

— Богъ помощь, коллега! сказалъ онъ, подойдя къ Ѳедѣ.

— Спасибо, товарищъ!

— Чѣмъ ты занимаешься?

— Да вотъ видишь, товаръ сортирую!.. Тряпье въ одну кучу, битое стекло въ другую, стельки изъ опорокъ вынимаю!.. У меня, братъ, ничего не пропадаетъ зря! Всякое лыко въ строку!

— Куда ты стельки дѣваешь?

— А опять сапожникамъ сбываю!..

— Это старыя-то стельки, изъ рваныхъ, грязныхъ опорокъ!.. которыя поди-ка валялись въ канавѣ, или мусорной ямѣ!

— Конечно! Вотъ ихъ сколько привозятъ на свалку! Вишь какая куча ихъ у меня!

— Да тутъ на цѣлый полкъ солдатъ хватитъ!

— Больше!.. Стельки-то опять сортирую: дамскія въ одну кучу, мужскія—въ другую, дѣтскія—въ третью...

— Много-ли тебѣ даютъ за нихъ?

— А по копѣйкѣ штука!..

— Что-же? Хорошо!..

— Копѣйка къ копѣечкѣ—на хлѣбъ хватитъ!

— Давно ты этимъ дѣломъ занимаешься?

— Да лѣтъ двадцать будетъ, какъ по мусорнымъ свалкамъ скитаюсь!.. Оно грязно немного, зато кабалы нѣтъ!.. Вольный человѣкъ!.. Я самъ себѣ слуга и хозяинъ!.. Хочешь, работай, хочешь—нѣтъ!.. Никто тебя не приневоливаетъ!..

— А тряпье куда сбываешь?

— Маклакамъ, тряпичникамъ. По копѣйкѣ за фунтъ даютъ!.. Стекло тоже идетъ въ прокъ: на стеклянные заводы покупаютъ!..

— А эти опорки ужъ никуда нейдутъ?

— Какіе?

— Изъ которыхъ стельки-то вынималъ?

— Нѣтъ, идутъ!

— Куда?

— На красочный заводъ продаю! Тамъ изъ нихъ краску какую-то выгоняютъ! Говорятъ, черную...

— Э, да у тебя товару много!..

— Нечего Бога гнѣвить, живу, да хлѣбъ жую... А ты какъ сюда попалъ?

— Хозяинъ съ мѣста прогналъ!..

— Кто онъ?

— У переплетчика жилъ—въ ученьѣ... Да онъ, расподлая его душа, рукамъ волю даетъ! Что ни день, то потасовка: то книгу не такъ обрѣжешь, то не такъ сброшюруешь... Должно быть, кулаки устали бить меня—прогналъ!.. На всѣ четыре стороны!.. Вотъ я теперь и слоняюсь по городу! Пришелъ сюда, не найду-ли здѣсь желѣзишка какого-нибудь, или гвоздишка... Продать можно, все дадутъ что-нибудь!..

— На-ка вотъ, я тебѣ дамъ опорки! Надѣнь! Все лучше, чѣмъ ничего!..

— Спасибо, братъ!..

— Да на-ка тебѣ и шапку! Накрой голову-то! Ужъ извини, не казиста на видъ: въ мусорѣ нашелъ!..

— Даровому коню въ зубы не смотрятъ!.. А мнѣ все подспорье! Сапоги и шапка!..

— Да вотъ, братъ, сейчасъ я стану хлебово варить—оставайся, пообѣдаемъ!..

— Спасибо!.. Я вѣдь, братъ, второй день какъ ничего не ѣлъ!..

— Разводи костеръ!.. Провизія у меня съ вечера припасена!..

И двое пріятелей стали разводить огонь и готовить себѣ ѣду.

— Какъ тебя звать-то?

— Гришка! А тебя?

— Зови Ѳедей!..

— А хорошо здѣсь! Вонъ травка зеленѣетъ! Вонъ поѣздъ катитъ! Публику на дачу отвозитъ! Вонъ кто-

то лежитъ на травѣ... Отдыхаетъ!.. А что это тамъ за народъ?

— Гдѣ?

— Вонъ около забора, у фабрики...

— А это фабричные и мастеровые въ орлянку играютъ.

Өедька и Гришка быстро развели костеръ, подвѣсили котелокъ, и хлебово готово. Гришка съ голодухи ѣлъ съ бóльшимъ аппетитомъ.

— Спасибо, братъ, накормилъ голоднаго человѣка!

— Не за что! Я, братъ, самъ голодалъ, и понимаю, что это значитъ!..

— Да, сытый голоднаго не разумѣетъ.

— Гдѣ-жъ ты ночевалъ?

— Тамъ въ ямѣ, словно звѣрь какой!

— Хочешь, поселись у меня въ шалашѣ, пока не найдешь себѣ работы!..

— Куда меня возьмутъ теперь? въ такомъ-то видѣ? Остается одно—стрѣлять! Да вонъ, кажись, и кладбище недалеко? Тамъ подаютъ... Какое это кладбище...

— Католическое!.. Хочешь, я тебѣ найду рабóту?

— Какую?

— Станемъ вмѣстѣ промышлять на свалкѣ. Я стану сортировать товаръ, а ты будешь носить въ склады... продавать и деньги получать... Что выручимъ, пополамъ! Идетъ, что-ли?

— Ладно!

— Ну, а теперь ко мнѣ въ шалашъ, отдохни!.. Все, братъ, въ шалашѣ лучше, чѣмъ за ночлегъ платить!..

— Вѣстимо!

— Теперь лѣто, тепло!..

— Все свой уголокъ!.. Какъ захотѣлъ, такъ и легъ!.. Никто тебѣ не скажетъ: ну-ка, подвинься!

— Словомъ, свобода!.. И ни отъ кого ты не зависишь! Сегодня отдохнемъ, а завтра и за работу! Влѣзай въ шалашъ!..

Гришка влѣзъ въ шалашъ и увидѣлъ тамъ нѣчто въ родѣ постели—для спанья. На землѣ лежалъ старый матрасъ, какъ блинъ, покрытый старымъ войлокомъ; въ изголовьѣ полѣно, покрытое тряпьемъ: оно замѣняло собою подушку.

— Ого, какая у тебя кровать-то!

— Все лучше, чѣмъ на нарахъ въ ночлежкѣ, гдѣ не повернуться отъ тѣсноты!..

— А здѣсь просторъ!..

— Сдѣлаемъ и тебѣ ложе!..

— Изъ чего?

— Найдемъ! Вонъ тащи изъ мусора солому! Набивай... Славная постеля выйдетъ!..

— По пословицѣ, какъ постелешься, такъ и выспишься.

— Терпи, казакъ, атаманомъ будешь!.. Все лучше, чѣмъ въ кабалѣ жить!.. Здѣсь ты вольный человѣкъ! Что заработаешь, все твое! Никто тебя не обидитъ!..

— Это вѣрно!..

— То-то и есть!..

— Наступила ночь, и наши пріятели долго еще толковали о прелестяхъ независимой вольной жизни, и наконецъ заснули—оба въ шалашѣ, закрывъ предварительно отверстіе въ шалашѣ старой рогожей. Ночью на обширномъ полѣ, между грудами мусора, изрѣдка мелькали темные силуэты неизвѣстныхъ личностей, такихъ же бездомниковъ, какъ и они. Порою нѣтъ-

нѣтъ да по всему полю раздается раздирающій душу крикъ:

— Караулъ! Грабятъ!..

Въ это время Гришутка просыпался.

— Ѳедька, слышишь? будилъ онъ соннаго товарища.

— Чего тебѣ?

— Караулъ кричатъ?..

— Не бойся, насъ не ограбятъ!.. Какой чортъ придетъ къ намъ въ шалашъ? Чего онъ возьметъ отъ насъ? Наши, братъ, сокровища и тля не беретъ, и тать не крадетъ!..

Порою на поле заглянетъ, ища уединенія, какая-нибудь влюбленная парочка: онъ—какой-нибудь мастеровой, а она—Дульцинея самаго низшаго разбора.

На другой день, проснувшись рано утромъ и напившись чаю, пріятели тотчасъ принялись за работу. Ѳедька сталъ шнырять по полю и отыскивать среди мусора товаръ: тряпье, битое стекло, старые опорки, а Гришка, съ ношею за плечами, поплелся въ тряпичные склады, гдѣ все берутъ и за все платятъ деньги хотя и небольшія.

Вернувшись въ шалашъ съ нѣсколькими мѣдяками онъ вручилъ ихъ Ѳедькѣ.

— Съ насъ хватитъ!

— Много-ли намъ надо!..

— Извѣстно, мы люди вольные!

— Давай, разводи костеръ поскорѣе—жрать охота!

— Что у насъ сегодня?

— Вареная картошка съ подсолнечнымъ масломъ чай!..

— Важно!

— Бѣги за водою!..

— Сейчасъ!

Начались хлопоты по приготовленію обѣда.

Послѣ обѣда оба пріятеля благодушествовали, валяясь въ шалашѣ и любуясь закатомъ солнца.

— Я доволенъ сегодняшнимъ днемъ! промолвилъ Гришка.

— Конечно! Много ли намъ надо!.. Мы сами себѣ слуги и хозяева!.. философически замѣтилъ Ѳедька.

НА ГОРЯЧЕМЪ ПОЛѢ.

О Горячемъ полѣ ходитъ дурная слава: оно служитъ притономъ для босяковъ, воровъ и прочихъ рыцарей печальнаго образа. По праздничнымъ днямъ здѣсь, сидя на травѣ, дуются въ карты и въ орлянку. По вечерамъ не пройди: ограбятъ. Горячее поле начинается противъ Ново-дѣвичьяго монастыря, по другую сторону Забалканскаго проспекта, и тянется мимо Митрофаніевскаго и Громовскаго старообрядческаго кладбищъ, и идетъ далѣе, за Московскую заставу, параллельно Московскому шоссе—версты на три, на четыре. Та часть Горячаго поля, которая прилегаетъ къ Митрофаніевскому кладбищу, издавна была отведена подъ свалку городского мусора. Точно также въ томъ мѣстѣ поля, которое близко подходитъ къ городскимъ бойнямъ, возникли цѣлые курганы навоза—со скотопригоннаго двора.

На колоссальныхъ грудахъ мусора и навоза босяки кое-гдѣ въ укромныхъ мѣстечкахъ выкопали норы или пещеры, или просто ямы для своего ночлега.

На лѣто многіе босяки переселяются изъ ночлежки на Горячее поле.

— Вотъ мы на дачѣ!—говорилъ одинъ босякъ другому, лежа въ норѣ, на соломѣ, и прикрываясь рогожею. Въ головахъ у него было положено полѣно.

— Дачка-то ничего, только безъ оконъ и дверей!..

— Чѣмъ не дача! Тепло и не дуетъ!

— Извѣстно, навозъ даетъ тепло!

— Все лучше, чѣмъ въ ночлежкѣ Макокина!..

— И не говори! Бывало, носъ воротитъ...

— А здѣсь воздухъ чистый и просторъ!

— Вотъ только навозомъ немного припахиваетъ!

— Это ничего!

— Какъ-бы фараоны не заглянули сюда!

— А развѣ и здѣсь бываетъ обходъ?

— Да, когда какого-нибудь важнаго преступника отыскиваютъ, то и на Горячемъ полѣ полиція разнюхиваетъ, не спрятался-ли, молъ, сюда!

— Все-таки здѣсь бѣжать есть куда. А изъ ночлежки не убѣжишь! Всѣ выходы отрѣзаны!

— Ну, вотъ, Сережа, мы съ тобой опять вмѣстѣ!

— Этапъ сломали, и теперь пташки вольныя!..

— Да, и птица имѣетъ гнѣздо, а звѣрь—логовище, а мы съ тобой не знаемъ, гдѣ голову приклонить, кромѣ какъ на Горячемъ полѣ!..

— За фатеру не надо платить!

— А рядомъ съ нами кто?

— Тамъ Мишка и Гришка!

— А далѣе?

— Ванька съ Петькой!

— О, да нашихъ тутъ много!

— Всѣ изъ Макокина дома!

— Ну, что-жъ? Теперь спать, а завтра раньше вставать—да стрѣлять!..

— Утро вечера мудренѣе... Стой! Тише! Кто идетъ!

— Не фараоны-ли?

— Тише, братцы, кто-то идетъ!

Всѣ босяки забились въ свои норы.

— Кто тамъ? Фараоны?

— Нѣтъ, свой!.. Слышишь знакомый посвистъ! Фараоны такъ не свистятъ!

— Кто тамъ?

— Нашъ! Мишка-Колдунъ!..

— Воронъ ворону глазъ не выклюетъ! сказалъ Мишка, подойдя къ своимъ товарищамъ.

— Чего вы испугались? Вороны!..

— Мы думали, что фараоны!

— А развѣ не слышали моего посвиста: я нарочно громко свистѣлъ, чтобы вы не испугались. Всѣ босяки группируются на партіи или шайки, въ каждой шайкѣ—свой вожакъ, имѣющій на нихъ огромное вліяніе. Шайка состоитъ человѣкъ изъ пяти, восьми и болѣе. Группировка босяковъ въ маленькія артели вызвана необходимостью. Продовольствіе цѣлою шайкой обходится, сравнительно, гораздо дешевле, чѣмъ въ одиночку. Напримѣръ, въ чайномъ заведеніи босяки заказываютъ порцію чая на всю партію, человѣкъ восемь. Кипятку сколько хочешь, такъ что чаепитіе обходится босяку, по разверсткѣ, по 1 копѣйкѣ съ человѣка и даже дешевле. Разумѣется, въ дешевыхъ чайныхъ заведеніяхъ общества трезвости. Тамъ-то вы и можете наблюдать чаепитіе босяковъ цѣлыми партіями, группами. Кромѣ того, нѣкоторыя активныя

предпріятія босяковъ, напримѣръ, ограбить кого-нибудь, требуютъ соединенія ихъ въ небольшія партіи—для успѣха дѣла. Мишка-Колдунъ извѣстенъ на Горячемъ полѣ и за московской заставой, какъ вліятельный вожакъ шайки. На одну ногу онъ хромаетъ, потому-что въ дракѣ повредилъ себѣ какую-то жилу. Колдуномъ его прозвали за то, что онъ счастливо играетъ въ карты. Когда ему, случается сдавать карты, товарищи, обыкновенно, говорятъ ему: «ну-ка, Миша, поколдуй мнѣ, чтобы карта выпала счастливая!»,

При ходьбѣ Миша-Колдунъ сильно ковыляетъ. Это не помѣшало ему, однако, обзавестись двумя подругами сердца, писаными кралями, которыя захороваживали своихъ поклонниковъ въ сѣти и коварно предавали ихъ въ руки шайки, гдѣ-нибудь на Горячемъ полѣ или на Обводномъ каналѣ. Когда Мишка-Колдунъ ковыляетъ по улицѣ, то сзади его идетъ и его шайка, но не всѣ вмѣстѣ, а человѣка по два, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы не привлечь вниманіе полиціи, причемъ шайка переговаривается другъ съ другомъ условленными свистками.

— Что, Миша, скажешь?

— Вонъ, братцы, отъ Митрофаніевскаго кладбища идетъ къ московской заставѣ какой-то пьяный посадскій, и на всю улицу горланитъ, не мѣшало бы его проучить!

— Сережа, Миша, айда!..

Пошли, и черезъ нѣсколько минутъ вернулись.

— Ну, что?

— Обчистили, какъ липку! Будетъ помнить!..

— Ну-ка, чѣмъ поживились?

— Вотъ шмель съ мелочью, вотъ бочонокъ... (т. е. часы).

— Онъ не зналъ дорогу, мы вызвались его проводить... Живо все оборудовали; я за боченокъ, а Мишка—въ карманъ, за шмелемъ!

— Куда его вывели?

— На Обводную канаву путь указали! Даже благодарилъ!..

— Есть за что!

— Конечно! Сапоги, пиджакъ и штаны вѣдь мы оставили на немъ!..

— Довольно и бочонка!

— Часы-то хорошіе!..

— Да кошелекъ съ кругляками...

— Много-ли денегъ-то?

— Цѣлковый!

— Съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ!

— Ну, братцы, пора спать!..

И босяки заснули на своихъ нарахъ безмятежнымъ сномъ. На другой день раньше всѣхъ проснулся Колдунъ.

-- Эй, милліонщики, вставайте! Смотрите-ка, погода-то какая... Солнце грѣетъ во всѣ лопатки!..

— Дай поваляться: на навозѣ-то тепло!..

— Экая сила земли, подумаешь!

Извѣстно, прѣетъ!..

— Ну, пойдемте въ трактиръ чай пить!..

Вся шайка поплелась въ трактиръ подъ названіемъ «Разбитый горшокъ»—за Московской заставой есть такой трактиръ! И хотя онъ не имѣетъ вывѣски, но во всей округѣ съ незапамятныхъ временъ слыветъ подъ именемъ «Разбитаго горшка». Почему ему дано

такое названіе, никто не знаетъ; но извѣстно, что русскій народъ мастеръ давать прозвища. Въ этомъ трактирѣ охотно останавливаются и пѣшіе, и конные, ѣдущіе по московскому шоссе въ Питеръ: чухны, эсты и русскіе. Сюда же приходятъ и босяки, и разныя темныя личности, чтобы попить чайку и для сговора. Мало-ли народу идетъ пѣшкомъ по московскому шоссе въ Питеръ, чернорабочихъ, странниковъ, нищихъ, босяковъ — и всѣ они, не доходя заставы, заворачиваютъ въ трактиръ «Разбитый горшокъ». Для голытьбы имѣется комната для ночлега, съ деревянными нарами, по пятачку съ человѣка, а для пріѣзжихъ крестьянъ и чухонъ, которые привозятъ въ городъ сѣно,—другая. Чтобы ихъ не обворовали, на ночь ихъ запираютъ на замокъ.

Войдя въ трактиръ, шайка босяковъ заняла самую заднюю комнату.

Ну-ка, Максимычъ, дай-ка чайку!

— Сегодня суббота—подаютъ!..

— Мы съ Ванькой пойдемъ на Забалканскій проспектъ за грошиками, всѣ лавки и заведенія обойдемъ!..

— А мы на Сѣнной рынокъ за провизіей — подадутъ...

— Торбу-то возьмите побольше...

— Часамъ къ пяти всѣмъ собираться сюда — обѣдать! —сказалъ Колдунъ.—А какъ начнутъ благовѣстить ко всенощной, разойдемся по церквамъ—стрѣлять!

— Ты куда, Сережа?

— Я къ Спасу на Сѣнной! Тамъ хорошо подаютъ!

— А ты, Гришка?

— Я къ Покрову!..

— Я на Митрофаніевское кладбище!

— А я сяду на якорь—на ночлегъ просить! Положу передъ собой шапку!..

— Смотри, какъ бы фараоны не забрали на якорѣ-то!

— Тягу дамъ!.. Мнѣ не впервой! Я старый воробей...

— А ты, Миша, что надумалъ?

— Я съ Петькой пойду на Обводный каналъ! Не наклюнется-ли что-нибудь!..—отвѣтилъ колдунъ: сегодня разсчетъ на фабрикахъ и заводахъ!

— Бѣдняковъ-то не обижай!

— Зачѣмъ бѣдняковъ? Мы найдемъ какого-нибудь чепца или чепчиху поблагороднѣе, чтобы не грѣхъ было и пощипать!..

— Ну, пойдемте, ребята!

— На работу!

— Стрѣлять! Суббота—праздникъ нищихъ!

НА ПОДЕНЩИНѢ.

Было восемь часовъ утра, когда изъ ночлежнаго дома вышли на улицу двое босяковъ, Яшка-Лохматый и Степка-Кореляхъ — вышли и остановились въ раздумьи.

— Куда идти намъ? Какъ намъ быть?

— Э, не горюй!—сказалъ Лохматый.

— Голодъ вѣдь не тетка! Ѣсть охота!

— Такъ что-жъ? Достанемъ!

— Гдѣ?

— Вали на биржу!

— На Никольскій рынокъ?

— Да

— На поденщину?

— Тамъ теперь нашего брата много, авось и насъ съ тобой порядятъ!..

— На какую работу?

— Барки выгружать! Видишь-ли, на невѣ теперь большая спѣшка! Навигація подходитъ къ концу—всѣ торопятся!.. Хорошія деньги даютъ!

— Пойдемъ, коли такъ!

— А если не наймутъ?

— Ну, тогда придется «пострѣлять»!

Двое пріятелей пришли на рынокъ и стали на площади въ ожиданіи нанимателя. Народу было много. Тутъ были и землекопы, и канавщики, и носчики кирпича для постройки домовъ, и катали. Пришелъ подрядчикъ и сталъ набирать людей.

— Вамъ кого требуется? — спросилъ Лохматый.

— Каталей—тачку катать!

— Съ чѣмъ?

— Барку выгружать съ кирпичами!..

— Великъ пробѣгъ?

— Близко! Съ пристани на Гагаринскую набережную!..

— А плата какая?

— Рубль-цѣлковый!

— Что ты? Что ты? Да есть-ли у тебя крестъ-то на шеѣ?

— Есть!

— Нѣтъ, видно, нѣту!

— А что?

— Виданое-ли дѣло, чтобы поденщики за выгрузку кирпича получали по рублю!

— А сколько-же тебѣ?

— Полтора цѣлковыхъ! Уприсъ, ребята, и дешевле не ходи!.. Каторжная работа! Знаю я ее!..

— Экая хитрость — тачку катать! Ходи себѣ, да покатывай!..

— Ладно, зубы не заговаривай! тяжелѣе этой работы нѣтъ, кромѣ вотъ развѣ выгрузки путиловской плиты...

— Ну, двугривенный прибавлю!

— Нѣтъ, нѣтъ! Дешевле не пойдемъ!

— Ну, что съ вами подѣлаешь! Будь по вашему!

— Ужъ если теперь не взять хорошую цѣну, такъ когда-же?..

— Катали, пожалуйте!

— Много-ли народу требуется?

— Человѣкъ пятнадцать!

И подрядчикъ сталъ отсчитывать народъ.

Въ это время «вольница», окружавшая подрядчика, подалась впередъ и стиснула его.

— Стой, стой, не всѣ сразу.

— Разъ, два, три...

— Ты куда прешь, свиное рыло!.. — съ укоризной замѣтилъ одинъ посадскій другому.

— Куда? Самъ знаешь, куда!

— Ты въ сапогахъ, а я въ опоркахъ, чего, лѣшій, отбиваешь!..

— Всѣмъ хватитъ работы!..

— Я раньше тебя пришелъ!

— Ну, коли раньше, такъ становись ближе!

Подрядчикъ отсчиталъ пятнадцать человѣкъ, въ число которыхъ попали и Яшка-Лохматый, и Степка-Кореляк.

— Паспорта ваши пожалуйте!

Отдали паспорта.

— Куда идти-то?

— На Гагаринскую!..

На Гагаринской пристани, на Невѣ, стояло нѣсколько барокъ съ кирпичемъ, которыя выгружали «лѣтники»: такъ называются рабочіе, которые нанимаются на лѣто доставлять кирпичи въ Петербургъ и выгружать его на берегъ. Они, соединившись въ артель человѣкъ по десяти, по пятнадцати, рядятся съ хозяиномъ на срокъ съ апрѣля мѣсяца до 1 октября, по цѣнѣ отъ 150 до 180 рублей въ лѣто, на хозяйскихъ харчахъ. По случаю спѣшной выгрузки, на помощь «лѣтникамъ» нанимаютъ «вольницу» на поденщину, ей платятъ дороже, но зато и работаетъ она непродолжительное время—пока есть работа.

Катать тачку берется всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силу и выносливость. А силы тутъ требуется не мало.

Придя на пристань, Лохматый и Кореляк тотчасъ же обратились къ подрядчику:

— Хозяинъ, денегъ дай!

— Зачѣмъ вамъ?

— Надо лапти купить! Въ лаптяхъ способнѣе ходить по доскамъ-то!

— Да и кожаныя рукавицы не мѣшало-бы, а то руки истреплешь объ кирпичъ-то!

Подрядчикъ далъ, и Яшка, и Степка тотчасъ запаслись кожаными рукавицами и веревочными просмо-

ленными лаптями, которые купили тутъ-же, на пристани, у бабы-торговки, по гривеннику за пару. Всѣ судорабочіе выгрузчики, во время работы, обязательно ходятъ въ лаптяхъ, въ которыхъ удобнѣе бѣгать по доскамъ, меньше шансовъ поскользнуться и упасть съ тачкой въ воду.

— Ну, берись, ребята, за тачки. Нечего времени терять!—скомандовалъ подрядчикъ.

И вольница встала на линію въ перемежку съ «лѣтниками», за которыми надо поспѣвать... Не поспѣешь, вышибутъ изъ линіи, и тогда срамъ, позоръ, уходи прочь, намъ такихъ не надо, мало каши ѣлъ, силы нѣтъ... Корелякъ сразу наложилъ на тачку 50 кирпичей и рысцою, бѣгомъ, повезъ тачку по желѣзной колеѣ, проложенной съ самой барки во дворъ дома.

— Ты, братъ, не горячись! — замѣтилъ ему Лохматый!..

— А что?

— Погляди, всѣ возятъ по сорокъ кирпичей, а ты полсотни прешь!..

— Ничего!..

— Знаешь-ли ты, сколько въ одинъ заѣздъ въ тачкѣ везешь?

— Нѣтъ!

— А вотъ разочти! Каждый кирпичъ вѣситъ 12—15 фунтовъ!.. А ты везешь пятьдесятъ...

— Пятнадцать пудовъ, значитъ!

— Да!.. Вози по сорока!

— По двѣнадцати пудовъ!

— Довольно съ тебя и этого!.. За день-то, братъ, такъ умаешься, что соломину не перешагнешь!..

— Ладно!

Выгрузчики, сдѣлавъ десять концовъ съ барки на берегъ, рѣшили отдохнуть. Прибѣжавъ мелкою рысцою съ пустыми тачками на барку, они наложили на нихъ кирпича.

— Залога!—крикнулъ на всю барку старшой.

И тачки, съ наложеннымъ на нихъ кирпичемъ оставлены были на время въ покоѣ, а рабочіе присѣли, кто гдѣ могъ, и стали, не торопясь, скручивать изъ газетной бумаги цыгарки. «Лѣтники», какъ народъ привычный, не ощущали особенной усталости, работали какъ волы, запряженные въ ярмо, тихо и молчаливо. Давно уже у всѣхъ у нихъ были на рукахъ мозоли, руки пріучены крѣпко держать тачку и не давать ей накреняться на право или на лѣво, а поясница привыкла сгибаться за пробѣгомъ тачки. Вольницѣ, не привыкшей къ этой работѣ, было тяжело, да у нихъ и не было еще надлежащей сноровки. Но все-таки они не отставали отъ «лѣтниковъ» и работали на славу, хотя капли пота и выступали у нихъ на лбу.

— Берись за тачки!—скомандовалъ старшой, и катали снова забѣгали рысцою по колеѣ.

Въ двѣнадцать часовъ—обѣдъ. Кашеваръ наварилъ свѣжихъ щей и каши. Ѣли тутъ-же, на баркѣ, подъ открытымъ небомъ. Аппетитъ у всѣхъ превосходный.

— Ухъ! Усталъ!

— Жрать хочу!

— Такъ-бы, кажется, все и съѣлъ!..

— Еще-бы! Отъ такой работы!

— Что твоя ломовая лошадь!

— Присаживайтесь, молодцы!

Катали размѣстились группами возлѣ дымящихся

котловъ и принялись за ѣду, хлебая деревянными ложками прямо изъ котла. Послѣ обѣда—часикъ отдыха, во время котораго «катали» спали, какъ убитые, раскинувшись на баркѣ тамъ и сямъ, въ непринужденныхъ позахъ.

Послѣ обѣденнаго отдыха работали до самаго вечера.

— Пора шабашить, молодцы!—сказалъ подрядчикъ.

«Катали» наложили въ тачки кирпичи и оставили на баркѣ, приготовивъ ихъ къ завтрашнему дню, такъ чтобы на другой день, придя на работу, можно было прямо взяться за тачки съ кирпичами.

— Поденьщики, получайте деньги!

Вольница, выстроившись въ шеренгу, подходила по очереди и получала поденную плату.

— Завтра будете?

— Придемъ!

— Гдѣ-бы намъ ночевать? Въ ночлежку идти далеко!

— Ночуйте здѣсь, на баркѣ!..

— А и въ самомъ дѣлѣ! За ночлегъ не надо платить!

— Ну, вотъ, день-то и прошелъ! Слава тебѣ, Господи!—сказалъ Лохматый.

— Прожили!—отвѣтилъ Степка-Корелякъ,—да еще деньги нажили!.. По полтора цѣлковыхъ на брата!..

— Зато и поработали! Ломовая лошадь того не свезетъ, что мы съ тобою, Степа!

— Ну, неправда!

— Вѣрно говорю тебѣ! Вѣдь сто концовъ мы пробѣжали съ тачкой на берегъ!

— Ну, сто!..

— Клади на кругъ по десять пудовъ на тачку въ каждый конецъ! Вотъ тебѣ тысяча пудовъ!..

— Охо, хо, хо!..

— Да! Скотина не вывезетъ тысячи пудовъ въ день, а ты свезешь!..

— На то я и человѣкъ, — замѣтилъ Корелякъ, — чтобы больше скотины работать!.. Скотина глупа, а я умнѣе ея!.. Вотъ только что-то поясницу ломитъ, да въ плечахъ больно, возлѣ лопатокъ!

— Это съ непривычки,—утѣшалъ посадскаго кто-то изъ «лѣтниковъ»,—а вотъ какъ поработаешь съ недѣльку, какъ рукой сниметъ!.. Все пройдетъ... Пустяки!.. Гляди на руки; какъ мозоли наживешь, спинѣ легче станетъ!..

Наступила ночь. Вольница пріютилась на баркѣ вмѣстѣ съ «лѣтниками» и, сильно уставши, заснула богатырскимъ сномъ...

ПОБЛАГОДѢТЕЛЯМЪ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, часовъ въ восемь утра, вышли изъ ночлежнаго дома, называемаго босяками домомъ графа Морковкина, двое босяковъ Ванька-Кочанъ и Петька-Лохматый съ разбитымъ носомъ, и выйдя на улицу, остановились въ раздумьи, куда идти.

Денегъ—ни копѣйки, а въ брюхѣ пусто.

Какъ быть? Что дѣлать?

— Петька, куда-же идти?—спрашиваетъ Кочанъ.

— Да куда? По лавкамъ!—отвѣчаетъ Лохматый.

— Нѣтъ, братъ, по лавкамъ не лафа! Сегодня вѣдь не суббота! Въ лавкѣ-то, пожалуй, лещами накормятъ, или банку поставятъ!.. Мы ужъ тамъ всѣмъ глаза промозолили! А вотъ на Громовское—вали!..

И пріятели отправились на Громовское кладбище къ старообрядцамъ, рядомъ съ Митрофаніевскимъ кладбищемъ. Пришли и стали, какъ подобаетъ опытнымъ стрѣлкамъ, въ очередь, рядомъ съ другими, такими-же босяками, коихъ было тутъ человѣкъ до трехсотъ. Здѣсь почти каждый день бываетъ щедрая раздача милостыни отъ посѣщающихъ церковь и кладбище старообрядцевъ—на поминъ души усопшихъ родственниковъ.

Въ десятомъ часу утра публика повалила изъ церкви. Посыпались въ руки босяковъ копѣечныя и двухкопѣечныя монеты. Наши пріятели тоже не были обижены. Одинъ изъ старообрядцевъ, весьма тучный и солидный купецъ, подойдя къ Петькѣ, взглянулъ на его разбитый носъ и подалъ ему мѣдную монету, примолвивъ:

— Вотъ тебѣ копѣйка!..

— Спаси, Господи, благодѣтель!

— А вотъ твоему носу—копѣйка!..

— Дай тебѣ, Господи, еще больше разжирѣть!—отвѣтилъ Лохматый.

Купецъ пригрозилъ ему кулакомъ и пошелъ далѣе, по рядамъ, внимательно всматриваясь въ стрѣлковъ, нѣтъ-ли у кого разбитаго носа, подбитаго глаза, скулы и т. п. Каждому босяку, имѣвшему счастье носить фонарь или синіе голуби подъ глазами, оригинальный благотворитель подавалъ не копѣйку, а двѣ, приговаривая:

— Вотъ тебѣ копѣйка, а вотъ твоему глазу, или

вотъ твоему носу, смотря по тому, что у кого разбито.

Публика вся разошлась. Босяки тоже стали расходиться. У нашихъ босяковъ, у обоихъ вмѣстѣ, оказалось 31 копѣйка. У Петьки копѣйкой больше.

— Ну, братъ, и благодѣтель!—ворчитъ Ванька-Кочанъ.—На-ко-ся!.. Со смиренной рожей—копѣйку подаетъ, а съ разбитой—двѣ!.. Въ другой разъ пойду нарочно себѣ фонарь подставлю, чтобы не обидно было!..

— Да чего долго медлить? Коли хочешь, такъ сейчасъ засвѣчу!—хохочетъ Петька.

Пріятели вышли съ кладбища.

— А теперь вспомянемъ благодѣтелей: выпьемъ по «соткѣ», а потомъ отправимся къ «маткамъ»—«забетонивать!» (т. е. ѣсть не въ мѣру, до отвала).

Въ концѣ Волковой улицы, за Московской заставой, среди многочисленныхъ огородовъ, стоитъ небольшой одноэтажный бревенчатый старый домикъ съ небольшимъ дворикомъ, окруженнымъ заборомъ.

Здѣсь издавна проживаетъ нѣсколько старыхъ женщинъ—староверокъ, находящихся на иждивеніи общества старообрядцевъ и получающихъ отъ этого общества необходимую сумму денегъ — для кормленія нищей братіи.

Ежедневно здѣсь обѣдаетъ отъ 100 до 300 человѣкъ босяковъ. Эти старообрядческія старухи-благодѣтельницы пользуются большою популярностью среди петербургскихъ босяковъ, и извѣстны между ними подъ именемъ «матокъ».

Петька и Ванька-Лохматый смѣло подошли къ домику и постучали въ окно. Окно раскрылось и босяки проговорили:

— Христа ради, поѣсть, матушки!

— Войдите съ Господомъ во дворикъ!—послышался кроткій дребезжащій голосъ старухи.

Весь дворикъ уставленъ былъ столами, большими и малыми, за которыми сидѣли обѣдающіе. Нѣкоторые столы сколочены были на живую нитку изъ досокъ. Усѣвшись за столъ, оба пріятеля получили отъ женщинъ весьма почтенныхъ лѣтъ по большой деревянной чашкѣ щей, съ накрошеннымъ туда хлѣбомъ.

— Ѣшьте съ Господомъ!—проговорили женщины и тихо удалились. Петька и Ванька-Лохматый принялись за ѣду.

Дворикъ, наполненный обѣдающими, представлялъ собою своеобразную картину крайней бѣдности и наготы столичныхъ босяковъ. Тутъ сидѣли, жадно уничтожая «крошенку», въ рваныхъ пиджакахъ и полушубкахъ, въ старыхъ офицерскихъ кителяхъ, сидѣли даже въ женскихъ кацавейкахъ съ торчащими наружу клочками ваты. Были даже въ однѣхъ рубахахъ. Что же касается до обуви, то сапогъ ни у кого почти не было и въ поминѣ, и всѣ были въ опоркахъ или даже босоногіе.

Здѣсь, на открытомъ воздухѣ, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, утоляла свой голодъ самая что ни на есть вопіющая столичная бѣднота, среди которой старушки-старовѣрки представляли собою добрыхъ геніевъ. Сюда на даровщинку, въ трудную минуту жизни, приходитъ и пропившійся до-нельзя бывшій уланскій офицеръ, еще молодой человѣкъ, угрюмый и сосредоточенный, какъ будто онъ рѣшаетъ философскую проблему о жизни; его фамиліи никто не знаетъ; быть можетъ, онъ тяготится своими новыми товарищами, о

которыхъ онъ никогда и не помышлялъ; посѣщаетъ «матокъ» и бывшій становой приставъ, тоже пропившійся, который и среди несчастья не забылъ еще своей старой привычки показать власть, и часто, безъ всякой причины, пускаетъ въ ходъ свои кулаки, за что и получаетъ отъ босяковъ сторицею, такъ какъ они смотрятъ на него, какъ на коллегу; обращаетъ на себя вниманіе одинъ юноша, блудный сынъ, страшно оборванный, бѣжавшій отъ родителей въ Петербургъ «попытать счастья» и затянутый въ тину столичнаго омута.

Всѣ голодные пришельцы ѣдятъ здѣсь за семерыхъ, и если бы можно было, то наѣлись бы за нѣсколько дней впередъ. Если нѣтъ въ какой-нибудь день варева, что бываетъ рѣдко, то каждому пришельцу дается по куску хлѣба и по 1 копѣйкѣ денегъ.

— Ну, Петька, облизывай ложку!—говоритъ Ванька.—Здорово я забетонилъ! Не вздохнуть! Брюхо какъ барабанъ!.. Пощупай—на!..

— Да и я тоже,—отвѣчаетъ Ванька, опоражнивая богатырскую ендову квасу.—маху не далъ!.. На моемъ брюхѣ хоть рожь молоти!..

— А что, не спросить-ли еще чашечку щецъ!—говоритъ Петька.

— Да что ты, чортъ, обожраться хочешь, что-ли? Замертво, что-ли, хочешь лечь! Вставай-ка, да пойдемъ!.. Пора къ Крю—кову за скороходами (т. е. за сапогами).

— Айда!..—отвѣтилъ Петька.

И оба отправились на Мѣщанскую улицу, къ другому благодѣтелю, который тоже извѣстенъ среди босяковъ. Это купецъ Крю—ковъ, имѣющій мастерскую

и магазинъ обуви, и снабжающій босяковъ хотя и старыми, но хорошо починенными сапогами.

Приди къ нему въ опоркахъ или босикомъ — каждому дастъ.

— Не доходя до дома Крю—кова, Петька и Ванька остановились и стали совѣтъ держать.

— Ванька!—говоритъ Петька,—ты сапоги-то сними, а то вѣдь тамъ на смѣнку возьмутъ! Голенища-то монетъ тридцать потянутъ!

— Знаю безъ тебя!—отвѣчаетъ Ванька,—я въ сапогахъ-то постою, а ты стрѣляй первый!

— Ладно! Смотри-же, не уходи!..

И Ванька направился къ благодѣтелямъ.

Войдя въ ворота дома Крю—кова, онъ поднялся по узенькой лѣстницѣ въ контору, снялъ картузъ и, скорчивъ печальную мину, смиренно обратился онъ къ конторщицѣ:

— Добрая барышня! будьте благодѣтельинцей! Не откажите какіе-нибудь сапожонки! Иду въ святой градъ Кіевъ, а опорки съ ногъ сваливаются!..

Конторщица окинула его взоромъ съ ногъ до головы, написала записку и молча подала ему со словами:

— Иди въ магазинъ!

— Покорнѣйше благодарю, барышня! Пошли вамъ, Господи, хорошаго жениха!..—проговорилъ Ванька, и отправился въ магазинъ, тутъ-же по близости.

Войдя въ магазинъ, онъ вручилъ записку прикащику:

— Здравія желаю, господа купцы,—проговорилъ онъ. На счетъ сапожонокъ пришелъ! Въ Кіевъ иду на богомолье, а опорки истрепались!..

— Эге, братъ,—проговорилъ одинъ изъ прикащиковъ, внимательно посмотрѣвъ на него, да вѣдь ты на прошлой недѣлѣ въ Іерусалимъ отправлялся!..

— Отправлялся, господинъ купецъ, да не отправился!..

— Отчего?

— Паспортъ украли! И сапоги украли! Вотъ пришлось второй разъ обратиться къ вашей милости!..

— Все, братъ, ты врешь! — перебилъ его мальчикъ при магазинѣ:— я самъ видѣлъ, какъ ты сапоги продавалъ возлѣ Обуховскаго моста.

— Полно, милый, ты обознался! Это не я былъ, а похожій на меня!

— Ничего не обознался: ты, да и сапоги-то наши!

— Что съ нимъ толковать-то! Примѣрьте ему какіе-нибудь сапоги!..

И Ванька вышелъ изъ магазина веселый и ликующій!

— Что ты, чортъ, провалился! — встрѣтилъ его Петька:—я ужъ думалъ, что тебя замели (т. е. арестовали).

— Ничего не замели! А я, братъ, забылъ, что на прошлой недѣлѣ сапоги получилъ, чтобы въ Іерусалимъ идти!.. Ну, да ладно, снимай «кони» (т. е. сапоги), да ступай, накаливай!..

Петька снялъ сапоги, посмотрѣлъ на свои ноги и призадумался.

— Что стоишь-то? Ступай!..

— Да какъ идти-то! Если-бы и вправду ходилъ босикомъ, то ноги-то развѣ были-бы такія бѣлыя!.. Не повѣрятъ!..

— Эка бѣда! Поплюй на ноги-то, да землицей

потри! Вотъ и будутъ черныя! Словно отъ роду сапогъ не нашивалъ!..

Петька исполнилъ благоразумный совѣтъ, поплевалъ на ноги и потеръ ихъ землею, и, войдя въ контору, обратился къ конторщицѣ со словами:

— Добрѣйшая благодѣтельница! Помогите Христа ради! Дайте какіе-нибудь сапожонки!.. Вчера только вышелъ изъ больницы!..

— Что-же ты врешь, голубчикъ? Да развѣ изъ больницы выпустятъ безъ сапогъ!..

Петька такого афронта совсѣмъ не ожидалъ, но все таки попробовалъ вывернуться.

— Добрые люди въ больницѣ-же и украли!

Затѣмъ, собравшись съ силами, Петька притворился на сколько могъ, и самымъ плачевнымъ голосомъ произнесъ:

— Помогите Христа ради!

Конторщица покачала головой и вручила ему записку — на полученіе сапогъ. Придя въ магазинъ, Петька со словами:

— Къ вамъ, благодѣтели, съ записочкой! — подалъ бумажку прикащику.

— Ну, вотъ, не успѣли одного сплавить, другой фруктъ явился!..

— Помогите, пожалуйста! На Аѳонъ отправляюсь!.. На ногахъ даже опорокъ нѣтъ!

— Экъ васъ разносило-то! Одного то въ Іерусалимъ, то въ Кіевъ, а другого на Аѳонъ!..

— Помилуйте! — проситъ Петька: — я въ первый разъ въ жизни у васъ! Наслышался о вашей добротѣ! Взгляните на мои ноги-то!.. Вѣдь совсѣмъ заскорузли, обвѣтрились...

Прикащики, взглянувъ на ноги, смягчились, примѣрили ему сапоги и отпустили его съ миромъ.

Выйдя изъ магазина и подбѣжавъ къ Ванькѣ, Петька отъ сильной радости бросился къ нему въ объятія, говоря:

— Ваничка-Кочанный, другъ мой милый! и фортовый-же ты парень! Твой совѣтъ въ прокъ мнѣ пошелъ! Какъ посмотрѣли на мои ноги-то, такъ и сапоги дали!..

Послѣ оцѣнки достоинства сапогъ, пріятели тотчасъ-же, не теряя времени, отправились въ Александровскій рынокъ, чтобы продать ихъ.

Тамъ обѣ пары проданы были маклакамъ за хорошую цѣну. А за старые Петькины сапоги, они получили двѣ пары опорокъ, въ которые и вырядились.

— Ну, братъ, теперь и дерябнемъ на славу! Выпьемъ!

— Поработали на пару—и довольно!.. Идти больше некуда!..

— Какъ некуда!.. — возразилъ Петька, — еще не всѣхъ благодѣтелей обошли... А къ Мировихѣ-то забылъ!..

— Экъ хватилъ! Мировиха принимаетъ въ среду...

Ванька вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Лохматаго, и оба они отправились пропивать деньги...

Извѣстная среди босяковъ Мировиха — жена одного изъ столичныхъ мировыхъ судей, которая каждую среду выдаетъ у себя на квартирѣ всякому пришельцу — сколько-бы ихъ ни было! — по три копѣйки на человѣка. И къ ней босяки идутъ безбоязненно, не опасаясь полиціи. Мужъ ея, извѣстный мировой судья, никогда не осудилъ за нищенство ни одного босяка,

просящаго Христа ради. При разборѣ подобныхъ дѣлъ въ его камерѣ, онъ снимаетъ съ себя цѣпь и объявляетъ, что за имя Христово онъ судить не можетъ.

ТРУДОЛЮБЦЫ.

Конецъ августа... Картофельный сезонъ на огородахъ—въ полнонъ разгарѣ. На биржѣ чернорабочихъ, что на Никольской площади, собрались тысячи рабочихъ: шумъ, крикъ и гамъ. Всѣ стоятъ, подъ открытымъ небомъ, толкаясь на одномъ мѣстѣ—въ ожиданіи нанимателя. Здѣсь находятся и крестьяне, пріѣхавшіе на заработки, и петербургскіе посадскіе, ищущіе работы. Тутъ же размѣстились живописными группами, въ яркихъ пестрыхъ костюмахъ, капорки, пріѣхавшія спеціально на огороды.

Съ биржи то и дѣло уходятъ по нѣскольку человѣкъ, это—уже нанятые. Нанятыя капорки усаживаются на пріѣхавшія за ними подводы-телѣги, человѣкъ по десяти, по пятнадцати, и отвозятся на арену ихъ дѣятельности, на огороды. Происходитъ своего рода похищеніе «сабинянокъ» столичными огородниками.

Вотъ подходитъ къ биржѣ нѣмецъ-колонистъ, невысокаго роста, коренастый, бритый, одѣтый чисто и опрятно, съ присущей нѣмцу аккуратностью. Не успѣлъ нѣмецъ войти на биржу, какъ его окружили со всѣхъ сторонъ посадскіе съ криками:

— Фатеръ! на картошку, что-ли?

— Сколько человѣкъ надо?

— На картошку! отвѣчалъ нѣмецъ.

— А куда?

— Въ Александровскую колонію!

— Цѣна? спрашиваютъ, посадскіе.

— Пятьдесятъ копѣекъ! отвѣчаетъ нѣмецъ.

— Что ты, жидоморище!

— Сквалыга: орутъ посадскіе.

— За полтинникъ и бабы не пойдутъ!

— Упрись, ребята, на восемь гривенъ!...

— Что онъ? Съ ума сошелъ, что-ли!..

— Вѣстимо, упрись, ребята!..

— Даромъ, что-ли, спину-то ломать!..

Начинается крупная перебранка. Дѣло чуть не доходитъ до драки. Нѣмецъ всѣми силами старается выбраться изъ толпы. Но это ему не удается; посадскіе окружили его плотною стѣною.

— Нанимай, фатеръ! А то не выпустимъ!

— Прибавь гривенникъ!..

Наконецъ, цѣна устанавливается на шести гривнахъ. И нѣмецъ выбираетъ изъ толпы десять человѣкъ, преимущественно обращая вниманіе на рослыхъ и широкихъ субъектовъ. Даетъ каждому по пятіалтынному въ видѣ задатка, а въ замѣнъ отбираетъ отъ нанятыхъ посадскихъ паспорта. Даетъ имъ свой адресъ и, не торопясь, какъ и подобаетъ степенному человѣку, удаляется изъ биржи.

Нанявшіеся посадскіе первымъ дѣломъ справляются другъ у друга, сколько у кого имѣется денегъ. У кого оказывается полтинникъ, у кого тридцать копѣекъ, а у кого рубль. Были и такіе, у которыхъ за душою ни гроша.

— Какъ, братцы, поѣдемъ, или пѣшкомъ пойдемъ?

— Конечно, пѣшкомъ! рѣшаетъ большинство.

И партія отправляется въ путь-дорогу къ Невской заставѣ.

Пройдя Семяниковскій судостроительный заводъ, партія сдѣлала привалъ у первой попавшейся «казенки», и далѣе всю дорогу, на протяженіи верстъ восьми, ни одна находящаяся на пути «казенка» не была ими позабыта, ради «подкрѣпленія силъ», такъ-что только къ вечеру пришли они къ мѣсту своего назначенія, въ Александровскую колонію, съ опустошенными кошельками, но за то въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Если бы хозяинъ не вышелъ имъ на встрѣчу, то имъ, по всей вѣроятности, не найти было-бы и дома хозяина, потому-что они долго бродили по полю вокругъ да около, но на счастье ихъ нѣмецъ изъ окна увидѣлъ ихъ. Къ довершенію всего, они даже потеряли и записку съ адресомъ колониста.

Нѣмецъ привелъ ихъ къ себѣ домой. Всѣ они страшно устали, и рады были, что добрались до ночлега.

Съ шумомъ, гамомъ ввалились они въ избу колониста. Изба была большая, просторная, на двѣ половины: одна хозяйская, а другая для рабочихъ.

Отдохнувъ и покуривъ, пришедшая партія стала совѣтоваться насчетъ ужина.

— Ребята, пойдемъ къ фатеру!

— Надо, вѣдь, пожрать-то!

И не долго думая, партія загалдѣла:

— Что же, фатеръ, ужинъ-то будетъ или нѣтъ?

— Сейчасъ, сейчасъ!—успокаивалъ ихъ нѣмецъ:— картошка варится!

И дѣйствительно, въ скоромъ времени нѣмкой-хозяйкой было поставлено громадное лукошко карто-

феля, принесенъ нарѣзанный большими ломтями черный хлѣбъ и на блюдѣ подсолнечное масло.

— Кушайте, господа хорошіе!—проговорила нѣмка.

Партія, размѣстившись вокругъ лукошка, принялась за ѣду. Ѣли въ молчаніи, слышно было только громкое чавканіе, пока не наѣлись досыта.

Вставши изъ-за стола и сказавъ фатеру «спасибо», партія принесла кучу свѣжей соломы, разложила ее тутъ же на полу и, закуривъ цыгарки, расположилась на ночлегъ. Но такъ какъ они всѣ были выпивши, то имъ долго не спалось. Было уже далеко за полночь.

— А что, братцы, не спѣть-ли?—предложилъ одинъ изъ лежавшихъ.

— Что же, можно!—отвѣтили ему всѣ хоромъ.

— Валяй, ребята!..

— Какую же?

— Жарь «Тройку московскую»!

И среди ночной тишины, когда хозяинъ тихо и безмятежно почивалъ со своимъ семействомъ, посадскіе вдругъ хоромъ грянули:

«Вотъ мчится тройка удалая,
По Волгѣ-матушкѣ зимой
Ямщикъ, уныло напѣвая,
Качаетъ буйной головой!»

На хозяйской половинѣ колониста засуетились, раздался плачъ дѣтей, и къ посадскимъ выбѣжалъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ «фатеръ».

— Господа! Потише, пожалуйста! Всѣхъ дѣтей перепугали!..

— А развѣ нельзя пѣть-то?—невозмутимо невинно спросили посадскіе.

— Какое теперь пѣніе: въ часъ ночи!

— Ну, нельзя, такъ мы и не будемъ!

И по уходѣ хозяина, посадскіе мало-по-малу угомонились и наконецъ заснули.

На другой день, въ шесть часовъ утра, хозяинъ разбудилъ ихъ и хотѣлъ со своимъ работникомъ отправить ихъ въ поле на работу.

Но не тутъ-то было. Посадскіе уперлись.

— Это какъ же такъ? Не жравши, да прямо въ поле!.. Съ мѣста да прямо въ карьеръ!.. Нѣтъ, братъ, у насъ такъ не водится! Накорми прежде, а потомъ и гони на работу.

— Ну, хорошо, хорошо! Я всѣмъ чай въ поле привезу!—успокаивалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! Знаемъ мы это поле. Тебѣ только стоитъ загнать насъ туда, а тамъ ужъ тебя, колбасу-картофелину, и не увидишь!..

Поднялся шумъ, крикъ, и ватага наступала на нѣмца.

— Или чай вари, или паспорта давай, а такъ не пойдемъ!..

— Ну, народъ! проворчалъ нѣмецъ, и велѣлъ ставить самоваръ.

Только въ семь часовъ посадскіе, напившись и наѣвшись, тихо и не торопясь выползли въ поле.

Придя на полосу хозяина, они спокойно, не торопясь, начали свертывать себѣ цыгарки, потомъ стали курить. Сопровождавшій ихъ подручный хозяина посмотрѣлъ на ихъ занятіе, покачалъ головой, плюнулъ и, ни слова не сказавъ, тоже началъ набивать себѣ трубку...

И только въ половинѣ восьмого посадскіе принялись за работу: выкапывать изъ грядъ картошку при

помощи желѣзной лопатки. Накопавъ мѣшокъ картофеля, они опять расположились курить... Подручный хозяина попробовалъ было усовѣщевать ихъ, говоря:

— Тихо очень работаете, братцы! Мѣшокъ накопали, да и курить!..

— А тебѣ что же, за шестьдесять-то копѣекъ душу нашу хочешь вымотать...

Въ двѣнадцать часовъ дня ихъ повели обѣдать.

На этотъ разъ хлебали супъ безъ мяса, потомъ опять супъ, но уже съ мясомъ. И тутъ дѣло не обошлось безъ пререканій.

Хозяинъ хотѣлъ ограничиться однимъ только супомъ, но посадскіе, похлебавъ супу, захотѣли и каши.

— Давай, фатеръ, каши!

— Да гдѣ же я возьму, господа, каши! Мы кашу не варили!

— А намъ какое дѣло! Не каши, такъ картошки давай!

— Да гдѣ же ее взять-то; и картошки нѣтъ вареной!..

— Мы подождемъ, ничего!

— Время терпитъ!

Пришлось хозяину картошку варить. Пошли спѣшныя хлопоты по варкѣ картофеля. А посадскіе расположилися тѣмъ временемъ на отдыхъ, ехидно посмѣиваясь надъ хлопотавшимъ нѣмцемъ, неожиданно попавшимъ въ просакъ: пока картошка варилась, и пока посадскіе ее ѣли, время приблизилось уже къ двумъ часамъ. На хозяйскую полосу посадскіе пришли только къ тремъ часамъ.

— Ну, теперь, намъ осталось работать только четыре часа!..

— Вола провертимъ какъ-нибудь!

Покопавши картошку съ полчаса, они опять принялись свертывать цыгарки. Подручный хозяина на этотъ разъ вышелъ изъ терпѣнія, и послѣ продолжительныхъ споровъ, чтобы не обидно было, обѣ стороны рѣшили: курить только послѣ накопанныхъ всею партіею десяти мѣшковъ.

И посадскіе принялись за работу: накопаютъ десять мѣшковъ—и курятъ. Курятъ не торопясь, съ прохладцей... Трое изъ партіи стали забѣгать впередъ: успѣвали за это время накапывать не по одному мѣшку, а по два. Изъ-за этого остальные семь человѣкъ возмутились и пригрозили старателямъ, чтобы они не усердствовали, и что какъ бы они, въ противномъ случаѣ, не попробовали бы лопатой по спинѣ... И работа пошла ровно. Никто не отставалъ, и никто не забѣгалъ. Установилось единодушное согласіе.

Въ восьмомъ часу вечера, окончивъ дневную работу и поужинавъ горячаго картофеля съ хлѣбомъ и напившись чаю, партія улеглась спать, на этотъ разъ безъ пѣсенъ.

На другой день нѣмецъ разбудилъ посадскихъ въ шесть часовъ утра, и ужъ самоваръ былъ готовъ. Наука пошла нѣмцу въ прокъ. За чаепитіемъ трудолюбцы обмѣнивались впечатлѣніями отъ вчерашняго дня. Оказалось, что у кого спина болитъ, у кого руки не поднять, у кого голова болитъ...

— Да ну его къ чорту съ работой-то!

— Этакъ дня два поработаешь, такъ и до Никольскаго не добредешь.

— Пойдемъ, ребята, къ фатеру за разсчетомъ!..

— Довольно, поработали!

— Мы люди вольные!

— Чего намъ ломать себя!

— Пострѣляемъ лучше!..

— Тѣ-же шесть гривенъ настрѣляемъ!..

— А то закабалили себя!..

И вся партія, какъ одинъ человѣкъ, направилась къ нѣмцу-колонисту, который былъ очень изумленъ появленіемъ ихъ, не зная причины; самоваръ, кажется, во время былъ поставленъ, хлѣба тоже было вдоволь..

— Давай, фатеръ, паспорта!

— Что такъ?

— Мы уходимъ!

— Кому паспорта?—спросилъ хозяинъ.

— Да всѣмъ!

— Вотъ те на!..

Ничего не говоря, хозяинъ вынесъ имъ паспорта, и выдалъ каждому по 60 копѣекъ за одинъ день, не вычтя даже 15 копѣекъ задатку, который данъ былъ на Никольскомъ рынкѣ.

— До свиданья, фатеръ! И всѣ тотчасъ вышли изъ избы.

— Партія, набивъ свои карманы картошкой на закуску, отправилась во свояси—на Никольскую площадь.

— Да! Ужъ не дай Богъ возиться съ картошкой!..—промолвилъ одинъ изъ посадскихъ.

— Каторжная работа!..—философически подтвердили остальные трудолюбцы. И партія зашагала по шоссе.

— А что, братцы, не завернуть-ли?—проговорилъ одинъ изъ посадскихъ.

— Куда?

— Въ храмину Бахуса! Кругляки теперь у насъ есть!..

— Вали!..
— Картошкой закусимъ!..
— Много-ли намъ надо?..

НИЩІЙ.

Очеркъ съ натуры.

Среди многочисленной нищей братіи, на паперти церкви Матвѣя апостола, что на Петербургской сторонѣ, возлѣ входныхъ дверей, за ранней обѣдней, стоялъ нищій Антонъ. Поодаль отъ него, среди бабъ-нищенокъ, стояла его жена, которая тоже промышляла нищенствомъ, такъ-что оба они вмѣстѣ съ мужемъ работали въ двѣ руки. Въ то время, когда нищій Антонъ, завидя входящаго богомольца, предупредительно отворялъ ему церковныя двери и за это ждалъ подачки, жена его, стоя въ притворѣ, въ хвостѣ длинной вереницы нищихъ, голосила:

— Подайте Христа ради! Не откажите! Мужъ умеръ! Семеро дѣтей!..

Нищій Антонъ пользовался большимъ уваженіемъ среди нищей братіи. Они слушались его и считали его за старшаго. Въ случаѣ какого-нибудь спора изъ за мѣста на паперти между ними—Антонъ водворялъ порядокъ.

— Чего вы тамъ галдите? внушительно сказалъ Антонъ, обращаясь къ нищей братіи, стоявшей шпалерами на паперти и въ притворѣ.

— Да вотъ она не свое мѣсто заняла!

— Вишь ты, казанская сирота какая!

— Тоже лѣзетъ впередъ—со свинымъ рыломъ да въ калашный рядъ!..

— Тише у меня, а то выведу!.. прикрикнулъ Антонъ на препирающихся нищенокъ; черти, право, черти!.. Въ это время въ притворѣ храма показался довольно пожилыхъ лѣтъ какой-то купецъ.

Увидя его, нищіе моментально притихли и охая и вздыхая, заголосили на распѣвъ, прося милостыню.

Первая начала жена Антона:

— Подайте Христа ради! Не откажите, благодѣтель! Мужъ умеръ! Семеро дѣтей!

Потомъ пристала вся нищая братія:

— Подайте слѣпенькому, слѣпенькому!

— Помогите убогому, несчастному!..

Купецъ сунулъ въ руку «несчастной вдовѣ» мѣдякъ и пошелъ далѣе. Антомъ не зѣваетъ: онъ распахнулъ церковныя двери именно въ тотъ моментъ, когда купецъ подходилъ къ нимъ, за что и получилъ тоже мѣдякъ.

— А что-то мало народу нынче въ церкви! замѣтилъ съ сожалѣніемъ одинъ изъ нищихъ.

— Какая теперь публика—за ранней обѣдней!..

— Только старухи, да старики, да прикащики, да купцы...

— Извѣстно, публика самая благочестивая!..

— Потому и мало!..

— А вотъ погоди, за поздней обѣдней иголки негдѣ просунуть будетъ!

— А слыхали, братцы, сегодня архіерея ждутъ!

— Когда?

— За поздней обѣдней!

— По какой оказіи?

— А по случаю годовщины какой-то!..

— Столѣтіе церкви, что ли?

— Не знаю!..

— Публики много будетъ!

— И намъ перепадетъ!..

По окончаніи ранней обѣдни, публика стала расходиться по домамъ. Нищіе, разсѣявшись возлѣ церковной ограды, стали ожидать поздней обѣдни, такъ какъ многіе изъ нихъ жили далеко и могли-бы опоздать къ началу обѣдни.

Нищій Антонъ давно считался у церковныхъ сторожей своимъ человѣкомъ: помогалъ имъ убирать церковь, прислуживалъ имъ, а подчасъ и сторожилъ—во время крестнаго хода, оставшись одинъ въ церкви.

Только-что кончилась ранняя обѣдня, на паперть выбѣжалъ одинъ изъ сторожей.

— Антонъ! огарки собирай—иди!

И Антонъ сталъ обходить иконы и вынимать изъ подсвѣчниковъ огарки.

— Антонъ! полы подметай!..

— Торопись!

— Поспѣю! Время хватитъ!

— Сегодня владыко пріѣдетъ!

— Большое торжество.

— А по какому случаю?

— Столѣтіе храма.

— То-то давеча въ притворѣ говорили!

— Кто?

— Да наши, нищіе.

— Чуютъ, что пожива будетъ.

— Еще бы! Народу соберется много. Все лишняя копѣйка и перепадетъ.

— Надо владыку колокольнымъ звономъ встрѣчать. Ты гляди, Антонъ, когда владыка будетъ подъѣзжать къ церкви, махни рукой звонарю.

— Ладно! Я это устрою. Встрѣтимъ владыку, не прозѣваемъ!

Антонъ вышелъ къ церковной оградѣ и объявилъ нищей братіи о предстоящемъ церковномъ торжествѣ.

— Братцы, владыко пріѣдетъ!

— Кто?

— Архіерей! Надо встрѣтить его съ колокольнымъ звономъ!

— Ну, что-жъ? Звонарь постарается! Потрезвонитъ во всѣ колокола!

— Такъ-то такъ! Какъ-бы не опоздать?..

— А мы караулить будемъ!

— Надо сторожей разставить!—совѣтуетъ слѣпой Мишка!..

— Вѣстимо, безъ сторожей нельзя, соглашается горбунъ.

— Караульщиковъ поставить по улицамъ, чтобы смотрѣли, когда владыко поѣдетъ!..

—Такъ вотъ что, братцы, поработаемъ для общаго дѣла!..

— Ладно! Отчего-жъ? Постараемся!

— Ты, слѣпой, ступай на уголъ Пушкарской и Каменноостровскаго проспекта и гляди, когда владыка поѣдетъ.

— А какъ я узнаю его?

— Въ каретѣ, четверка лошадей, лошади цугомъ. Запримѣтишь?

— Ладно!

— Какъ увидишь, махни рукой. А ты, хромой, бѣги на Пушкарскую и гляди на Мишку, какъ махнетъ тебѣ рукой, маши и ты, а я буду стоять здѣсь.

Кромѣ того, нѣсколько нищихъ для той же цѣли разставлены были на всемъ протяженіи Каменноостровскаго проспекта, такъ что когда карета владыки показалась возлѣ Александровскаго парка, караульщики уже успѣли передать Антону, что владыка ѣдетъ... Разставивъ нищихъ на сторожевые посты, Антонъ нашелъ работу и оставшимся изъ нищей братіи.

— Берись, ребята, за метлы!.. Подметай улицу! Подметай церковную ограду!

— Что мы? Дворники что-ли?—отнѣкивались нѣкоторые нищіе.

— Вишь, лѣнтяи какіе! Что у васъ спина-то переломится что-ли?

— А мы лучше посидимъ, да покалякаемъ!..

— Да вѣдь вы кормитесь около церкви, милостыню тутъ собираете!..

— А сторожа-то на что?

— Имъ и такъ много работы! Помогите!..

— Давай метлы!..

— Руки-то не отсохнутъ съ одного-то раза!..

— Ну, такъ и быть поработаемъ, ради такого торжественнаго дня.

— На, тебѣ, Иванъ, метлу! На, тебѣ, Петруха!..

Получивъ метлы, нищіе усердно принялись за работу, и подняли на улицѣ и за церковной оградой пыль столбомъ...

Въ десятомъ часу раздался благовѣстъ. Вездѣ было убрано чисто. Нищая братія быстро окончила работу

и стала на паперть, занявъ свои мѣста. Антонъ стоялъ около церковной ограды, со стороны Пушкарской улицы, и пристально глядѣлъ вдаль, ожидая условленнаго сигнала. Съ колокольни звонарь внимательно поглядывалъ на внизу стоящаго Антона. Вдругъ Антонъ замахалъ руками и крикнулъ:

— Валяй! Ѣдетъ!..

На этотъ окликъ Антона съ церковной колокольни раздался торжественный трезвонъ. Звонарь никогда такъ усердно не трезвонилъ, какъ сегодня.

Казалось, что колокола не вынесутъ перезвона и треснутъ. Антонъ стоялъ внизу, довольный и улыбающійся.

— Вотъ какъ у насъ встрѣчаютъ владыку!

— Гдѣ владыка?

— Ѣдетъ!

— Можетъ быть, напрасная тревога!

— Нѣтъ, Антонъ знаетъ что дѣлаетъ! Вотъ увидите, черезъ нѣсколько минутъ подкатитъ карета...

— Однако, какъ же узнали?

— Это нашъ секретъ!—отвѣтилъ Антонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, пріѣхалъ архіерей, а вскорѣ послѣ него приплелась и нищая братія, раставленная Антономъ караульщиками на Каменноостровскомъ и Пушкарской улицѣ.

— Спасибо, братцы, постарались!

— Я всѣ глаза проглядѣлъ, чтобы не упустить владыку! похвастался слѣпой Мишка, и занялъ на паперти свое мѣсто.

— Ты у меня молодецъ!..

По окончаніи богослуженія, когда архіерей уѣхалъ,

и публика разошлась по домамъ, церковные сторожа, въ награду, дали Антону цѣлый ворохъ старыхъ просфиръ, которыя онъ и раздѣлилъ между нищею братіею.

КОРОЛИ НИЩИХЪ.

Въ воскресный день, въ 8 часовъ вечера, въ одномъ изъ ночлежныхъ домовъ Петербурга, въ сушилкѣ, гдѣ посѣтители просушиваютъ свои рубахи, порты и онучи, сидѣли на полу, предъ пылающимъ каминомъ, двое босяковъ Ѳедька-рябой и Сенька-косой и вели между собою разговоръ. Ѳедька-рябой былъ рослый дѣтина, широкоплечій, съ лицомъ, на которомъ, по народному выраженію, чортъ горохъ молотилъ. Сенька-косой сильно косилъ на лѣвый глазъ, и физіономія его имѣла плутоватый видъ, какъ будто онъ собирается сдѣлать вамъ какую-нибудь каверзу. Оба они—профессіональные нищіе, хотя сами никогда не просятъ милостыни.

Каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ своей собственной артели нищихъ, составленной изъ мальчугановъ-подростковъ, лѣтъ двѣнадцати, пятнадцати. Въ ночлежкѣ называютъ ихъ кто старостами нищихъ, кто хозяевами, кто — королями. У одного насчитывается девять мальчиковъ, а у другого—семь.

Староста заботится о своей артели: кормитъ, обуваетъ, одѣваетъ мальчиковъ и нанимаетъ имъ въ ночлежкѣ уголъ. Зато мальчуганы приносятъ ему еже-

дневно всю выручку, какую они настрѣляютъ за день.

Теперь, грѣясь у камина, Ѳедька-рябой и Сенька-косой ждали возвращенія въ ночлежку своихъ мальчугановъ, послѣ праздничной «стрѣльбы».

— Ты куда сегодня своихъ кадетовъ-то направилъ? спрашиваетъ своего товарища Ѳедька-рябой.

— Сегодня двухъ къ Казанскому собору, да трехъ къ Кіевскому подворью, тамъ сегодня праздникъ! — отвѣчалъ Сенька-косой.

— А я такъ двоихъ въ Александро-Невскую лавру махнулъ! Тамъ митрополитъ сегодня служитъ, да двоихъ на Сергіевскую, — оттуда генерала повезутъ на кладбище Ново-Дѣвичьяго монастыря, а подъ вечеръ велѣлъ къ Народному дому заглянуть! Вѣдь Мишка-то-огарокъ у меня ловкій парень: гдѣ стрѣльнетъ, гдѣ «боченокъ срубитъ», а гдѣ и »шмель выудитъ», ну, да и »винта нарѣзать» мастеръ... Коли захотятъ за-«мести», въ одну секунду скроется.

— Да и у меня Егорка-то тоже парнишка фортовый! Только ужъ очень отчаянный... Тутъ какъ-то, онамеднись, подъ вечеръ, идетъ у Троицы дама, онъ шасть къ ней: подайте, благодѣтельница!—скулитъ,— ну, та вынула шмель, и только хотѣла открыть его, а онъ, не долго думая, бацъ ее по рукѣ, выхватилъ шмель, да и былъ таковъ!..

— А много-ли въ шмелѣ-то было?

— Четыре «желтяка» оказалось... Ну, я ему за это сапоги новые купилъ да пинжакъ!..

— Вѣстимо, поощрить не мѣшаетъ за ловкое дѣло!.. Да вонъ никакъ они идутъ!..

Дѣйствительно, въ сушилку съ шумомъ и крикомъ

ввалилась веселая гурьба мальчишекъ, раздѣлилась на двѣ партіи и стала выкладывать изъ своихъ кармановъ выручку своимъ хозяевамъ.

— Дядя Ѳедя, получай!

— Дядя Сеня, обирай!

— Ну, что, дѣтки, всѣ-ли цѣлы? Не сгорѣлъ-ли кто-нибудь?

— Всѣ цѣлы!..—отвѣтилъ Петя, мальчикъ лѣтъ десяти.

— На меня «паукъ» набросился было, да я лататы задалъ!—отвѣтилъ Ваня, мальчикъ шустрый и бойкій, лѣтъ двѣнадцати.

— Ну, слава Богу!.. Никого не замели!

Выручка оказалась изрядной, каждый мальчуганъ сдалъ своему патрону не менѣе 1 рубля, за что и получили всѣ по чаркѣ водки и по нѣсколько штукъ папиросъ... Выпитая водка сразу ударила въ голову мальчуганамъ, языки развязались — и они стали хвастаться, кто изъ нихъ лучше умѣетъ выпрашивать милостыню.

— Ты кто такой? Ты савотѣешникъ! — кричалъ одинъ пьяный мальчишка на другого,—ты и къ барину-то на улицѣ боишься подойти, а шляешься только по лавкамъ за савотѣйками!

— Врешь!—кричитъ другой,—я не только не боюсь стрѣлянуть, а иной разъ и шмель выхвачу изъ рукъ!..

— Ну, чего заспорили-то? Взяли, да и сыграли въ «Чепца и фортоваго»! — промолвилъ Сенька-Косой: — тогда видно будетъ, кто изъ васъ молодецъ!..

— А и въ самомъ дѣлѣ, сыграемте, братцы, въ «Чепца и фортоваго»!

И мальчишки бросили ругаться и затѣяли игру, не

похожую на другія дѣтскія игры. Одинъ изъ нихъ преважно сталъ расхаживать взадъ и впередъ по сушилкѣ, съ тросточкой въ рукѣ и съ папиросой въ зубахъ, изображая барина. Другой, яко-бы нищій, смиренно подходитъ къ нему и, снявъ шапку, плаксивымъ голосомъ клянчитъ: «добрый баринъ, подайте Христа ради! Не оставьте, благодѣтель, мамка дома помираетъ, и самъ третій день не ѣвши»!

Изображающій изъ себя барина раза два пытается прогнать отъ себя просящаго милостыню, говоря: «а вотъ я городовому скажу», и наконецъ, вынимаетъ изъ кармана кошелекъ и подаетъ ему копѣйку, а кошелекъ кладетъ обратно въ карманъ.

Третій мальчишка, не принимавшій пока участія въ игрѣ, изображаетъ изъ себя карманнаго вора. Замѣтивъ, куда положенъ кошелекъ, онъ подкрадывается, ловкимъ движеніемъ быстро выхватываетъ его изъ кармана и дѣлаетъ видъ, что убѣгаетъ...

Посмотрѣть игру въ «Чепца и фортоваго» пришло множество посѣтителей ночлежки, такъ что сушилка была биткомъ набита любопытными.

— Вотъ! И въ кіятеръ ходить не надо,—говоритъ одинъ слѣпой,—гляди, гляди, какъ Митька-то тросточкой важно помахиваетъ, словно по Невскому проспекту идетъ! Вишь, шельмецъ какой!

— А Егорка-то какъ отличается!..

— Что Егорка?

— Нашего брата представляетъ! Гляди, какъ вѣрно нищаго-то изобразилъ! Рожу-то какую состроилъ!..

— Это онъ, чтобы разжалобить!..

Изъ этой игры всѣ присутствующіе видятъ ловкость

мальчишекъ и одобрительно поощряютъ ихъ аплодисментами.

— Ай, да молодецъ Митька! Хорошій фортовый изъ тебя выйдетъ!

— Прямо въ Литовскій замокъ угодишь,—брякнулъ кто-то.

— Ничего не угожу,—возразилъ Митька, — а если и угожу, эка важность! Поморятъ, да выпустятъ!..

— Да и ты, Егорка, можешь въ форты пускаться! Смекалка у тебя большая! Способный парень, авось въ комитуху заберутъ!

— Не заберутъ,—смѣется Егорка,—я винта нарѣжу, такъ что только пятки засверкаютъ!

— А Петька-то? Петька! Какъ ловко шмель-то изъ кармана выудилъ!..

— Кто же лучше всѣхъ? Господа судьи?

— Всѣ хороши! Всѣ молодцы!

— Митька лучше всѣхъ! Барина ловко представилъ! Простофилю!..

— На, Митька, пропусти-ка еще чарочку.

И Митька, довольный собою и похвалою старшихъ, съ видомъ собственнаго достоинства пьетъ поданную ему чарку водки, залпомъ опрокинувъ чарку и опорожнивъ ее единымъ духомъ.

— Молодецъ! На всѣ руки мастеръ!

— Отъ тебя, дядя Ѳедя, научился!..

— Ну, а теперь, ребятки, пойдемте въ столовую чайку попить, поди-ка прозябли, цѣлый день стоявши на улицѣ, на панели-то!..

— Сегодня холодно было, дядя Сеня, стоять!

— Зато вотъ и настрѣляли хорошо! Въ холодъ-то больше подаютъ, жалѣютъ, должно быть!.. Ступайте

обогрѣйтесь!.. Вишь, у тебя руки-то какія красныя, словно лапы у гуся.

— Обвѣтрились, дядя Ѳедя!..—И мальчишки, выйдя изъ сушилки, въ сопровожденіи своихъ пестуновъ, направились въ столовую, гдѣ имъ дали по кружкѣ чаю и по ломтю чернаго хлѣба. Послѣ ужина, они легли спать, расположившись на нарахъ, всѣ въ одномъ мѣстѣ и долго еще разговаривая, обмѣнивались впечатлѣніями дня. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ, какъ онъ увильнулъ отъ «паука», спрятавшись за колонною Исакіевскаго собора. Другой, совсѣмъ еще ребенокъ, повѣствовалъ о какой-то дамѣ изъ какого-то благотворительнаго общества, которая хотѣла забрать его на улицѣ, и взять на свое попеченіе, но онъ во время улизнулъ отъ нея. Долго еще гуторила дѣтвора, и наконецъ, всѣ заснули невиннымъ сномъ.

На утро Ѳедька-рябой и Сенька-косой вставши, рано, сходили на кухню за кипяткомъ и, приготовивши чай, стали будить мальчугановъ.

— Эй, ребятки, вставайте! Пора стрѣлять идти! Довольно вамъ дрыхнуть-то! Пора и честь знать! Вишь разнѣжились, словно благородные!.. Вставайте! Вставайте! Ванька, Петька, Мишка, Егорка!

Лѣниво подымались мальчишки, одѣлись и принялись за чаепитіе. Часовъ въ семь они уже выходили изъ ночлежки на промыселъ, направляясь въ разныя стороны. Отправляя ребятъ на стрѣльбу, ихъ хозяева даютъ имъ отеческія наставленія:

— Ты смотри, Шурка, — говоритъ Ѳедька-рябой, — стрѣлять-то стрѣляй, а шмонать-то (т. е. воровать) пока не смѣй: молодъ еще очень, материнское молоко на губахъ еще не обсохло—какъ разъ «сгоришь»

(т. е. попадешься), а я только-что сапоги тебѣ новые купилъ!..

— Не буду, дяденька!—отвѣчалъ Шурка.

— А ты, Ванька, къ Троицкому мосту не ходи! Вѣдь, сколько разъ я тебѣ, дьяволенку, наказывалъ, тамъ «Фараонъ» страсть какой стремистый стоитъ... Я и самъ не хожу туда! — поучаетъ Ваньку Сенька-Косой, а коли шмонать задумаешь (т. е. воровать), то вали у барынь... У нихъ, братъ, карманы, словно нарочно, для нашего брата устроены!.. Подкати сзади-то, да и цапъ!..

— Ученаго нечего учить, дядя Сеня! — вломившись въ амбицію, отвѣчалъ Ванька. — Ты говори это вонъ той размазнѣ-Миколкѣ!..

— Ну, то-то! Идите съ Богомъ!..

ОВЦА.

Сердце обливается кровью, когда видишь въ ночлежномъ домѣ безпріютныхъ дѣтей, которыя силою обстоятельствъ бываютъ выброшенны на мостовую и являются въ ночлежку, чтобы приклонить свою голову.

Многіе изъ дѣтей сбиваются на путь порока, благодаря вліянію дурныхъ товарищей.

Пришелъ какъ-то разъ въ ночлежку мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, симпатичной наружности, круглолицый, краснощекій, тихаго поведенія. Товарищи по ночлежкѣ прозвали его Овцою—за его кроткій нравъ. Смотри-

тель ночлежки примѣтилъ его и сталъ за нимъ слѣдить. Прежде всего ему бросилось въ глаза, что Овца чуть-ли не каждый день приходилъ въ разной одеждѣ: то онъ придетъ въ старенькомъ, подержаномъ пальто гимназиста, то въ почти новенькомъ пальто реалиста, то въ какомъ-нибудь статскомъ пальто—и все, конечно, съ чужаго плеча.

— Овца, откуда у тебя новое пальто? спрашиваетъ смотритель.

— А мнѣ барыня подала.

— Какая барыня?

— А Богъ ее знаетъ! Стою я на Большой Морской улицѣ, вижу, идетъ хорошая барыня, ну я и стрѣльнулъ. Ахъ, какой милый мальчикъ—и нищенствуетъ! Пойдемъ, я тебѣ дамъ пальто! Пришли на квартиру, сняла съ вѣшалки вотъ это самое пальто и велѣла примѣрить—въ пору. Носи, говоритъ на здоровье!...

Спасибо барынѣ! Такая добрая! По головѣ меня погладила.

Недолго пришлось щеголять Овцѣ въ новомъ пальто! Черезъ нѣсколько дней пальто не оказалось.

— Овца, гдѣ у тебя пальто?

— Товарищи взяли!..

— А зачѣмъ имъ твое пальто?

— Маклаку продали!..

Было у Овцы нѣсколько товарищей въ ночлежкѣ, съ Мишкою-Ярославцемъ во главѣ. Этотъ Мишка-Ярославецъ сманилъ Овцу бѣжать отъ своего хозяина, шорника по профессіи. Вотъ какъ это случилось. Идетъ разъ Овца изъ мастерской своего хозяина на Выборгскую сторону и несетъ хомуты. А Мишка-Ярославецъ стоялъ на панели и «публику накаливалъ»,

т. е. стрѣлялъ. Куда ты идешь? спрашиваетъ Мишка. На Выборгскую сторону, хомуты несу! У кого ты живешь? Въ мастерской у шорника! Эхъ ты, дуракъ, дуракъ, поди-ка, тебя шорникъ-то по той же башкѣ колотитъ, на которой ты теперь хомуты прешь!.. Задумался Овца, а вѣдь и правду сказалъ Мишка! Бѣги, дуракъ, отъ своего хозяина и поступай къ намъ въ шайку!

Работы никакой! Будешь жить на волѣ! Ладно! Назначенъ былъ день для бѣгства. Условились, что Мишка будетъ ждать Овцу въ извѣстномъ пунктѣ. Насталъ ожидаемый день. Хозяинъ опять послалъ Овцу съ хомутами. Мишка встрѣтилъ его. Ну, что? Погоди, вотъ я прежде хомуты снесу, а потомъ ужъ и убѣжимъ вмѣстѣ... Дѣйствительно, Овца снесъ хомуты, и вмѣстѣ со своимъ новымъ пріятелемъ бѣжалъ въ ночлежный домъ. Съ этого дня для Овцы началась новая жизнь. Хозяинъ погорѣвалъ, погорѣвалъ, да дѣлать нечего! А всетаки вспоминалъ Овцу добрымъ словомъ: хоть и убѣжалъ, да хомуты доставилъ... честный малый, значитъ... Между тѣмъ, Овца въ ночлежкѣ совершенно подпалъ вліянію своихъ новыхъ товарищей. Они научили его стрѣлять. Раздѣвали его почти до-нага и въ такомъ видѣ посылали на улицу, просить у прохожихъ какую нибудь одежду. Овца безпрекословно повиновался имъ, потому-что они угрожали выдать его прежнему хозяину.

— Овца, поди настрѣляй на сороковку! А если не настрѣляешь, отведемъ тебя къ шорнику! Пускай онъ задастъ тебѣ взлупку, чтобы небо съ овчинку показалось!.. И Овца стоитъ на улицѣ и клянчитъ у прохожихъ «копѣечку», чтобы вечеромъ отдать ее своимъ покровителямъ. Мало-по-малу Овца становился

профессіональнымъ стрѣлкомъ. По наушенію своихъ товарищей просилъ онъ милостыню преимущественно у барынь, которыя болѣе жалѣютъ дѣтей, чѣмъ мужчины. Неизвѣстно, долго-ли продолжалось скитаніе Овцы, если-бы не случилось одно обстоятельство, имѣвшее рѣшающее вліяніе на его судьбу. Въ ночлежку пришла одна добрая женщина съ цѣлью сдѣлать какое-нибудь хорошее дѣло. Смотритель указалъ на Овцу. Позвали мальчугана.

— Какой хорошій мальчикъ!

— Гдѣ ты раньше, жилъ, мой милый?

— У шорника!

— Отчего ты ушелъ отъ него?

— Больно дерется!

— Хочешь къ нему?

— Нѣтъ, ни за что!

— Ну, погоди, я тебя устрою! Я тебѣ выхлопочу мѣсто, и опредѣлю тебя туда!

— А какъ же паспортъ, сударыня, хозяинъ не дастъ!

— Онъ не посмѣетъ задержать паспортъ, я выхлопочу тебѣ паспортъ!

— Спасибо, сударыня!

— Теперь жди меня, Я приду за тобой черезъ нелѣлю!..

Товарищи Овцы, узнавъ, что его хотятъ взять изъ ночлежки, призадумались.

— Мы не отдадимъ Овцу! Овца нашъ!

— Овца хорошо стрѣляетъ! Бабы его жалѣютъ!

— Ему много подаютъ! Онъ счастливый!..

— Не посмѣете задержать! сказалъ смотритель.

— А коли такъ, мы Овцу сманили, мы его и во-

дворимъ на мѣсто! Безповоротно рѣшилъ Мишка-Ярославецъ: ни ей, ни намъ!..

— Братцы! не выдавайте хозяину: онъ меня пуще прежняго станетъ бить! взмолился Овца.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пора домой тебѣ!..

На другой день нѣсколько товарищей подхватили Овцу подъ мышки и торжественно повели его къ старому хозяину.

— Братцы, пощадите! Убьетъ меня хозяинъ!

И Овца, что было силы, упирался и не шелъ.

— Не бойся, не убьетъ!.. Еще будетъ радъ, что ты проподалъ безъ вѣсти и вдругъ нашелся!..

Привели Овцу къ хозяину, тотъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, обласкалъ его и больше не билъ.

Въ тотъ же день, когда вечеромъ всѣ бездомники собрались въ ночлежку, кто-то спросилъ:

— Братцы, гдѣ Овца?

— Овца сгорѣлъ! (т. е. попался въ руки полиціи).

— Ничуть не сгорѣлъ!

— Я самъ видѣлъ, какъ его замели (т. е. взяли).

— Неправда! Его увели къ хозяину на закланіе...

— На старое пепелище!..

— Къ шорнику, у котораго онъ жилъ!

— Мы и отводили! заявилъ Мишка-Ярославецъ.

— Вотъ какъ! Не долго погулялъ на волѣ!

— Поди-ка, радъ былъ хозяинъ-то, что заблудшая Овца вернулась.

— По полтиннику на чай далъ намъ! похвастался Мишка-Ярославецъ.

— Ха, ха, ха! засмѣялись обитатели ночлежки,— ловко: за то, что сманили, за это еще—на чай!..

— Да вѣдь онъ не зналъ, что я его сманилъ, а мы полтинники-то получили, да тягу поскорѣе!..

— Молодцы, ребята!

— Ну, а что Овца-то?

— Стоитъ и реветъ, прощенья проситъ у хозяина!..

— Простилъ?

— Извѣстно, простилъ! А я, говоритъ, думалъ, что тебя и на свѣтѣ нѣтъ! Ну, вотъ, слава Богу, нашелся!.. А вамъ, братцы, спасибо, что привели!.. Я еле удержался отъ смѣха!.. Не стоитъ, молъ, прощайте!..

Ровно черезъ недѣлю пришла въ ночлежку вышеупомянутая дама и спросила смотрителя:

— Ну, что, какъ мой хорошій мальчикъ?

— Его ужъ нѣтъ здѣсь, сударыня! отвѣчалъ смотритель.

— Какъ такъ?

— Увели къ прежнему хрзяину! И смотритель разсказалъ всѣ похожденія Овцы.

— Жаль! Очень жаль!.. А я хотѣла помѣстить его въ одно учебное заведеніе!.. И дама ушла.

Когда въ ночлежку приходятъ дѣти, нерѣдко малыми, лѣтъ десяти, смотритель не отказываетъ имъ въ ночлегѣ, а старается, по возможности, изолировать ихъ отъ взрослыхъ, чтобы предохранить отъ пагубнаго вліянія дурного сосѣдства. Иногда поручаетъ дѣтей какому-нибудь порядочному посѣтителю ночлежки, чтобы онъ присматривалъ за ними. Если въ ночлежку приходитъ отецъ или мать съ сыномъ—имъ даются мѣста на нарахъ по сосѣдству. Вообще въ ночлежкахъ, при раздачѣ билетовъ на ночлегъ, стараются сортировать посѣтителей, напримѣръ, рабочихъ въ

одно мѣсто, стрѣлковъ—въ другое, мѣщанъ—въ третье, дворянъ—въ четвертое и т. д.

Конечно, эта сортировка только приблизительная, основанная на большемъ или меньшемъ знакомствѣ смотрителя со своими кліентами. Да и сами ночлежники стараются, по возможности, соединиться въ извѣстныя группы, въ масть какъ говорится, для большей безопасности въ отношеніи воровства, пьянства и т. п. Въ ночлежкѣ г. Макокина есть, напримѣръ, отдѣленіе, извѣстное среди посѣтителей подъ именемъ «Кавказа», пользующееся самой печальной репутаціей.

Здѣсь почиваютъ по ночамъ рецидивисты, воры мазурики, стрѣлки и прочіе рыцари печальнаго образа. Здѣсь же есть дворянское и мѣщанское отдѣленія. Въ дворянскомъ отдѣленіи помѣщаются золотыхъ дѣлъ подмастерья, мундировщики такъ называемые; въ мѣщанскомъ отдѣленіи ютятся наборщики и портовые рабочіе—люди вполнѣ тихіе и трудолюбивые. Составивъ изъ себя товарищество, они заботятся о внѣшнемъ благообразіи и благочиніи въ ночлежкѣ.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ НИЩІЙ.

Съ Петербургской стороны, по Троицкому мосту, шелъ господинъ среднихъ лѣтъ, благообразной наружности, одѣтый довольно прилично—въ котелкѣ и сюртукѣ, и съ тросточкой въ рукѣ, которой онъ помахивалъ довольно непринужденно по воздуху. Онъ шелъ, сосредоточенно задумавшись о чемъ-то, проби-

раясь въ Гостиный дворъ—«стрѣлять». Глядя на его внѣшность, никто-бы не подумалъ, что онъ промышляетъ нищенствомъ, а, между тѣмъ, это такъ: онъ профессіональный «стрѣлокъ», но только ареной своей дѣятельности онъ избралъ не улицу, а роскошные магазины, разныя присутственныя мѣста и прочія общественныя учрежденія. На улицѣ и «фараоны» стоятъ, и «пауковъ» много—могутъ забрать и отправить въ участокъ, а оттуда въ Комитуху, а изъ Комитухи по этапу на родину, а то еще и того хуже—въ тюрьму «жиру нагуливать»... Словомъ, на улицѣ опасно: толи дѣло въ лавкѣ или въ магазинѣ, тамъ никто не видитъ. Проси, сколько хочешь, не бойся: хозяева и содержатели лавокъ и магазиновъ не выдадутъ, потому что кому-же охота загубить душу христіанскую... Кромѣ того, что-же могутъ дать «благодѣтели» на улицѣ? Пятачокъ на «гопъ» (т. е. на ночлегъ). А въ хорошихъ магазинахъ люди побогаче и подобрѣе, подаютъ не мѣдяками, а серебряными монетами.

Было утро. Бородатые сторожа въ Гостиномъ дворѣ только что увели собакъ съ цѣпей, заскрипѣли запоры «съ замкомъ нѣмецкимъ со пружиною», застучали болты—и лавки открылись. Пришли хозяева и прикащики.

Подойдя къ кладовой № 00, внутри Гостинаго двора, гдѣ былъ складъ ситца и миткалю, приличный господинъ моментально преобразился: состроилъ на лицѣ печальную мину, тросточку обратилъ въ костыль и, притворившись больнымъ, опираясь на костыль, сталъ подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ, въ кладовую. Поднимался онъ медленно, нарочно стуча палкою о ступени лѣстницы, кряхтя, охая и задыхаясь,

видимо желая обратить на себя вниманіе хозяина магазина. Между тѣмъ, хозяинъ горячо торговался съ какимъ-то покупателемъ, которому онъ набавилъ по копѣечкѣ за аршинъ на ситецъ.

Поднявшись на площадку лѣстницы, господинъ остановился, оперся на костыль и принялся усиленно кашлять и задыхаться, словно находясь въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ, къ нему подошелъ одинъ изъ прикащиковъ и спросилъ:

Что вамъ угодно?

— Охъ, охъ, охъ!.. Одышка проклятая одолѣла!.. Погодите, дайте перевести духъ!..

— Купить что-нибудь желаете? Ситца, миткалю...

— Нѣтъ...

— Такъ что же?

— Мнѣ-бы хозяина видѣть!..

— Хозяинъ теперь занятъ!..

— Мнѣ-бы очень надо!.. Охъ, охъ, охъ!..

— Скажите мнѣ: я передамъ!

— Нѣтъ! Мнѣ его лично надо видѣть!

Кхе, кхе, кхе!..

Прикащикъ ушелъ за перегородку — доложить хозяину о неизвѣстномъ посѣтителѣ.

Вышелъ хозяинъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ неизвѣстнаго господина.

Въ это мгновеніе съ посѣтителемъ произошло нѣчто необыкновенное: такъ, по крайней мѣрѣ, казалось поверхностному наблюдателю. У него появились признаки удушья, онъ кашлялъ и еле отпыхивался,

— Кхе, кхе, кхе! Одышка замучала.

Покупатель, торговавшійся на ситецъ, невольно промолвилъ:

— Бѣдный! Да у него чахотка!

— Что вамъ угодно?—спросилъ опять хозяинъ.

— Помогите благородному человѣку!.. Подайте сколько-нибудь! Вслѣдствіе тяжкой болѣзни не могу себѣ заработать кусокъ хлѣба на пропитаніе. Охъ, охъ, охъ! Самъ тысячи имѣлъ, а вотъ теперь приходится руку протягивать. Помогите благородному человѣку! Кхе, кхе, кхе!

— Вотъ вамъ,—сказалъ хозяинъ и подалъ мѣдякъ.

Посѣтитель взялъ монету, посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Что это вы мнѣ подали?

— Пятачокъ.

— Да что я? Нищій, что ли? Я — благородный человѣкъ и прошу у васъ вспомоществованіе по случаю болѣзни.

— Извините, больше не могу.

— Кхе, кхе, кхе! Ну, люди! Жестокій вѣкъ! Холодные эгоисты! Человѣкъ, можно сказать, при смерти, а они ему—пятачокъ! Что я на пятачокъ-то сдѣлаю! Нищій и тотъ больше получитъ, стоя на Невскомъ проспектѣ.

Хозяинъ ушелъ, а прикащикъ подошелъ къ господину и просилъ его выйти.

— Пожалуйте, господинъ!

— Что ты меня гонишь! холопъ!? Видишь, человѣкъ боленъ: не могу я скоро идти! Кхе, кхе, кхе!

— Пожалуйте!

— Охъ, охъ, охъ! Жестокія сердца!.. Лишь-бы имъ

было хорошо! А тутъ хоть околѣвай!.. Кхе, кхе, кхе!..

И господинъ невозмутимо стоялъ на площадкѣ лѣстницы, опершись на костыль.

— Да уходите-же, господинъ!..

— Подождешь!

Наконецъ, господинъ медленно сталъ спускаться съ лѣстницы, постукивая костылемъ, и на чемъ свѣтъ стоитъ ругалъ хозяина магазина.

— Ну, и сквалыга-же вашъ хозяинъ! Благородному человѣку—пятачокъ!.. Ему-бы не въ Гостиномъ дворѣ торговать, а давно пора-бы на Смоленскомъ кладбищѣ купить себѣ помѣстье, сажень квадратную земли!..

— Ну, уходите, уходите! Здѣсь не скандалить!..

— Ну, и уйду!..

Выйдя изъ магазина, господинъ снялъ съ себя личину притворства и, точно ни въ чемъ не бывало, пошелъ себѣ далѣе, помахивая тросточкою по воздуху. Теперь ему удалось попасть въ магазинъ драгоцѣнныхъ вещей, гдѣ какая-то дама покупала разныя золотыя и серебряныя вещи,—тѣмъ болѣе что посѣтитель одѣтъ былъ прилично, и содержатель ювелирнаго магазина ни коимъ образомъ не могъ его подозрѣвать въ нищенствѣ. На этотъ разъ мишенью для стрѣльбы господинъ избралъ не содержателя магазина, а случайную покупательницу.

— Сударыня! Помогите благородному человѣку! Самъ на золотѣ и серебрѣ ѣдалъ, а теперь вотъ пришлось обращаться за помощью къ добрымъ людямъ!.. Помогите, какъ честный человѣкъ говорю вамъ, три дня не ѣлъ!.. Стыдно просить, а приходится!..

— Получите!—сказала дама, и подала ему серебряную монету.

— Пошли вамъ, Господи, всего хорошаго!..

— Здѣсь просить нельзя! сказалъ хозяинъ.

— Я не у васъ прошу!..

— Все равно, нельзя!..

— Что вамъ чужихъ денегъ жалко!

— Уходите, уходите!..

— Спасибо, сударыня!..

Изъ ювелирнаго магазина господинъ направился далѣе, по Невскому проспекту, и много еще обошелъ онъ лавокъ, магазиновъ и разныхъ конторъ и возвращался домой—на Петербургскую сторону въ довольно радушномъ настроеніи — вслѣдствіе удачнаго клева. Около моста онъ встрѣтилъ студента, который съ Плуталовой улицы плелся въ Публичную библіотеку, почитать что-нибудь.

Какъ человѣкъ опытный, господинъ попытался «стрѣльнуть» и къ студенту, и не долго думая, подошелъ къ нему, и тихо, вполголоса сказалъ:

— Помогите что-нибудь бывшему студенту!..

Юный медикъ моментально остановился, досталъ портмоне, вынулъ свой послѣдній рубль и промолвилъ:

— Получи, коллега!..

— Благодарю васъ!..

— Для студента я никогда не откажу!

— Спасибо вамъ!

— Прощай, коллега!..

— Добрый путь!..

— Мнѣ жалко васъ! Что же васъ заставило такъ спуститься?

— Э, долго разсказывать!

— Ну, не надо!.. Прощайте! Все можетъ статься съ человѣкомъ, и доброе, и хорошее!..

— Добрая душа! подумалъ господинъ про студента: рубль далъ!.. Дуракъ—повѣрилъ!.. Ну, ничего! Пускай, въ другой разъ будетъ умнѣе!.. Учить ихъ надо! Еще не опытны...

Сморозилъ: подайте бывшему студенту, а онъ и разчувствовался—на тебѣ, поди-ка, послѣдній рубль отдалъ!.. Бѣдняга! Хорошо еще, что не спросилъ, въ какомъ университетѣ обучался!.. Ну, что-жъ? И отвѣтилъ бы! Въ Сморгонской академіи, молъ, обучался, гдѣ въ былое время медвѣдей плясать обучали! Ха! ха, ха!..

Еще болѣе повеселѣлъ отъ щедрой подачки студента неизвѣстный господинъ и торопливо пошелъ къ себѣ домой, вполнѣ довольный счастливымъ днемъ.

Подобно тому какъ интеллигентный плутъ гораздо опаснѣе плута необразованнаго, невѣжественнаго, потому что въ помощь своему природному плутовству онъ имѣетъ еще и образованіе; такъ точно интеллигентный нищій гораздо болѣе можетъ принести вреда, нежели нищій простой, необразованный. Интеллигентный нищій болѣе изобрѣтателенъ, болѣе нахаленъ и хитеръ, чѣмъ тѣ простофили, которые нерѣдко отъ безработицы вынуждены бываютъ выходить на улицу за подаяніемъ, чтобы не умереть съ голоду. Чтобы отвлечь подозрѣніе полиціи, интеллигентные нищіе подъ часъ одѣваются франтовски и промышляютъ тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно ожидать. Одинъ молодой человѣлъ, въ лакированныхъ башмакахъ и въ цилиндрѣ, «стрѣлялъ», напримѣръ, въ Лѣтнемъ

саду—безъ церемоніи обращаясь къ дамамъ, оказать ему маленькую матеріальную помощь, подъ какимъ-то очень уважительнымъ предлогомъ... Одѣваясь безукоризненно, прилично, а иногда и франтовски, интеллигентный босякъ имѣетъ еще и ту цѣль, чтобы ему больше подавали, что ему мѣдякъ подать мало. Они очень изобрѣтательны и на мотивы своего попрошайничества: то просятъ «бывшему студенту», то «художнику», то «тяжко больному», стараясь разжалобить свою жертву и подѣйствовать на ея сердце...

БОЖЬИ ЛЮДИ.

I.

ДУРОЧКА.

На Петербургской сторонѣ, рано утромъ, идетъ по панели довольно пожилая женщина, немного присѣдая на одну ногу, небрежно одѣтая, въ кацавейкѣ, въ черномъ платкѣ, изъ подъ котораго спереди пробиваются растрепанные волосы. Это—Сашка. Идетъ она, и все бормочетъ себѣ что-то подъ носъ. О чемъ она бормочетъ, никто не знаетъ. Вотъ она повернула къ одному деревянному домику, подходитъ къ окну и тихо стучитъ въ стекло.

Отворяется форточка, высовывается чья-то женская рука и бросаетъ Сашкѣ мѣдную монету. Она ловитъ ее, посылаетъ благодѣтельницѣ воздушный поцѣлуй въ знакъ благодарности и идетъ далѣе. Только-что она отошла нѣсколько шаговъ отъ домика, какъ услыхала, что кто-то стучитъ ей въ окно. Сашка остано-

вилась. Снова отворяется форточка, и оттуда слышится голосъ:

— Саша! Хлѣба хочешь?

— Хочу! отвѣчаетъ она.

— Подойди сюда, вѣдь не хлѣбъ за брюхомъ ходитъ!..

Сашка подошла.

— Вотъ тебѣ! Лови! И изъ форточки летитъ краюха бѣлаго хлѣба. Сашка ловитъ его, опять посылаетъ благодѣтельницѣ воздушный поцѣлуй, и низко кланяется, улыбаясь отъ удовольствія.

Затѣмъ она направляется далѣе, дѣлая обычный утренній обходъ своихъ благодѣтелей и благодѣтельницъ, которые подаютъ ей кто деньгами, кто натурою... Нѣкоторыя сердобольныя обывательницы Петербургской стороны зазываютъ ее къ себѣ на квартиру, поятъ и кормятъ ее и отпускаютъ съ миромъ.

По дорогѣ Сашка встрѣтила мимо идущаго офицера. Лишь только офицеръ поравнялся съ нею, какъ она встала во фронтъ и отдала офицеру честь по всѣмъ правиламъ военной выправки.

— Полоумная! Дурочка, должно быть! подумалъ про себя офицеръ и пошелъ своей дорогой.

Въ школу шли мальчики и, встрѣтивъ Сашку, стали издѣваться надъ ней, подтрунивать. Нѣкоторые шалуны, идя сзади ея, дергали ее за кацавейку.

Сашка быстро оглянулась назадъ и одного изъ нихъ схватила за руку.

— Это ты меня дернулъ?

— Нѣтъ, не я, Саша!

— А кто-же?

— Я почемъ знаю! Они убѣжали!

— Ну, извини! Я думала—ты!

— Нѣтъ!

— А какъ тебя зовутъ?

— Петръ...

— Знаешь что, Петя?

— Что?

— А у меня что-то есть!

— Что такое?

— А ты не скажешь никому?

— Нѣтъ!..

— Пойдемъ, я тебѣ покажу!

И Сашка вмѣстѣ съ мальчуганомъ пошли въ сосѣдній паркъ и сѣли на скамейкѣ. Она достала изъ-за пазухи какой-то свертокъ бумаги, бережно развернула его и вынула оттуда... крышку отъ коробки изъ-подъ монпансье...

— Вотъ, смотри, Петя! Только никому не говори!.. Таинственно сказала она.

На крышкѣ была налѣплена картинка, изображающая какую-то старуху съ корзинкой.

— Видишь, Петя? спросила она съ блаженной улыбкой на лицѣ.

— Отъ коробки изъ подъ монпансье картинка!..

— Это моя покойница-маменька! съ радостью сказала она.

— Подари мнѣ, Саша, эту картинку!

— А на, вотъ тебѣ кукишъ... сердито отвѣтила Сашка, стала завертывать крышку отъ коробки и положила ее себѣ за пазуху.

— Ты, смотри, никому не говори, что я тебѣ показала!.. Это моя покойница-маменька.

— Ладно, не скажу!

— Секретъ!

— Ну, прощай, Саша!

— Прощай!..

Теперь она шла къ своему благодѣтелю, одному богатому купцу, баньщику, который каждый мѣсяцъ платилъ за нее 2 рубля за уголъ одной женщинѣ, у которой Сашка нанимала уголъ. За это Сашка должна была являться къ нему ежедневно, брать семейный «поминальникъ», относить въ церковь, подавать за упокой и по окончаніи обѣдни приносить обратно. Несмотря ни на какую погоду, дождь-ли, снѣгъ-ли, все равно, Сашка пунктуально исполняла свою обязанность, аккуратно приходила по утрамъ, брала поминальникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги «за упокой души раба и рабы Божьихъ» и относила въ церковь Матвѣя Апостола, къ обѣднѣ. Тамъ она всегда стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ—возлѣ колоссальной иконы Старорусской Божіей матери, сооруженной въ складчину купцами Сытнаго рынка. Понимала-ли она церковную службу, или нѣтъ—никто не знаетъ, но только во время богослуженія она стояла чинно, не обращая на себя ничьего вниманія.

Придя къ баньщику, Сашка позвонила.

Купецъ вставалъ рано и самъ выдавалъ Сашкѣ поминальникъ и деньги за упокой своихъ родныхъ.

— Хозяйка деньги проситъ!

— За что?

— За уголъ.

— А развѣ срокъ уже?

— Мѣсяцъ прошелъ!

— А я и забылъ! На, отдай ей!..

— Спасибо!

— Саша! Кто у тебя была мать?

— Не знаю!

— Должно быть, такая же дура какъ и ты!

— А хочешь, я покажу тебѣ мою маменьку?

— Покажи!

И Сашка засунула руку за пазуху, чтобы достать крышку отъ коробки изъ-подъ монпансье.

— Вотъ моя маменька! Гляди.

— Гдѣ?

— Да вотъ! Видишь! говорила Сашка, тыкая пальцемъ въ картинку.

— Ха, ха, ха,—засмѣялся купецъ,—ну дура же была твоя мать!..

— Это моя маменька! Я люблю ее! И Сашка стала прижимать жестянку къ своей груди.

— Полно, дура! Это картинка отъ монпансье.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это маменька!

— Счастливая!.. Ничѣмъ ее не разубѣдить!

— Какая хорошая!..

— На-ка вотъ поминальникъ и деньги и ступай въ церковь! А это вотъ тебѣ, помяни свою мать. Купецъ далъ Сашкѣ нѣсколько мѣдяковъ.

— Спасибо!

И Сашка шла въ церковь.

Идя по улицѣ, она имѣла обыкновеніе окидывать взглядомъ, съ ногъ до головы, каждаго прохожаго, потомъ обернется и долго смотритъ въ слѣдъ, провожая глазами и бормоча себѣ что-то подъ носъ.

Кто не знаетъ этой дурочки, тотъ отъ ея пристальнаго взгляда приходитъ въ смущеніе. Большинство-же обывателей Петербургской стороны ее знаютъ и, хотя она не проситъ, подаютъ ей милостыню.

Но и тутъ не всякій ей угодитъ. Если обыкновенный прохожій, средняго достатка, подастъ ей копѣйку, она принимаетъ, а если видитъ, что человѣкъ богатый суетъ ей копѣйку, она обижается. Вонъ проходитъ мимо ея какая-то барыня, хорошо одѣтая, по модѣ, и подаетъ ей копѣйку.

— Что ты мнѣ подала?

— Копѣйку, милая!

— Гмъ! Копѣйку! Еще въ шляпкѣ, а копѣйку!

— Извини, больше не могу, милая!

— У-у! какая скупая!

Придя въ церковь, Сашка стала обходить публику по рядамъ, разыскивая своихъ благодѣтелей и благодѣтельницъ. Замѣтивъ знакомаго человѣка, она кланялась, но не просила подаянія. И когда ей подадутъ милостыню, она, не смотря на монету, кладетъ ее къ себѣ въ карманъ и идетъ далѣе—къ другому благодѣтелю. По окончаніи богослуженія Сашка взяла поминальникъ обратно и, выйдя изъ церкви, встала на паперти вмѣстѣ съ нищею братіею. Здѣсь, хотя она и не просила, ей подавали милостыни болѣе, чѣмъ другимъ нищимъ. Нищіе взъѣлись. Въ особенности была недовольна одна нищенка, Варвара, которая промышляла здѣсь, на паперти, болѣе пятнадцати лѣтъ, и стояла всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ.

— Гоните ее дуру!

— Только хлѣбъ отъ насъ отбиваетъ.

— Гоните ее!..

— Ступай, ступай!—кричали нищенки.

— Здѣсь и безъ тебя тѣсно!..

— На-ко-ся, и въ церкви собираетъ, и на паперти!

— Гоните ее!..

— Вѣдь, за тебя купецъ за уголъ каждый мѣсяцъ платитъ! Чего тебѣ еще!.. Ты богатая!..

— А за насъ никто не платитъ!

— Ступай, ступай, косая дура!..

Поднялся шумъ и гамъ. На крикъ выбѣжалъ на паперть церковный сторожъ.

— Что за шумъ?

— Да вотъ тетка Варвара меня гонитъ отсюда!— отвѣчала Сашка.

— Ты что здѣсь за фря такая?

— Да она у насъ хлѣбъ отбиваетъ: ей больше подаютъ...

— А твое это мѣсто?

— Нѣтъ, церковное!

— Такъ какъ-же ты смѣешь ее гнать.

И сторожъ тотчасъ-же учинилъ судъ Соломоновъ: чтобы никому не обидно было, всѣхъ нищихъ и нищенокъ прогналъ съ церковной паперти.

— Идите, идите отсюда прочь, коли не умѣете стоять!..

— Справедливо!..

— Ну, что? Доругались?—приставала нищая братія къ теткѣ Варварѣ и къ Сашкѣ.

— Это все изъ-за нея!

— Изъ-за косой дуры!..

— Уйди ты отъ насъ, ради Христа!

— Вѣрно, вѣрно! По добру, по здорову уходи, пока тебѣ не всыпали!..

Сашка ушла и стала поодаль отъ церковной ограды.

II.

„СЕРЕЖКА“.

Жаркій лѣтній день... Одиннадцатый часъ утра... Въ Рождественскомъ Коневскомъ монастырѣ, или какъ называютъ его, «Коневцѣ», что на Ладожскомъ озерѣ, царитъ тишина, нарушаемая только чириканіемъ птицъ, коихъ здѣсь въ изобиліи, да изрѣдка шмыгнетъ, боязливо оглядываясь, заяцъ, или прыгнетъ съ дерева на дерево бѣлка.

На дорогѣ, ведущей къ монастырю изъ Казанскаго скита, находящагося на Святой горѣ, на скамейкѣ сидитъ старецъ-монахъ, убѣленный сѣдинами, и перебирая въ рукахъ четки, шепчетъ молитву мытаря: «Боже! очисти мя грѣшнаго!»

Затѣмъ, взглянувъ направо и налѣво на дорогу, по сторонамъ которой стояли вѣковыя сосны и ели, отъ коихъ въ воздухѣ подымался смолистый ѳиміамъ, взглянувъ на безоблачную синеву неба, просвѣчивающую узкою, полосою, онъ невольно произнесъ: «Господи! какъ здѣсь хорошо!..

Съ верху Святой горы, изъ скита, показывается ручная телѣжка съ поставленными на ней пустыми судками для пищи и боченкомъ для кваса. Ее везетъ послушникъ, на видъ лѣтъ тридцати, въ бѣломъ подрясникѣ, и такой-же скуфьѣ на головѣ. Везя телѣжку, онъ жуетъ корку хлѣба и смотритъ впередъ.

Завидя еще издалека сидящаго старца, онъ бросаетъ телѣжку, которая накренилась на-бокъ, причемъ судки и боченокъ скатываются съ нея и летятъ по откосу въ канаву, а самъ бѣжитъ къ старцу, привѣтствуя его:

— Здравствуй, отецъ Пахомій! Ѣду за пищей и квасомъ!.

— Будь здоровъ, Сережа,—отвѣчаетъ старецъ,—а зачѣмъ-же ты телѣжку бросилъ?

— А я поѣду,—говоритъ послушникъ,—а ты хлѣба хочешь? На!..

— Не хочу, рабъ Божій! Иди съ Богомъ, куда тебѣ надо!..

Послушникъ безпрекословно поставилъ судки и боченокъ на телѣжку и, продолжая жевать корку хлѣба, отправился къ монастырю на кухню.

Ѣхавшій съ телѣжкой послушникъ Сергій хотя и имѣетъ на видъ тридцать или тридцать два года, но ему уже пятьдесятъ пять лѣтъ; онъ племянникъ бывшаго настоятеля этого монастыря, нынѣ умершаго архимандрита Израиля, который и помѣстилъ его въ обитель, еще шестнадцатилѣтнимъ юношей.

Кто онъ, этотъ Сергій, или какъ всѣ его называютъ «Сережа»?—предоставляемъ судить читателю.

За все время пребыванія его въ монастырѣ, никто изъ братіи и богомольцевъ не слыхалъ отъ него браннаго слова. Живя въ скиту, въ которомъ находится болѣе десяти человѣкъ монаховъ, живущихъ въ отдѣльныхъ келіяхъ, онъ всѣмъ носитъ каждое утро воду, колетъ и носитъ дрова, убираетъ скитскій дворъ, возитъ изъ монастыря пищу и вообще исполняетъ всѣ черновыя работы по скиту, никогда не отказываясь ни отъ какой трудной работы и ничѣмъ не выражая своего недовольства. Въ тихой однообразной жизни его не было ничего замѣчательнаго, кромѣ одной оказіи, которая, однако, надѣлала среди монастырской братіи большой переполохъ.

Нашла на него какъ-то однажды манія воровства, и не чего-нибудь другого, а исключительно топоровъ и пилъ съ пристани, гдѣ складываются для всего монастыря дрова, пилятся и колятся...

Обыкновенно, монахи и послушники, занимающіеся этимъ дѣломъ, уходя въ трапезную обѣдать, оставляютъ топоры и пилы на мѣстѣ, такъ какъ по мѣстоположенію монастыря, окруженнаго со всѣхъ сторонъ озеромъ и посторонняго жилья не имѣющаго, воровства быть не можетъ. Между тѣмъ, по возвращеніи на работу, ни топоровъ, ни пилъ не стало оказываться. Это исчезновеніе рабочихъ инструментовъ продолжалось болѣе мѣсяца.

Диву далась братія, куда дѣваются топоры и пилы? Кто воруетъ ихъ? Думали, думали, и рѣшили оставить одного послушника въ засадѣ, чтобы прослѣдить, кто приходитъ на пристань въ то время, когда всѣ обѣдаютъ. Сказано, сдѣлано, устроилъ послушникъ въ дровахъ выемку, засѣлъ туда и завалился дровами, чтобы его не было видно, но чтобы онъ могъ все видѣть, и принялся за наблюденіе. Не прошло и часу времени послѣ ухода всѣхъ съ пристани, какъ онъ замѣтилъ тихо крадущагося и оглядывающагося во всѣ стороны Сережу, который осторожно, какъ кошка, приблизился къ мѣсту пилки, моментально забралъ всѣ топоры и пилы, и что есть мочи помчался къ скиту... Послушникъ за нимъ и видитъ, что около самой стѣны, у скита, Сережа раскидалъ землю, вынулъ двѣ доски, и въ открывшуюся передъ нимъ яму бросилъ топоры и пилы, положилъ доски обратно на свое мѣсто, засыпалъ землею, и облегченно вздохнувъ, отправился въ свою келію, какъ ни въ чемъ не бы-

вало... По вскрытіи этого потайного мѣста, тамъ оказалась масса пилъ и топоровъ... Для какой цѣли онъ пряталъ ихъ туда, такъ и не могли добиться отъ него, но съ тѣхъ поръ подобныя похожденія его на дровяную пристань прекратились.

Всегда грязный, нечесаный, не выпускающій корку хлѣба изо-рта, и постоянно ковыряющій въ носу, Сережа преображается, когда онъ стоитъ въ церкви. Чисто вымытый и гладко причесаный, онъ стоитъ въ храмѣ съ благоговѣніемъ, во всю службу ни разу не обернется ни назадъ, ни въ стороны, и будучи вполнѣ неграмотнымъ, церковную службу, какъ-бы ни шла она, знаетъ наизусть въ совершенствѣ...

Придя изъ скита въ монастырь, Сережа первымъ дѣломъ зашелъ въ квасную, гдѣ квасникъ-монахъ нацѣдилъ ему въ боченокъ квасу, а затѣмъ пошелъ въ монастырскую кухню за пищей. Придя въ кухню и крикнувъ: »здравствуйте!», онъ поставилъ судки на столъ, снялъ съ нихъ ремень и вручилъ ихъ монаху-повару, промолвивъ: «похлебки и каши!», а самъ сѣлъ на скамью, гдѣ и былъ окруженъ послушниками.

— Сережа, сколько лѣтъ тебѣ?—спрашиваетъ его одинъ изъ послушниковъ.

— Десятый годокъ!—отвѣчаетъ Сережа.

— А сколько лѣтъ въ монастырѣ живешь?

— Двадцать!

— Ха, ха, ха!—добродушно смѣется братія.

— Сережа,—спрашиваетъ его другой,—чѣмъ у тебя голова набита?

— Соломой ячменной!—отвѣчаетъ Сережа и самъ смѣется.

— Братцы!—кричитъ вбѣжавшій поваръ,—солдаты съ музыкой идутъ!

— Гдѣ? Гдѣ?—спрашиваетъ Сережа.

— Да на дворѣ!—И Сережа бѣжитъ со всѣхъ ногъ на дворъ, откуда вскорѣ возвращается разочарованный, и ворча себѣ подъ носъ что-то.

Нагрузивъ на телѣжку боченокъ съ квасомъ и судки съ пищей, Сережа направился обратно, и у самыхъ воротъ монастыря встрѣтился съ двумя богомолками, которыя, остановившись, здороваются съ нимъ.

— Сереженька, здравствуй!..

— Здравствуйте—похлебка и каша!—отвѣчаетъ Сережа.

— Сережа! Приходи кофейку попить!

— А въ какой номеръ?

— Въ десятый, въ каменной гостинницѣ!

— Хорошо! А дай копѣечку!

Богомолки даютъ ему двугривенный. Сережа возмущается и говоритъ:

— Мало! Дай большую, а то не приду!

Богомолки, оставля у него поданый двугривенный, даютъ ему еще пятикопѣечный мѣдякъ, и улыбка удовольствія появляется на лицѣ Сережи.

— Спаси васъ, Господи!—благодаритъ онъ и ѣдетъ съ телѣжкой далѣе—къ скиту, отдавъ по дорогѣ и двугривенный, и пятачокъ какому-то нищему.

Когда онъ подымался на Святую гору, ему встрѣтился настоятель обители, идущій съ нѣсколькими гостями-богомольцами.

— Тяжело, Сережа?—спрашиваетъ онъ:—дай-ка, я тебѣ помогу! И берется за телѣжку.

— Да!—отвѣчаетъ Сережа:—помоги, отецъ Макарій! А самъ уже отошелъ отъ телѣжки въ сторону.

Старикъ-настоятель довезъ телѣжку до половины горы и, видимо уставши, зоветъ Сережу.

— Ты что же ушелъ отъ телѣжки! Вези далѣе! Я усталъ!..

— Вишь ты какой! Я далеко ее везъ! Вези теперь ты!—невозмутимо отвѣчаетъ Сережа и идетъ спокойно къ скиту...

Нечего дѣлать, пришлось самому игумену, при помощи богомольцевъ, везти телѣжку до воротъ скита, гдѣ и сдалъ ее Сережѣ.

— Ну, вотъ! Спаси тебя, Господи! — поблагодарилъ Сережа игумена и скрылся съ телѣжкою въ воротахъ.

По обычаю монастырскому, чтобы всякій послушникъ имѣлъ надъ собою «старца», которому онъ обязанъ подчиняться, и совѣтами котораго обязанъ руководствоваться при рѣшеніи разныхъ нравственныхъ вопросовъ,—Сережа тоже имѣлъ руководителя.

Сидѣвшій на скамейкѣ и восхищавшійся природой, сѣдой старецъ, отецъ Пахомій, олицетворялъ передъ Сережей высшую власть въ монастырѣ. Отца Пахомія Сережа боялся больше, чѣмъ игумена, и когда послушники надоѣдали ему своими шутками, то стращалъ ихъ словами:

— Я отцу Пахомію пожалуюсь! Отецъ Пахомій идетъ! Отстаньте!

Отецъ Пахомій былъ для Сережи и хозяиномъ. Онъ завѣдывалъ его платьемъ и обувью, получалъ для него и чай, и сахаръ, которые и выдавалъ ему порціями—на ежедневное употребленіе, такъ какъ Сережа имѣлъ обыкновеніе, получивъ четверть фунта чаю и

одинъ фунтъ сахару — все это сразу положить въ чайникъ и, заваривши кипяткомъ, пить...

Подобными безсмысленными дѣйствіями и нѣкоторыми выходками, внушенными ему приходящими въ монастырь странниками, Сережа нерѣдко огорчалъ и возмущалъ отца Пахомія до такой степени, что тому неоднократно приходилось припоминать монастырскій уставъ, коимъ воспрещается бить даже скотину...

Кротко и терпѣливо наставлялъ отецъ Пахомій свое чадо духовное и ни разу не нарушилъ монастырскаго устава.

Бродяга.

Сцена въ ночлежномъ домѣ.

Было восемь часовъ вечера, когда къ одному изъ ночлежныхъ домовъ, на окраинѣ Петербурга, подошелъ неизвѣстный субъектъ, невысокаго роста, плечистый, сильно загорѣлый, съ котомкой на спинѣ и съ дорожнымъ посохомъ въ рукѣ. Одѣтъ онъ былъ въ нагольномъ полушубкѣ, на ногахъ старыя бродни. По запылившейся и сильно поношенной одеждѣ можно было заключить, что онъ былъ долго въ дорогѣ.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ ночлежки, то возлѣ нихъ стояла какая-то женщина-побирушка, которая тоже пришла въ пріютъ для бездомниковъ.

— Послушай-ка, тетка, а что здѣсь безпаспортныхъ впускаютъ?—спросилъ неизвѣстный.

— Иди смѣло, родимый! Впускаютъ!

— И не спрашиваютъ, есть-ли паспортъ?

— Не бойся! Хоть вѣкъ его не будь!..

— А полиція бываетъ здѣсь?..

— Нѣтъ! Что-то не слыхать!..

— Это хорошо!..

— А ты откуда будешь-то, милый?

— Я? Изъ Сибири...

— Слыхала я, что это далеко!..

— Да, не близко! Оттуда солнце восходитъ!..

— Ой, ой, ой! Экъ тебя куда угораздило! А зачѣмъ ты приперъ?

— Въ гости—въ Питеръ!..

— Стало-быть, ты здѣшній?

— Тутошній!

— А зачѣмъ ты въ Сибири-то былъ? спросила неизвѣстнаго пришельца, стоявшая рядомъ съ нимъ женщина.

— А много будешь знать, скоро состаришься, тетка,—отвѣтилъ неизвѣстный и дернулъ за ручку звонка.

Пришелъ смотритель и выдалъ билеты.

Неизвѣстный занялъ на нарахъ свое мѣсто и долго не спалъ. У своего сосѣда по нарамъ онъ подробно разспросилъ насчетъ полиціи, и узналъ, что иногда въ ночлежкѣ бываетъ полицейскій обходъ часа въ два ночи. Всѣ бездомники давно уже угомонились и спятъ себѣ, поднявъ на всю ночлежку невообразимый храпъ и свистъ, а неизвѣстный субъектъ и глазъ не сомкнулъ: онъ лежитъ навзничь, вперивъ глаза въ потолокъ, и о чемъ-то думаетъ.

Пробило два часа ночи. Ну, теперь, кажется, никто не придетъ! Можно и на боковую!—подумалъ онъ и, положивши котомку подъ голову, накрывшись полу-

шубкомъ и свернувшись кренделемъ, неизвѣстный заснулъ,—заснулъ онъ крѣпко и видитъ сонъ, какъ онъ идетъ сибирскимъ трактомъ по дремучимъ тайгамъ Байкала... Приснилось ему, какъ онъ спасся даже отъ волковъ...

А между тѣмъ, въ ночлежкѣ, въ три часа ночи, поднялась страшная сутолока. Раздался энергичный звонокъ, и вошли трое сыщиковъ, которые по имѣющейся у нихъ фотографической карточкѣ разыскиваютъ бѣглаго каторжника изъ Сибири.

Едва только сыщики вошли въ ночлежку, какъ нѣкоторые бездомники, случайно проснувшіеся въ это время, повскакали съ наръ и закричали своимъ спавшимъ товарищамъ:

— Ребята, вставайте, фигляры пришли!.. (Такъ называютъ босяки сыщиковъ).

— Братцы, вставайте, пауки пришли! Заметутъ!..

— Спасайся, кто можетъ!..

Но выходныя двери ночлежки уже заранѣе были заперты крѣпко-на-крѣпко.

— Вы ихъ не подымайте! — сказалъ одинъ изъ сыщиковъ смотрителю; мы такъ осмотримъ, поодиночкѣ! Пускай себѣ спятъ!.. Зажгите свѣчку и пойдемте на охоту!

Смотритель зажегъ свѣчку, одинъ изъ сыщиковъ досталъ изъ бокового кармана фотаграфическую карточку и показалъ смотрителю: вотъ намъ кого надо!..

— Ну, пойдемте! Подойдя къ спящему бездомнику, сыщики будили его и, всматриваясь въ его лицо, сличали его черты съ карточкой.

— Показывай рожу!—говорили сыщики, толкая сонныхъ босяковъ.

— Нѣтъ, не тотъ! Идемъ дальше!

— Покажи твою рожу! Вишь, какая она у тебя! Съ перепою, должно быть.

— Покажи твою рожу! Босяки приподымались и, показавши свои рожи, тотчасъ-же засыпали. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, вскакивали, садились на нары и спросонокъ бредили:

— Видитъ Богъ, ваше благородіе, не стрѣлялъ!.. Отпустите, пожалуйста!.. Или: «Добрѣйшій благодѣтель, простите! Трое дѣтей! Жена въ больницѣ! Три дня не ѣлъ! Простите!.. Отпустите душу на покаяніе.

— Покажи твою рожу!

— Вишь ты, какіе синіе голуби подъ глазами-то!..

— Это мнѣ Миколка засвѣтилъ, ну, да и я ему фонарь здоровый поставилъ!.. Будетъ помнить!..

Дошла очередь до неизвѣстнаго, который, пролежавъ до двухъ часовъ ночи, теперь спалъ, какъ убитый.

— Показывай рожу!—сказалъ сыщикъ. Неизвѣстный вскочилъ на нары и сѣлъ—ни живъ, ни мертвъ: попался!..

— Это онъ! Похожъ?—сказалъ сыщикъ, показывая карточку своему товарищу: точно онъ?

— Какъ двѣ капли воды!

— Ротъ, губы, глаза, лобъ—все похоже!

— Только бородой обросъ!..

— Твоя фамилія?

— Иванъ Непомнящій!

— Кто ты такой?

— Колпинскій мѣщанинъ!

— Покажи паспортъ!

— Нѣту у меня его!

— А гдѣ-же онъ у тебя?

— Потерялъ!

— Врешь! Твоя фамилія Сорвиголова? Ты убѣжалъ изъ Сибири! Ты—бродяга, каторжникъ!.. Одѣвайся! Пойдемъ съ нами!

— Неизвѣстный медленно и нехотя сталъ одѣваться.

— Охо-хо! Придется, видно, снова въ Литовскій замокъ со свѣчами прогуляться! (т. е. въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ съ шашками на голо)...

— Давно ты пришелъ въ Петербургъ?

— Только сегодня!..

— Скоро-же попался!

— Да, и не удалось въ Питерѣ погулять!..

— Сколько времени ты былъ въ дорогѣ?

— Полтора мѣсяца!

— Что у тебя въ котомкѣ?

— Котелокъ! Чай въ немъ заваривалъ въ дорогѣ.

— Какъ ты пришелъ сюда?

— По Сибири—сибирскимъ трактомъ! Тамъ вольно! Сибиряки народъ добрый. Въ деревняхъ мужики ночевать впускаютъ! Бывало, подойдешь къ окну и скажешь: «прикройте несчастнаго отъ темной ночи!»—непремѣнно впустятъ, обогрѣютъ и накормятъ, а на другой день еще на дорогу чего-нибудь съѣстного дадутъ! Иди съ Богомъ!.. Ну, а въ Россіи гдѣ на пароходѣ, а гдѣ по желѣзной дорогѣ ѣхалъ безъ денегъ, на даровщинку!

— Какъ такъ?

— Гдѣ гольцомъ, гдѣ зайцемъ, а гдѣ и слѣпенькимъ!..

— Какимъ же это образомъ?

— А забьешься подъ лавку, подъ скамейку, значитъ, и ѣдешь себѣ!..

— А кондукторъ-то какъ же?

— Съ разрѣшенія кондуктора! Ну, дашь ему сколько-нибудь, чтобы онъ отвязался и не видѣлъ тебя!..

— Ловко! Ну, одѣвайся поскорѣе!..

Вскорѣ по всей ночлежкѣ стало извѣстно, что среди бездомниковъ ночевалъ каторжникъ изъ Сибири.

— Братцы, каторжника поймали!

— Гдѣ?

— Вонъ сыщики-то стоятъ! Вонъ одѣвается!

— То-то я замѣтилъ давеча, онъ до двухъ часовъ не спалъ: то сидѣлъ, то лежалъ на нарахъ.

— Это онъ ночью обхода боялся!

— И вотъ, поди-жъ ты, попался, какъ куръ во щи!.. Сгорѣлъ!..

— Кто онъ такой?

— Богъ его знаетъ! Должно быть, важный, если сыщики пришли разыскивать, да еще съ карточкой!

— Говорятъ, убійца какой-то!

— Тьфу ты, прости Господи, какого только народу здѣсь не ночуетъ!.. Даже страшно становится!

— Не бойся! Никто не тронетъ!

Въ женскомъ отдѣленіи ночлежки, хотя туда сыщики не заглядывали вовсе, тоже поднялась большая суматоха, подъ вліяніемъ извѣстія о поимкѣ каторжника.

— Слышали, каторжника поймали?.. Бѣглаго изъ Сибири!.. Семерыхъ убилъ!.. И женщины завизжали благимъ матомъ отъ страха и удивленія.

— Мы вмѣстѣ съ нимъ билетъ для входа въ ноч-

лежку брали! откликнулась какая-то баба:—то-то онъ все меня выспрашивалъ, бываетъ-ли здѣсь полиція и впускаютъ-ли безъ паспорта! А мнѣ и не вдомекъ, къ чему это онъ все выспрашиваетъ!

— Ты извѣстная дура!..

— Собой такой видный! Здоровый мужчина!..

Ну, а теперь—крышка! Шабашъ! Попался! Опять въ Сибирь погонятъ!..

Когда бродяга одѣлся, взвалилъ котомку на плечи и взялъ въ руки дорожный посохъ, сыщикъ спросилъ: ну, что, готовъ?

— Къ вашимъ услугамъ!

— Пожалуйте!..

Выйдя изъ ночлежки, онъ наткнулся на ожидавшихъ его городовыхъ, которые взяли его и повели въ сыскное отдѣленіе.

Смотритель успокаивалъ переполошившихся бездомниковъ.

— Ну, спать, спать, братцы! Теперь уже никто не придетъ!..

— Фигляры за нимъ, должно быть, только и приходили.

— Во всѣхъ ночлежкахъ побывали, нигдѣ не нашли. А онъ оказался у насъ! Славный фруктъ! Жаль бѣднаго!..

— Словно звѣрька какого выслѣдили!..

— Ну, довольно болтать-то, дайте спать-то другимъ! прикрикнулъ смотритель. И въ ночлежкѣ снова водворилась тишина.

БРАСЛЕТЫ.

Очеркъ изъ тюремной жизни.

Когда арестанта приведутъ въ пересыльную тюрьму, на шею ему надѣваютъ мѣдную бляху съ обозначеніемъ №, по которому видно, по какому тракту надо его отправить. Всѣ арестанты изъ пересыльной тюрьмы направляются изъ столицы по 8 разнымъ трактамъ: по московскому тракту, по вторникамъ и средамъ, ихъ идетъ около 10,000 человѣкъ, по варшавскому, по пятницамъ, около 6,000 человѣкъ, по балтійскому, по понедѣльникамъ, около 2,000 человѣкъ, по кронштадтскому—около 2,000 человѣкъ, по архангельскому—около 2,000 человѣкъ, по царскосельскому—500 человѣкъ, по выборгскому около 500 человѣкъ, всего до 30,000 человѣкъ.

Во время кратковременнаго пребыванія въ Домушкѣ (такъ называютъ арестанты пересыльную тюрьму) арестанты живутъ партіями, человѣкъ по 20—30, въ большихъ комнатахъ, за желѣзными рѣшотками, подъ присмотромъ тюремной стражи.

Проходя по корридору, видишь, какъ тамъ и сямъ, за желѣзными рѣшотчатыми дверями мелькаютъ человѣческія фигуры въ сѣрыхъ бушлатахъ и туфляхъ.

Особая камера отведена для лицъ, пересылаемыхъ въ Сибирь—на каторжныя работы, или на поселеніе.

У «сибиряковъ» на стѣнѣ висятъ росписаніе поѣздовъ разныхъ желѣзнодорожныхъ линій и расписаніе времени отправки пароходовъ разныхъ пароходныхъ компаній по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ.

Всѣ эти росписанія поѣздовъ и пароходовъ они выпросили у начальства тюрьмы, чтобы, руководствуясь ими, заблаговременно намѣтить хотя приблизительно свой маршрутъ въ Сибирь.

— Ну, вотъ и въ Сибирь махнемъ!..—говоритъ одинъ арестантъ другому.

— Что-жъ? И въ Сибири люди живутъ!..

— Тебѣ куда?

— На Сахалинъ! На каторгу, на двадцать лѣтъ, и снисхожденія не дали господа судьи!..

— А за что?

— За нечаянное убійство!—тихо промолвилъ каторжникъ.

— Э, не унывай!

— Видно, придется тамъ и умереть, на каторгѣ!

— Да, оттуда не убѣжишь!

— Говорятъ, тамъ вокругъ острова море—окіянъ шумитъ!.. Бѣжать и думать не моги! Стрѣляютъ!..

— А ты куда?

— Я въ Енисейскую губернію, на поселеніе! Надоѣло мнѣ жить на одномъ мѣстѣ..

— На долго?

— На пятнадцать лѣтъ! За фальшивое серебро!..

— Ну, у тебя еще есть надежда вернуться на родину! А у меня никакой!.. Всѣ пути молодцу заказаны!

— Когда отправлять-то будутъ?

— Во вторникъ или среду по московскому тракту на Москву, а оттуда на Казань, а изъ Казани по Камѣ на Пермь!..

— Прогулка хорошая предстоитъ! Все лучше, чѣмъ въ тюрьмѣ сидѣть!..

— По новой Сибирской желѣзной дорогѣ покатимъ, на Портъ-Артуръ, а оттуда до Сахалина рукой подать!.. По крайней мѣрѣ свѣтъ посмотришь!..

Прежде чѣмъ отправить «сибиряковъ» въ путь-дорогу, ихъ подвергаютъ особаго рода «арестантскому туалету». Съ ножницами и бритвой въ рукахъ входитъ въ камеру тюремный цирульникъ.

— Здравствуйте, народъ честной!

— Ребята, парикмахеръ пришелъ!

— Не угодно-ли завиться кому-нибудь на балъ! — шутитъ цирульникъ.

— Ну-ка, постриги меня въ Сибирь! говоритъ одинъ изъ арестантовъ.

— Куда постричь-то?

— На каторгу!..

— Съ удовольствіемъ! Не угодно-ли присѣсть—вотъ на табуретку.

Арестантъ сѣлъ на табуретку, наклонивъ голову нѣсколько впередъ. Цирульникъ сперва подстригъ волосы и затѣмъ, не торопясь, пробриваетъ ровно правую половину головы арестанту.

— Пожалуйте, готово!

Арестантъ всталъ съ табурета и подошелъ къ маленькому зеркалу, висѣвшему на стѣнѣ.

— Эхе, хе! промолвилъ онъ, посвистывая.

— Что, братъ, не понравилось? Преобразился еси!.. замѣтилъ цирульникъ.

— Экая рожа-то какая стала! Каторжная!.. Отчаянная!.. Словно печать Каина наложена на нее...

— Ничего, братъ, не подѣлаешь!..

— Теперь меня всякій бояться будетъ! При встрѣчѣ со мною—убѣжитъ!..

— Между своими—ничего! Это на тотъ случай, если убѣжишь, такъ чтобы всякій зналъ по твоей рожѣ, что ты за птица есть!..

— Я не думаю бѣжать!

— А тебя куда постричь-то? спрашиваетъ цирульникъ другого арестанта, сѣвшаго на табуретку.

— А меня въ ссылку на поселеніе!..

И цирульникъ пробриваетъ ему лѣвую половину головы.

— Ловко! Да ты, братъ, должно быть, во французской парикмахерской учился!?.

— Пожалуйте, господа, кому еще завиться.

— Меня, меня! слышатся голоса арестантовъ.

— Подходи, не торопясь, по очереди!

— Охо, хо, думалъ-ли я, что когда-нибудь мнѣ придется испытать такой туалетъ!..

Придетъ цирульникъ съ бритвой острой,
Обрѣетъ правый мнѣ високъ,
Я буду видъ имѣть ужасный
Отъ головы до самыхъ ногъ!..

Продекламировалъ какой-то невзрачный, ледящій арестантикъ.

— Ну, всѣхъ постригъ, братцы?

— Всѣхъ, всѣхъ обкарналъ! закричали арестанты.

— Были какъ люди, а теперь—каторжане!..

— Вишь ты, что ножницы да бритва надѣлали!

— И не говори! Твоя рожа на что добродушная была, а теперь, гляди, что съ ней стало!.. Каторжникъ!.. Варнакъ!..

— Теперь скоро, братцы, браслеты надѣнемъ!.. говоритъ одинъ изъ рецидивистовъ, бѣжавшій изъ Сибири.

— Какіе это браслеты? спрашиваетъ новичекъ.

— Какіе? Золотые, мѣдью околоченные!.. Эхъ, ты, ежова голова, браслетъ не знаешь, какіе полагаются арестанту...

— Не знаю!.. Какіе?

— А кандалы-то!

— Ха, ха, ха! Я и забылъ! Вотъ такъ браслеты!..

— У насъ всѣ такъ называютъ—браслеты!

— Какъ ихъ надѣваютъ?

— Придетъ кузнецъ и закуетъ крѣпко на крѣпко, дѣльно на дѣльно... Скрутитъ, братъ, по рукамъ и ногамъ!

— Разскажи мнѣ, пожалуйста, какъ эти самые браслеты устроены?

— Э, братъ, это хитрая штука!...

— Тяжелые они?

— Фунтовъ десять потянутъ!

— Удобно ходить въ нихъ?

— Большого шага, братъ, не сдѣлаешь—упадешь!!! А бѣжать, братъ, и не думай!

— Поди-ка, натираетъ ноги?

— Не безъ этого! Ну, да ничего, можно носить подкандальники!..

— Это что за штуки?

— А на ноги надѣваютъ, чтобы кандалы не терли ноги!..

— Изъ чего ихъ дѣлаютъ?

— Кожаные!

— Кромѣ ножныхъ кандаловъ, надѣваютъ еще наручники съ цѣпью...

— Это зачѣмъ?

— А на случай тяжкаго скрѣпленія...

— Когда же оно производится?

— Въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ случаяхъ! Тогда, братъ, заковываютъ руки и ноги: лѣвая рука съ лѣвой ногой, а правая рука съ правой ногой!

— Ужасный видъ!

— Да ты не бойся, тебя такъ не закуютъ! Вѣдь ты у насъ теля безрогая!.. Вонъ Миколку подвергнутъ тяжкому скрѣпленію!.. Онъ парень не простой! Закуютъ ему рученьки и ноженьки...

— А мнѣ хоть бы что! отвѣтилъ Миколка: по крайней мѣрѣ звону много будетъ! Весь въ оковахъ, по рукамъ и ногамъ... глазѣть будутъ на тебя, какъ на героя... Даже любо! А музыка-то какая отъ цѣпей-то!.. Сдѣлаешь шагъ—звенитъ, махнешь рукой—звенитъ!.. Чего лучше!..

Пришелъ кузнецъ, принесъ съ собою небольшую наковальню и молотъ. Принесли кандалы—цѣлую груду цѣпей—соотвѣтственно количеству арестантовъ въ камерѣ.

— Здравствуйте, господа!

— Ребята, кузнецъ пришелъ!

— Здравствуй, Максимычъ!

— Къ вашимъ услугамъ!

— Ну—ка, закуй меня покрѣпче!

— На долго-ли?

— На двадцать лѣтъ!

— Выбирай себѣ кандалы, какіе понравятся!..

— Какіе? Мнѣ всѣ нравятся!

— Ну, выбирай по ногамъ, чтобы ножныя кольца въ пору пришлись!

— Вотъ они—мои желанные браслетки!

И Миколка сталъ цѣловать свои кандалы.

— Никому не отдамъ! Въ гробъ съ ними лягу!

— Не безпокойся, въ гробъ съ собой не возьмешь! сказалъ кузнецъ.

— Это отчего?

— А раскуютъ, когда захвораешь! Кандалы-то пригодятся другому! Чего имъ зря пропадать!..

— Ахъ, жаль! А какіе хорошіе—блестящіе, звонкіе!.. И какой кузнецъ ихъ сковалъ для меня!..

— Я знаю, какой!

— Врешь?

— Этотъ кузнецъ нищетою прозывается! Ну, садись! Миколка сѣлъ на табуретку, вытянувъ ноги на наковальню. Кузнецъ надѣлъ ему ножныя кольца на ноги и сталъ задѣлывать заклепки, стуча молотомъ по свободному концу заклепки, расплющивая ее, чтобы она не выходила назадъ изъ дырки. По всей камерѣ раздавался своеобразный звукъ, происходящій отъ ударовъ молота по стали. Заковавъ ноги, онъ сталъ заковывать ему руки.

— Ой, потише! Разъ два! Разъ, два!

— Не бойся; не ударю! Рука вѣрно бьетъ, привыкла!

— Готово! Ступай!

— Спасибо, братъ!

Потомъ стали заковывать какого-то татарина, потомъ чухонца. Татаринъ, по его словамъ, приговоренъ на каторгу за убійство одной изъ своихъ трехъ женъ, которую онъ оставилъ въ Касимовѣ—въ то время, какъ съ двумя другими своими женами жилъ въ Петербургѣ. Третья жена въ Касимовѣ измѣнила ему, и онъ, пріѣхавъ на родину, убилъ ее изъ ревности. Бу-

дучи фаталистомъ, татаринъ свободно, безъ ропоту, переносилъ свою судьбу, возсылая хвалу Аллаху...

Чухонца ссылали за то, что онъ разгромилъ сойму на Финскомъ заливѣ, покончивъ съ своими товарищами-матросами. Чухонецъ все время, когда его заковывали, тупо молчалъ, не промолвивъ ни слова...

РАЗСКАЗЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

Сцена въ ночлежномъ домѣ.

Лѣтомъ ночлежные дома были почти на половину пусты, свободныхъ мѣстъ на нарахъ было много.

Осенью, съ наступленіемъ холодовъ, „босая команда“ снова возвращается къ своимъ ночлежкамъ. Нѣкоторые бездомники возвращаются даже изъ провинціи въ Петербургъ на зиму. Было уже темно, когда въ одну изъ ночлежекъ ввалился высокаго роста, представительной внѣшности субъектъ, въ длиннополомъ крестьянскомъ армякѣ, подпоясавшись, въ сапогахъ съ запыленными до нельзя голенищами, съ посохомъ съ желѣзнымъ наконечникомъ въ рукѣ, на спинѣ за плечами,—„горбовикъ“, а съ лѣваго бока висѣлъ „боковикъ“. Волоса были опущены до плечъ.

Войдя въ ночлежку, неизвѣстный субъектъ проговорилъ басомъ, обращаясь къ сидѣвшимъ и лежавшимъ на нарахъ бездомникамъ:

— Здравствуйте, народъ честной!..

— Милости просимъ къ нашему грошу да съ ва-

шимъ пятакомъ!..—отвѣтилъ бойко кто-то изъ посадскихъ.

Только что пришедшій субъектъ занялъ на нарахъ свое мѣсто, досталъ изъ „горбовика" жестяной чайникъ, сбѣгалъ на кухню за кипяткомъ, заварилъ чай и сталъ пить.

— Рабъ Божій, гдѣ ты былъ?—спросилъ его одинъ изъ посадскихъ, сосѣдъ по нарамъ.

— Душу свою спасалъ!..

— Гдѣ ты ее спасалъ?

— Все лѣто странствовалъ по монастырямъ!..

— Вотъ какъ! Хорошее дѣло!.. Много, поди, чего видалъ!..

— Какъ не видать!..

— Въ какомъ монастырѣ ты проживалъ?

— Да въ разныхъ. Былъ въ Троице - Сергіевской лаврѣ,—близъ Москвы...

— Хорошо тамъ?

— Благолѣпіе!..

— Много богомольцевъ?

— И не говори! Не только что десятки, сотни тысячъ перебываетъ въ годъ. Со всѣхъ сторонъ народъ валомъ валитъ на поклоненіе св. Сергію!.. Для богомольцевъ въ монастырѣ устроены двѣ гостинницы. Одна—такъ называемая „первоклассная". Въ этой гостинницѣ останавливаются люди благороднаго званія и купечество. Какая плата тамъ существуетъ, сказать не могу. А другая гостинница — общая, для простонародья. Гостинница эта каменная, двухъэтажная, въ ней умѣщается до тысячи человѣкъ!..

— Вотъ какъ!..

— Для спанья устроены двухъэтажныя желѣзныя

нары, и сдѣланы отдѣльныя мѣста, какъ только можно лечь человѣку...

— На манеръ здѣшнихъ, значитъ!

— Да! На этихъ нарахъ богомольцы спятъ въ два этажа, одинъ надъ другимъ! Народу бываетъ много, и не столько богомольцевъ, сколько праздношатающихся!.. Когда ложишься спать, то все надо прятать подальше, а то утащатъ...

— Вишь ты, шельмецы какіе!..

— Многіе приходятъ туда не Богу молиться, а прости Господи, воровать!..

— Неужели правда?

— Вѣрно говорю! Въ особенности этимъ дѣломъ занимаются жители посада, которыхъ, буквально, по шеямъ гонятъ, а они все лѣзутъ...

— Ну, а какъ тамъ насчетъ ѣды-то? — спросилъ другой бездомникъ, подсаживаясь къ неизвѣстному субъекту.

— Кормятъ хорошо. Въ праздники обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а въ будни—изъ двухъ блюдъ и достаточное количество хлѣба. Въ праздничный обѣдъ сперва подаютъ квасъ съ капустой и огурцами, потомъ капустныя щи съ сухарями или супъ съ картофелемъ и наконецъ жидкую кашу.

— А ужинъ бываетъ?

— На ужинъ даютъ какое-нибудь одно кушанье и великолѣпный монастырскій квасъ: пей, сколько хочешь!

— А въ будни что?

— Щи или супъ и каша! Ѣшь, сколько душа принимаетъ!

— Вотъ лафа-то!

— Въ трапезной можетъ умѣститься около трехсотъ человѣкъ. Мѣста для богомольцевъ обозначены крестами.

— Какъ-же это такъ?

— А на столѣ нарисованъ красный крестъ — противъ каждаго креста и садится богомолецъ.

— Для порядка, значитъ...

— Чтобы не тѣснили другъ друга!.. Для чашекъ тоже мѣста обозначены. Изъ каждой чашки ѣдятъ по шести человѣкъ!.. Чашки и ложки—большія, деревянныя! Во время обѣда присутствуетъ своя монастырская полиція!..

— Полиція въ монастырѣ?

— Да!

— Это зачѣмъ?

— А слѣдитъ за тѣми, кто долго живетъ въ монастырѣ!..

— На даровыхъ хлѣбахъ!

— Бывали случаи, что неимѣющихъ совѣсти выводили изъ-за стола...

— Ха, ха, ха!—дружнымъ хоромъ засмѣялись посадскіе и босяки.

— Это ужъ не богомольцы, а нашъ братъ-стрѣлки, праздношатающіеся и пьяницы... Они только тѣмъ и занимаются, что ходятъ изъ одного монастыря въ другой, дорогой собираютъ хлѣбъ, продаютъ его, а деньги пропиваютъ!..

— Молодцы ребята!.. Тоже душу свою спасаютъ!

— Да смотрятъ, гдѣ что плохо лежитъ, тогда у нихъ, по пословицѣ, и брюхо болитъ!..

— Ха, ха, ха!..

— Фортовые парни!..

— Вѣрите-ли, поживутъ въ монастырѣ, пока всѣмъ глаза не намозолятъ, потомъ уйдутъ, походятъ вокругъ монастыря и снова въ монастырь...

— Нече сказать, ловкіе!

— Пройдохи!..

— Голь на выдумки хитра!..

— Въ нѣкоторыхъ обителяхъ позволяютъ жить только три дня на монастырскихъ харчахъ... Ну, вотъ тутъ и нужна хитрость. Проживетъ три дня въ обители, а потомъ и уйдетъ, а черезъ день, черезъ два— опять въ обитель, на даровые хлѣба!..

— Рабъ Божій! а въ Кіевѣ бывалъ?

— Какъ-же? И во святомъ градѣ Кіевѣ былъ, а на пути въ Глинскую пустынь заходилъ...

— Это что за обитель?

— Глинская пустынь находится верстъ полтораста не доходя до Кіева, и стоитъ она въ громадномъ лѣсу. Братіи тамъ насчитывается около пятисотъ человѣкъ.

По приходѣ въ пустынь, богомолецъ долженъ идти въ контору и отдать паспортъ. Монахъ беретъ паспортъ, записываетъ васъ въ книгу и помѣчаетъ въ ней число, въ которое вы пришли. При записи спрашиваетъ, сколько дней желаете прожить въ монастырѣ. Паспортъ до ухода вашего остается у него. Церковная служба тамъ вполнѣ, можно сказать, пустынная: поздняя обѣдня начинается въ 8 часовъ и кончается въ первомъ часу пополудни...

Братія въ церкви вся стоитъ по старшинству и по порядку... Есть и схимники, которые стоятъ совсѣмъ отдѣльно отъ братіи и богомольцевъ.

Послѣ обѣдни сейчасъ-же въ трапезной даютъ три

удара въ колоколъ, которые означаютъ сборъ на обѣдъ. Тогда со всѣхъ келій братія, и старый, и малый, плетутся въ богато расписанную божественными сюжетами трапезную. При встрѣчѣ во дворѣ монахи чинно привѣтствуютъ другъ друга поклонами, а нѣкоторые—поцѣлуями въ правое плечо.

— Ты долго жилъ въ пустынѣ?

— Три дня, на четвертый ушелъ!

— Каждый день ходилъ обѣдать?

— Каждый день обѣдалъ, ужиналъ и пилъ чай!

— Какой-же давали обѣдъ?

— Обѣдъ—и говорить нечего! Какъ сыръ въ маслѣ валялся!..

— Вишь ты!

— Конечно, только мяса нѣтъ, а рыбное все. Обѣдъ давали изъ четырехъ перемѣнъ.

— Вотъ какъ!

— Холодная рыба, уха, молочная каша и молоко съ творогомъ!

— А ужинъ какой?

— Кромѣ ухи, все остальное!

— А на другой день?

— Пища была одна и та-же всѣ три дня только мѣняли уху; вмѣсто нея, на второй день давали супъ, а на третій—щи.

— Ты говоришь, и чай пилъ...

— Чай даютъ порціями, сухимъ чаемъ и сахаромъ на заварку!

— Кто даетъ?

— Для этого приставленъ одинъ монахъ, который раздаетъ чай и сахаръ, а когда уходишь, такъ еще и гривенники на дорогу. Какъ утромъ встанешь, идешь

къ келіи. Войдя въ келію, спросишь: „батюшка, благословите чайку!“ Онъ дастъ на заварку чаю и два куска сахару.

— Почему-же на одну заварку? Если ты жилъ три дня, и если у нихъ заведено давать чай, такъ почему-же сразу не взять на три дня?

— Нѣтъ, такъ нельзя! Долженъ каждое утро и вечеръ ходить...

— Какъ, развѣ и по вечерамъ даютъ?

— Да, даютъ и вечеромъ! Видишь-ты, почему даютъ на одну заварку. Хорошо, ты имѣешь совѣсть, по приходѣ въ первое утро возьмешь на шесть заварокъ, а болѣе и не пойдешь, а другой утромъ возьметъ на шесть заварокъ, да вечеромъ на шесть! Скажетъ, я сейчасъ только пришелъ, да въ три дня заберетъ за шестерыхъ...

— А гривенники какіе выдаютъ?

— А когда уходишь изъ монастыря, идешь въ контору за паспортомъ, въ это время и даютъ тебѣ на дорогу десять копѣекъ!..

— Это хорошо!

— Много нашего брата по монастырямъ странствуетъ!

— Рабъ Божій, скажи, зачѣмъ это у тебя крестъ на котомкѣ вышитъ?

— А отъ злыхъ людей... Чтобы каждый видѣлъ, что я странникъ, богомолецъ, что живу Христовымъ именемъ, и что у меня нѣтъ ничего, что у меня нечего и отымать, грабить!.. Крестъ мой хранитель!.. Въ дорогѣ мало-ли кого встрѣтишь, и добрыхъ, и злыхъ? Иной подумаетъ, что у меня деньги есть, а какъ взглянетъ на вышитый на котомкѣ крестъ, сразу ви-

дитъ, кто-я... Значитъ, ничѣмъ отъ меня нельзя поживиться... И оставитъ меня въ покоѣ, если, сохрани Господи! на умъ взбрело что нибудь худое...

Настала пауза.

— Лѣто-то пропутешествовалъ по монастырямъ! Спасибо братіи, и поила и кормила! А на зиму-то вотъ пришелъ мыкаться въ Питеръ!.. Ну, народъ честной, пора и опочивъ держать!..

— Спокойной ночи, рабъ Божій!

И разговоръ въ ночлежкѣ призатихъ.

КНИГОНОША.

Изъ записной книжки одного книгоноши.

Въ качествѣ книгоноши, путешествуя въ глубинѣ Россіи, я торговалъ «божественными картинками» и книгами духовно-нравственнаго содержанія, о чемъ и хочу подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ.

Запасшись книгами и картинками въ Петербургѣ, я махнулъ на Каму, въ Пермскія страны, и оттуда началъ свое путешествіе на святой градъ Кіевъ, пробираясь съ товаромъ помаленьку по селамъ, деревнямъ и заводамъ.

Пермская губернія изобильна лѣсами и заводами, тамъ живетъ народъ зажиточный, въ селахъ и деревняхъ мужики работаютъ на славу, любятъ хорошо

одѣться, поѣсть, попить и погулять, и въ то же время народъ довольно религіозный, и часть своего заработка охотно жертвуетъ въ свои приходскіе храмы.

Очень часто мнѣ, книгоношѣ, приходилось, по просьбѣ неграмотныхъ крестьянъ, писать денежныя письма въ какіе-либо монастыри, и неоднократно писалъ денежныя письма на имя отца Іоанна Кронштадтскаго.

Деньги на имя отца Іоанна отправляются съ благотворительною цѣлью, на его благоусмотрѣніе, и съ просьбою помолиться объ избавленіи отъ какого-нибудь постигшаго несчастія.

Пермяки радушно встрѣчаютъ книгоношу, который предлагаетъ имъ купить божественныя картинки и духовныя книги. Въ особенности охотно покупаются картины кіевскихъ и московскихъ изданій.

Нѣкоторые благочестивые покупатели дѣлаютъ иногда заказы на покупку какихъ-либо картинъ и книгъ, напримѣръ, просятъ на слѣдующій разъ принести Евангеліе или Библію, или какое нибудь полное описаніе Афона, или Іерусалима, а нѣкоторые покупатели на покупки и пересылку этихъ книгъ и картинъ предлагаютъ и деньги даже совершенно незнакомому человѣку.

Подобныя порученія неоднократно давались и мнѣ.

Одинъ мастеровой спросилъ у меня Библію, а у меня ея не оказалось. Онъ спрашиваетъ, за какую цѣну можетъ ее получить. Я ему сказалъ. Онъ мнѣ даетъ пять рублей, и проситъ меня на обратномъ пути занести ему Библію и двѣнадцать картинъ, которыя заключаютъ въ себѣ земныя страданія Спасителя, или же выслать почтой.

— Какъ же вы мнѣ довѣряете, когда въ первый разъ меня видите, вѣдь, я могу и не исполнить вашего порученія!

— А вѣдь не меня обманете, а Бога! Да и не безпокойтесь, мы вѣдь видимъ, кому можно довѣриться, и кому нельзя! Не вы первый къ намъ пришли, не вы послѣдній! Знаемъ и видимъ, у кого и что покупаемъ, и за что деньги платимъ!..

Подобныя порученія могутъ принести книгоношѣ или даже богомольцу несомнѣнную пользу, напримѣръ: въ пріисканіи ночлега, если, разумѣется, порученія будутъ исполнены добросовѣстно. Въ другой разъ тебя встрѣтятъ и примутъ, какъ стараго знакомаго.

А въ скитаніяхъ книгоноши безпрепятственный ночлегъ много значитъ, а въ особенности въ Пензенской, Казанской, Тульской и Рязанской губерніяхъ.

Въ Пермской губерніи народъ болѣе радушный.

Весь бродячій народъ, идущій въ Сибирь, рабочіе, отправляющіеся на золотые пріиски, богомольцы, идущіе на поклоненіе мощамъ святителя Иннокентія, Иркутскаго чудотворца или, наконецъ, переселенцы, какой-бы они дорогой ни шли, всегда и вездѣ не встрѣтятъ затрудненія въ пріисканіи ночлега. Если кто идетъ по линіи желѣзной дороги, и къ вечеру не успѣетъ дойти до завода, села или деревни, тотъ ночуетъ въ желѣзнодорожныхъ рабочихъ казармахъ, на что испрашиваетъ разрѣшеніе желѣзнодорожнаго мастера или старшаго рабочаго.

Кто идетъ или ѣдетъ Сибирскимъ трактомъ, тѣ ночуютъ на постоялыхъ дворахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ особенности радушнымъ

пріемомъ и гостепріимствомъ пользуются книгоноши и богомольцы.

Иногда случалось проходить вечеромъ, или даже днемъ какимъ-либо заводомъ или селомъ, и вдругъ слышишь черезъ отворенную форточку хозяинъ избы зоветъ тебя къ себѣ въ домъ—съ цѣлью купить что-нибудь, а затѣмъ предлагаютъ и отдохнуть, чтобы онъ имѣлъ побольше времени поговорить и получше выбрать картины и книги. Иногда домохозяинъ выбѣгаетъ на дорогу, къ воротамъ, и зазываетъ къ себѣ:

— Рабъ Божій, не угодно-ли отдохнуть! Зайди къ намъ!..

Въ Пермской губерніи многіе мужики покупаютъ книги, хотя сами и не умѣютъ читать. Случалось очень часто продавать книги неграмотнымъ. У этихъ любителей въ переднемъ углу, на полкѣ, лежитъ множество книгъ, и въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ Евангеліе или Библія.

По приходѣ въ домъ, домохозяинъ первымъ дѣломъ заставляетъ ставить самоваръ, а затѣмъ предлагаетъ раздѣваться, и проводитъ въ свою отдѣльную комнату. Напившись чаю, онъ спрашиваетъ:

— Какія у тебя есть книги и картинки?

— Есть разныя, но только все божественныя!

— А мнѣ божественныхъ и надо, а разныхъ сказокъ и какихъ-то тамъ «Романовъ», да «Ивановъ» мнѣ даромъ не надо, да я и читать-то самъ не умѣю...

— Такъ какъ-же, читать не умѣете, а книги хотите покупать?

— Читать не умѣю, а божественныя книги покупать люблю!.. Вонъ видишь, ящикъ стоитъ, въ немъ, штукъ полтораста разныхъ книгъ—и все божествен-

ныя, да вонъ на полкѣ, въ переднемъ углу, штукъ полсотни есть...

— Это дѣло очень хорошее! Но кто-же вамъ ихъ читаетъ? Вѣроятно, въ семействѣ есть кто-нибудь грамотный?

— Старшій сынъ немного читаетъ, да вотъ увижу какого-нибудь книгоношу или богомольца, приглашу его къ себѣ, предложу ему отдыхъ, а потомъ и попрошу его почитать что-нибудь... Вотъ почему, несмотря на то, что я неграмотный, а все Евангеліе и Библію знаю наизусть, а про житія святыхъ угодниковъ Божіихъ только про тѣхъ не знаю, про которыхъ книгъ нѣтъ у меня! Да и въ святыхъ книгахъ говорится, не только-что читать Евангеліе или Библію, но даже полезно и хорошо имѣть ихъ у себя въ домѣ... Такъ говорилъ мнѣ домохозяинъ, почтенный, семидесятилѣтній, но весьма бодрый старикъ, который купилъ у меня однѣхъ картинъ семьдесятъ пять штукъ и нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ—описаніе Іерусалима и Аѳонской земли.

И вотъ съ этимъ-то старикомъ, въ бесѣдѣ о святыхъ мѣстахъ и въ чтеніи книгъ я незамѣтно провелъ почти всю ночь.

На другой день, утромъ, напившись чаю и разсчитавшись съ почтеннымъ хозяиномъ за его гостепріимство, и получивъ деньги за проданный товаръ, я отправился дальше.

Проходя этимъ-же селомъ, я зашелъ въ одинъ домъ, съ предложеніемъ что-нибудь купить.

Сынъ домохозяина спросилъ:

— Нѣтъ-ли у тебя божественныхъ книгъ?

— Я только и торгую божественными книгами и картинками!..

— Тятя! Купи! Нѣтъ-ли у него описанія про Аѳонскую гору, или описанія Іерусалима?

— На что тебѣ? У тебя и такъ очень много книгъ, что ты и читать не успѣваешь, а все покупаешь!

Какъ усердно сынъ ни просилъ отца, но отецъ нехотя купилъ книгу: описаніе Алексѣя, человѣка Божія, да и потому только, что его самого звали Алексѣемъ.

Выйдя изъ села и пройдя уже версты двѣ, слышу кто-то сзади кричитъ. Я остановился, оглянулся назадъ, и вижу, кто-то бѣжитъ ко мнѣ и машетъ рукой. Стою я и думаю, кто же это бѣжитъ за мной. Смотрю, подбѣжалъ ко мнѣ тотъ самый парень, который упрашивалъ отца купить у меня книгъ.

— Дяденька! Достань мнѣ, пожалуйста, тѣ книги, какія я у тебя спрашивалъ! Сколько онѣ стоятъ? Я тебѣ деньги отдамъ.

— Почему же ты дома не бралъ?

— Развѣ ты не видѣлъ, какой у меня отецъ скупой! Самъ не покупаетъ, и мнѣ не велитъ! А мать тоже любитъ божественное чтеніе слушать! Отецъ у меня недавно маленькихъ божественныхъ книгъ штукъ триста сжегъ.

— Вѣдь тѣ книги, которыя ты у меня спрашивалъ, стоютъ два рубля!

— А я какъ разъ и принесъ два рубля!

— А гдѣ же ты денегъ берешь, когда отецъ тебѣ не даетъ!

— У матери!

— Такъ и эти книги отецъ опять сожжетъ!

— Нѣтъ! У меня опять уже есть штукъ полтораста! Мы теперь покупаемъ безъ отца, а когда я читаю, то говорю ему, что взялъ у товарища, или у

попа почитать, а потомъ уже прячу, чтобы отецъ не нашелъ...

— Почему же тебѣ непремѣнно эти три книги нужны: про Аѳонъ, Іерусалимъ и Кіевъ?

— А я сейчасъ хорошенько ихъ заучу, а когда пройдетъ очередь отбыванія воинской повинности, тогда отправлюсь по святымъ мѣстамъ, и куда-нибудь поступлю въ монастырь... Я люблю божество и тихую жизнь...

— А если отецъ не отпуститъ?

— Нѣтъ, онъ на путешествіе въ Іерусалимъ обѣщается дать мнѣ денегъ. Только бы выѣхать изъ дома, а тамъ уже прощай отецъ и мои товарищи!..

— Да! Это дѣло доброе, но только безъ благословенія отца и матери, въ монастырѣ не оставайся! Иди съ Богомъ!

Вотъ какіе любители книгъ есть на святой Руси!

По опыту книгоноши, скажу, что торговля божественными картинками и книгами тогда можетъ быть порядочная, или даже хорошая, когда книгоноша имѣетъ большой выборъ товара, т. е. какъ книги, такъ и картинки были бы разнообразнаго содержанія.

Кромѣ того, простонародіе любитъ книги «*въ лицахъ*», т. е. съ картинами, поэтому вмѣсто маленькихъ трехкопѣечныхъ книжекъ гораздо выгоднѣе и полезнѣе имѣть книжки цѣною отъ десяти копѣекъ и до рубля. Напримѣръ, большой спросъ бываетъ на слѣдующія книги: «Житія и чудеса угодниковъ Божіихъ», «Николая чудотворца», «Цѣлителя Пантелеймона», «Евстафія Плакиды», «Алексѣя—человѣка Божія», «Георгія побѣдоносца», «Маріи Египетской», «Матери Софіи и трехъ ея дщерей», «Загробная жизнь», «Плачь Бого-

родицы», «Мытарства Өеодоры» и мног. друг. Эти книги почти всѣ съ картинками, почему и покупаются болѣе охотно.

Въ Нижегородской губерніи книжная торговля плохая, потому что здѣсь живутъ большей частью раскольники. Въ этой губерніи если и можно торговать, то единственно лишь старинными книгами, «отеческими», какъ выражаются старовѣры, да кромѣ того, если бы можно было имѣть книги: «Сонъ Богородицы», то на этихъ книгахъ въ Нижегородской губерніи можно было бы скоро разбогатѣть. Объ этомъ мнѣ говорила въ Нижнемъ, въ Кунавинѣ, моя квартирная хозяйка, старовѣрка.

— Какъ же ты ходишь и не боишься?

— А кого мнѣ бояться!

— Да, помилуй Богъ, ограбятъ или убьютъ! Вѣдь, всякій народъ ходитъ!

— Это, матушка, воля Божія! Если Господь попуститъ, такъ и дома, на печкѣ, убьютъ!

— Это правда! Но береженаго Богъ и Матушка Пресвятая Богородица бережетъ! На-ко, вотъ, я тебѣ дамъ книжицу: ее хорошо при себѣ имѣть: никто нигдѣ не обидитъ, въ огнѣ не сгоришь, въ водѣ не потонешь!

— Какая это книжка?

— Сонъ Богородицы! Эта книжка хорошая, душеспасительная... Вотъ этими книжками бы торговать-то, такъ хорошо было бы! На, возьми, береги, счастливъ будешь!

Изъ уваженія къ хозяйкѣ, я взялъ книжку и положилъ въ числѣ прочихъ книгъ, которая какъ-то разъ случайно попалась на глаза старовѣру; хотя я

ему и не продавалъ, но онъ самъ охотно предложилъ мнѣ за нее пять рублей...

Былъ я и на Уралѣ, среди уральскихъ казаковъ. Между Оренбургскими и Уральскими казаками хотя тоже много старообрядцевъ, но они охотно покупаютъ божественныя книжки и картинки, а нѣкоторые даже и съ большою жадностью. Имѣя большой и хорошій выборъ книгъ, случалось заходить къ богатымъ казакамъ, и когда разложишь всѣ книги и картинки, то казакъ приходитъ въ восхищеніе и готовъ всѣ книги проглотить разомъ.

— Ну, что, господинъ станичникъ, облюбовалъ для себя какую нибудь книгу, или нѣтъ?

Казакъ любитъ, когда его называешь господиномъ станичникомъ.

— Какъ не облюбовалъ? Облюбовалъ! Да у тебя, пожалуй, хоть всѣ книги бери! Онѣ всѣ хорошія! Гдѣ ихъ ты только и отрылъ! У меня почти ни одной такой книги нѣтъ! Да у насъ и въ Уральскѣ такія книги трудно найти!..

— Какъ гдѣ отрылъ? Я ихъ выписываю изъ Москвы, Петербурга и Кіева!

— Тамъ вѣдь эти книги, навѣрно, дешевы!

— Даромъ и тамъ не даютъ! А знаешь, русская пословица что говоритъ: за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ... Безъ хлѣба не обѣдъ, да и даромъ работать охотниковъ мало найдешь!.. Такъ и это дѣло! Я деньги сразу кучкой за книги отсылаю, да за пересылку плачу, да бракъ бываетъ, а потомъ хожу, да копѣечками выручаю, да притомъ терпишь холодъ, да нерѣдко бываетъ, что хотя и съ деньгами,

а голодный сидишь, въ дорогѣ всего натерпишься—и у моря, да безъ воды насидишься!

— Это все правда, голубчикъ! Ну, спасибо, что зашелъ! Теперь мнѣ этихъ книгъ надолго хватитъ! А когда, быть можетъ, еще въ нашей станицѣ будешь, такъ, пожалуйста, заходи ко мнѣ и приноси хорошихъ книгъ! Мы любимъ читать хорошія божественныя книги!

— Божественныхъ книгъ плохихъ и не бываетъ!

— Правда твоя! Но я хотѣлъ сказать—полное описаніе про какихъ либо угодниковъ Божіихъ, а не вкратцѣ... Вѣдь вотъ, напримѣръ, я у тебя купилъ книгу Алексѣя—человѣка Божія, или вотъ Евстафій Плакида... Въ нихъ почти по триста страницъ, значитъ, тутъ ужъ полное описаніе и денегъ не жалко отдать, и есть что почитать... А то есть такія же книжки, и въ нихъ всего только по тридцать двѣ страницы...

— Такъ вѣдь тѣ и стоютъ только по три копѣйки, и даже пять копѣекъ пара, онѣ есть и у меня...

— Нѣтъ, тѣхъ мнѣ не надо!

Торговля божественными книгами и картинами бойко идетъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: Самарской, Уфимской, Пермской, Вятской, Оренбургской и частью Саратовской. Въ этихъ губерніяхъ можно торговать во всякое время года, и въ особенности осенью, послѣ уборки хлѣба. Если случится книгоношѣ быть въ церкви на паперти, съ товаромъ, то по окончаніи обѣдни каждый домохозяинъ старается пригласить его къ себѣ, чтобы побесѣдовать о святыхъ мѣстахъ и почитать божественныя книги, и подобныя бесѣды книгоношѣ

приходится имѣть почти въ каждомъ селѣ—въ упомянутыхъ губерніяхъ.

Проходя изъ сѣверныхъ губерній въ южныя, какого только народа не встрѣтитъ книгоноша: ему приходится побывать и у татаръ, и вотяковъ, и чувашей, и черемисовъ и съ каждымъ изъ нихъ приходится имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ—ночлегъ.

Что городъ, то норовъ! Русскіе люди, живя среди инородцевъ, перенимаютъ у нихъ покрой одежды, такъ-что ихъ трудно бываетъ узнать, что они русскіе.

Напримѣръ, въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ русскій мужикъ, подобно чувашамъ, лѣтомъ носитъ длинныя, бѣлыя, ниже колѣнъ, холщевыя рубахи и бѣлые штаны или портки. На груди, поверхъ рубахи, виситъ большой мѣдный крестъ. Ноги босыя, идетъ онъ черный, грязный, потому-что загорѣлъ отъ солнца да и въ банѣ онъ никогда не моется, потому-что бань у нихъ нѣтъ. По внѣшнему виду онъ совсѣмъ выглядитъ чувашемъ: когда говоришь съ нимъ, тогда только узнаешь, что онъ русскій. Женщины тоже одѣваются въ длинныя бѣлыя рубахи, подпоясываются широкимъ шерстянымъ поясомъ, босикомъ, также на виду виситъ мѣдный крестъ, а на шеѣ въ пять или шесть рядовъ—стеклянныя бусы. Въ этихъ же самыхъ костюмахъ, и босикомъ, ходятъ они въ церковь, гдѣ обращаютъ на себя вниманіе.

Приходилось мнѣ проходить и Рязанской губерніей. Народъ въ этой губерніи живетъ грязно и бѣдно.

Бань у нихъ не существуетъ, многіе и не знаютъ, какъ строятся бани и какъ ее натопить. Они парятся въ тѣхъ же самыхъ русскихъ печахъ, въ которыхъ пекутъ хлѣбы. Это мнѣ неоднократно приходилось на

ночлегахъ видѣть самому и получать предложеніе, не угодно ли мнѣ попариться.

Это было такъ:

Остановившись на ночлегъ, я сидѣлъ за столомъ и читалъ про себя книжку. Вдругъ послышался глухой плачъ ребенка и какъ-будто кто-то гдѣ-то парится. Я пересталъ читать. Прислушиваюсь, но понять не могу. Слышится плачъ ребенка, а гдѣ плачетъ онъ— не знаю, и притомъ слышу, что по-прежнему гдѣ-то кто-то парится. Тутъ-же, около стола, сидѣла молодая хозяйка; она, замѣтивъ, что я прислушиваюсь, спросила у меня:

— Что ты, родимый, прислушиваешься?

— Да я прислушиваюсь, что будто гдѣ-то ребенокъ плачетъ, да и кто-то гдѣ-то парится.

— А матушка ребенка паритъ: захворалъ что-то...

— Гдѣ-же она его паритъ?

— Какъ гдѣ? Въ печкѣ!

— Въ какой печкѣ?

— Да вонъ за перегородкой, у насъ одна русская печка, въ которой стряпаемъ.

— Матрена! На-ко, возьми ребенка, да окати его теплой водой!—закричала изъ печки мать дочери.

Матрена взяла ребенка, обмыла его заранѣе приготовленной теплой водой, спеленала и положила его въ «зыбку». А мать снова прикрыла заслонкою «цѣло» печки, и сама продолжала париться.

Въ это время въ избу вошелъ хозяинъ съ сыномъ.

Хозяйка, выпарившись, вылѣзла изъ печки и красная, какъ ракъ, прямо нагая, никого не стѣсняясь, ни своихъ, ни постороннихъ, взяла ведро съ водой и побѣжала во дворъ, окатилась возлѣ крыльца, снова

вошла въ избу и сѣла у порога на лавку, сперва немного отдохнула, а потомъ стала одѣваться. Послѣ хозяйки полѣзъ въ печку хозяинъ, а послѣ хозяина—сынъ, а потомъ уже и дочь. Всѣ они поочередно раздѣвались въ избѣ, потомъ влѣзали въ печь, парились тамъ, а по выходѣ изъ печки брали ведро съ водой и выходили окачиваться на улицу, и сперва нагіе, немного отдыхали, а потомъ уже, не торопясь, одѣвались. Хотя и непріятно было мнѣ смотрѣть на эту идиллію, но она меня интересовала, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда и чѣмъ все это кончится.

— Что, Матрена, есть еще паръ-то?—спросилъ отецъ у дочери, когда она вылѣзла изъ печки.

— Есть, тятенька, да уже плохъ! А на что тебѣ, тятя? Вѣдь, уже всѣ выпарились!..

— Да вотъ съ дороги-то, быть можетъ, почтенный-то не попарится-ли?

— Для одного-то хватитъ выпариться!

— Не хочешь-ли, почтенный, попариться?

— Нѣтъ, спасибо! Я въ городскихъ и домашнихъ баняхъ не парюсь, а только моюсь. Да я не только-что мыться или париться въ печахъ, но въ жизни въ первый разъ вижу это! Какъ-же вы тамъ паритесь? Вѣдь тамъ можно объ печку обжечься!..

— Нѣтъ, нисколько! Бабы наши знаютъ, какъ надо истопить!

— Я не понимаю, какъ-же можно въ печкѣ париться? Если лежа, такъ я думаю, можно бока обжечь! Сидѣть, навѣрно, тамъ невозможно, да, наконецъ, когда «цѣло» закроютъ заслонкой, такъ навѣрно тамъ душно.

— Нисколько тамъ не душно и ничто не жжетъ!

На «подъ» солома подстилается, а париться, какъ хочешь, такъ и парься, хочешь сидя, хочешь лежа: у насъ для этого и печки большія дѣлаются, длиною отъ«цѣла» она имѣетъ одну сажень, до полутора аршина вышины: не только одному, по двое паримся! Мы такъ привыкли къ нашимъ банямъ, что ваши бани намъ ни почемъ, а наши бабы не съ умѣютъ и истопить вашихъ бань!..

Въ Костромской губерніи, въ селахъ и деревняхъ хотя и есть бани, но постороннему человѣку въ нихъ мыться тоже нельзя. Бани тамъ строятъ общія, т.-е. пять или десять домохозяевъ строятъ одну большую баню, и поочередно ее топятъ, и всѣ семейства, которыя участвовали въ постройкѣ бани, парятся и моются за однимъ паромъ: въ баню идутъ всѣ вмѣстѣ, безъ различія пола и возраста—старый, малый, мужчины, женщины дѣвицы, парни...

— Да, конечно, кто какъ привыкъ, тотъ такъ и живетъ! Всякому свое нравится! Вѣдь у насъ кругомъ бѣднота, лѣсовъ нѣтъ, купить дорого да и не на что, такъ ужъ и бьемся кое-какъ!..

— А въ Пензенской губерніи еще бѣднѣе вашего живутъ. Тамъ на Святую недѣлю куличи изъ черной муки пекутъ! А если мужикъ поѣдетъ въ городъ на базаръ и купитъ для семейства одинъ, много два фунта ситнаго хлѣба или крендель, его встрѣчаютъ съ радостію, и онъ свой гостинецъ дѣлитъ какъ манну небесную!..

— А что, почтенный, ходя по матушкѣ Руси, поди много увидишь кой-чего?

— Въ дорогѣ всего встрѣтишь! Не столько хорошаго, сколько худого! Гдѣ живутъ хорошо, а гдѣ

плохо! А что, хозяинъ, книгъ или картинокъ божественныхъ не купишь-ли?

— Э, родимый, читать намъ некогда, а картинъ держать негдѣ! У насъ есть вонъ одна икона, и ту не видать! Вѣдь видишь, живемъ по-черному, такъ гдѣ-же тутъ картины повѣсишь! Вѣдь не даромъ говорится, что у богатаго по стѣнамъ картины, а у бѣднаго—паутины!..

Странствуя съ божественными книжками и картинками по Сибирскому тракту, въ Пермской губерніи, завернулъ я разъ на постоялый дворъ по приглашенію одного почтеннаго старика. Это былъ содержатель постоялаго двора. Онъ имѣетъ четверыхъ дѣтей, младшему двадцать шесть, а старшему около пятидесяти лѣтъ, и всѣ сыновья женаты, и у всѣхъ дѣти, такъ-что все семейство состоитъ изъ тридцати одного человѣка.

Ночью, когда мы съ хозяиномъ сидѣли за книгами и вели душеспасительные разговоры, въѣхалъ во дворъ обозъ съ товаромъ, который шелъ изъ Казани на Ирбитскую ярмарку. Лишь только обозъ въѣхалъ во дворъ, старшій сынъ пришелъ сказать отцу, что къ нимъ пришелъ обозъ болѣе чѣмъ на сотнѣ лошадяхъ и двѣнадцать человѣкъ ломовщиковъ.

— Принять или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Знакомые или нѣтъ?—спросилъ отецъ,

— Знакомые!

— Ну, такъ какъ-же не принять! Вели скорѣе ставить самовары, и готовить ужинъ! Навѣрно будутъ ужинать! Передъ ужиномъ дайте по стакану водки! Возьми ключи отъ овса, и не забудь, кому чего и сколько отпустите, а къ разсчету я выйду самъ!..

Съ каждаго ломового извощика, сколько бы у него ни было лошадей, за постой, за чай съ молокомъ, ситникомъ или кренделями и обѣдъ, состоящій изъ шести и болѣе кушаній, въ числѣ которыхъ—русскія щи съ говядиной, жареная телятина, гусь, поросенокъ, компотъ, и при этомъ большой стаканъ водки, — за все это берется тридцать пять копѣекъ, и во всякомъ случаѣ, не дороже сорока копѣекъ... Вотъ гдѣ, по пословицѣ, текутъ молочныя рѣки съ кисельными берегами!.. А за овесъ и сѣно берутъ нѣсколькими копѣйками на пудъ дороже противъ рыночныхъ цѣнъ.

Съ прохожихъ, книгоношъ, странниковъ и богомольцевъ за этотъ-же самый обѣдъ взимается только по 25 копѣекъ съ человѣка.

— Почему съ извощиковъ дороже берете?

— А вотъ почему! Они ѣдятъ въ сутки только одинъ разъ, именно, когда кормятъ лошадей и сами отдыхаютъ! И какъ начнутъ ѣсть, такъ имъ только подавай... И изъ-за стола, во время ѣды, рѣдкій изъ нихъ кто не сходитъ «посмотрѣть лошадей», потомъ вернется и снова принимается ѣсть. Сперва одинъ сходитъ, придетъ, и посылаетъ Семена или Ивана «посмотрѣть лошадей», и такъ всѣ поочереди выходятъ изъ-за стола, приходятъ и снова принимаются за ѣду... Вотъ почему мы съ нихъ беремъ дороже: каждый ломовикъ съѣстъ вдвое или втрое больше, чѣмъ книгоноша или богомолецъ: этотъ народъ любитъ больше пить чай.

По уходѣ своемъ, они никакой грязи не оставляютъ, а извощики оставляютъ навозъ, который надо убрать, для чего мы держимъ нѣсколько рабочихъ. У меня дворъ—восемьдесять саженъ длины и пятьдесятъ ши-

рины, и весь огороженъ крѣпкимъ заборомъ, а чтобы въ ненастную погоду товаръ не мочило дождемъ, надъ всѣмъ дворомъ тесовый навѣсъ, и самый дворъ устланъ крупнымъ горбылемъ... Все это сдѣлано для удобства извозопромышленниковъ.

— Вѣроятно, чѣмъ нибудь еще занимаетесь, кромѣ содержанія постоялаго двора?

— Какъ же! Посѣвомъ хлѣба и работаемъ на заводахъ! Изъ одного завода въ другой возимъ желѣзо и руду!..

— Много зарабатываете отъ провоза.

— У меня сейчасъ руду возятъ два сына на четырехъ лошадяхъ, и въ недѣлю зарабатываютъ двадцать пять рублей.

— А много-ли у васъ лошадей?

— Да здѣсь у меня не много: держу только для домашней работы семь лошадей, да до десятка коровъ, штукъ полсотни овецъ, да до пятка свиней, а вся остальная скотина—на хуторѣ!..

— Далеко вашъ хуторъ?

— Верстъ двадцать пять отъ нашего села!

— Кто-же тамъ у васъ живетъ?

— Среднiй сынъ съ рабочими круглый годъ тамъ живетъ, а лѣтомъ и самъ наѣзжаю!

— Много рабочихъ имѣете?

— По зимамъ держу человѣкъ десять рабочихъ — для молотьбы хлѣба и ухода за лошадьми, да человѣкъ пять работницъ—для ухода за скотиной и птицами...

— Много скотины тамъ?

— Лошадей штукъ пятьдесятъ есть, коровъ штукъ

сорокъ, барановъ и овецъ головъ полтораста, утокъ гусей и куръ наберется штукъ двѣсти!

— Много хлѣба сѣете?

— Десятинъ сто пшеницы сѣю, овса десятинъ тридцать, ржи да льну десятинъ около семидесяти, такъ-что десятинъ двѣсти только засѣваемъ, да кромѣ того садимъ картошки, огурцовъ, свеклы, моркови—въ общемъ огородной овощи десятины три.

— Однако, на хуторѣ у васъ большое хозяйство!

— Въ лѣтнее время хлопотъ не мало: однихъ работниковъ и работницъ бываетъ около ста человѣкъ, за всѣми надо смотрѣть, всѣмъ надо работу дать.

Вотъ тебѣ и мужикъ! подумалъ я. Это—настоящій помѣщикъ. За что ни возьмись, у него все свое, некупленое.

На другой день, утромъ, вставъ отъ сна и помолившись Богу, онъ вышелъ на дворъ посмотрѣть за порядками: спросилъ у рабочихъ, давали-ли они лошадямъ и коровамъ сѣна и овса, а работницы кормили-ли птицу?

Осмотрѣвъ все хозяйство, онъ вернулся домой, гдѣ ужъ поданъ былъ самоваръ. Тутъ-же на столѣ въ молочникѣ стояли кипяченыя сливки. Къ чаю было подано домашняго приготовленія разное варенье — малиновое, черной смородины. А старшая сноха успѣла уже испечь свѣжихъ ватрушекъ и разныхъ сдобныхъ завитушекъ и кренделей.

Въ особенности меня заинтересовали снохи и многочисленныя дѣти своимъ почтительнымъ отношеніемъ къ главѣ семейства, къ отцу и къ матери. Каждая сноха, начиная съ утра, когда принималась за какую-нибудь работу, подходила къ матери и просила у нея

благословенія. Одна изъ нихъ взяла въ руки подойникъ, чтобы идти доить коровъ, подошла къ матери и сказала:

— Матушка, благослови! Я иду доить коровъ!

— Иди съ Богомъ!—отвѣчала мать.

А сыновья, передъ началомъ дѣла, каждый просилъ благословенія у отца. Когда были окончены всѣ утреннія домашнія работы, то по приглашенію матери все семейство сѣло за столъ пить чай. Пока старшіе сидѣли за столомъ, ребятишки ожидали, и были такъ пріучены, что они какъ будто и не замѣчали, что старшіе сидятъ за ѣдой. Когда старшіе вышли изъ-за стола, тогда только, по приглашенію старшей снохи, всѣ дѣти, тихо и чинно, усѣлись за столъ.

Много книжнаго товара пришлось мнѣ оставить на постояломъ дворѣ, потому-что почтенный старикъ и домохозяинъ, согласно евангельской истинѣ: «не хлѣбомъ единымъ живъ бываетъ человѣкъ», любилъ читать божественныя книги, а передній уголъ украшать божественными картинками. Вообще сибирскимъ трактомъ я торговалъ довольно хорошо.

Когда-же книгоноша направитъ свой путь къ Москвѣ или Кіеву, тогда товаръ ему уже не нуженъ: безполезно станешь таскать его, напрасно трудъ свой терять, лавочку хоть закрывай! Чѣмъ ближе къ Кіеву или Москвѣ, а въ особенности въ Пензенской, Тамбовской, Рязанской и Тульской губерніяхъ, тамъ какъ будто и жизнь другая. Народъ живетъ какой-то оголтѣлый, одѣваются бѣдно, въ избахъ неописуемая грязь. Отсюда многіе переселились въ Самарскую, Уфимскую и Пермскую губерніи, а нѣкоторые пришли сюда на

заработки. Домохозяева-пермяки неохотно впускаютъ ихъ къ себѣ даже на квартиру.

— Откуда ты?—спрашиваетъ домохозяинъ приходящаго нанимать квартиру.

— Пензенскіе... или тульскіе, или рязанскіе!—отвѣчаетъ наниматель.

— О! Избави Богъ! Свинарей-то! Ни за какія деньги не надо!

— Какія, батюшка, свиньи! Мы на одной лошади пріѣхали, у насъ и коровъ-то нѣтъ!

— Это все равно! Изъ моей избы не свинарникъ, такъ стойло устроите!

— Какое тутъ стойло! Теперь не зима, а лѣто, лошадь можно на дворѣ или на лугу поставить, ничего намъ не надо, ни свинарника, ни стойла, намъ квартира только нужна!

— Да ты откуда?

— Мы—тульскіе, батюшка!

— Ну, вотъ! Я сказалъ, что ни за какія деньги не впущу!

— Отчего же, батюшка-хозяинъ?

— А потому-что всѣ ваши тульскіе, пензенскіе и рязанскіе живутъ вмѣстѣ со свиньями — и спятъ и ѣдятъ съ ними!... Приди въ вашу избу, въ особенности зимою: не только-что переночевать, но и часу не высидишь, потому-что въ одномъ углу свинья съ поросятами хрюкаетъ, въ другомъ—теленокъ лежитъ, а въ третьемъ углу, подъ лавкой, куры сидятъ, а къ стѣнѣ прикоснуться нельзя — на ней сажа, какъ у насъ въ трубѣ!..

— Да, это все правда, родимый! Какъ-же быть-то?

Лѣсовъ у насъ нѣтъ! Скотину держать негдѣ! А къ печкѣ трубы нѣтъ: бѣдность обуяла.

— Это не оттого! Вы привыкли такъ жить — по черному: дымъ отъ печки, вмѣсто трубы, валитъ въ избу, а изъ избы въ дверь, которую отворяютъ во время топки!.. И это все не отъ бѣдности, и не оттого, что лѣсовъ нѣтъ. Посмотри на малоросовъ! У нихъ тоже лѣсовъ нѣтъ, а въ избу пріятно войти: выбѣлена, выштукатурена! И скотинѣ находятъ-же мѣсто, и въ избу не впускаютъ!

— Все это правда, родимый! Чего подѣлаешь! Прадѣды наши такъ жили и намъ велѣли!

— Мало-ли худого прадѣды что дѣлали! Надо примѣръ брать съ хорошаго!.. Ты вотъ говоришь, что бѣдность обуяла! Къ печкѣ не на что трубу поставить! А я тебѣ скажу, что это неправда! Въ одинъ годъ могъ бы трубу справить!

— Какъ такъ?

— Масляницу справляешь?

— Какъ же! Бабы блины пекутъ, веселимся; водку покупаемъ!

— Небось, не двѣ или три бутылки, а цѣлое ведро?

— Знамо дѣло, родимый, чего тремя бутылками дѣлать! Мало!

— Вотъ то-то и есть! Вотъ тебѣ и труба къ избѣ, которую ты пропиваешь!

— Это все правда, родимый! Спасибо за совѣтъ! А ночевать-то все-таки впусти!

— Ну, что съ тобой подѣлаешь! Иди!..

— Спасибо, родимый!..

Странствуя съ божественными книжками и картинками по Сибирскому тракту въ Пермской губерніи,

путевыя впечатлѣнія получаешь вообще пріятныя — здѣсь непочатый край, цѣлина. Постоянно любуешься вѣчно зелеными хвойными лѣсами и дышешь свѣжимъ смолистымъ воздухомъ. Но бываютъ и такія минуты, что вы въ страхѣ и трепетѣ среди громадныхъ дремучихъ лѣсовъ отдаете себя въ руки Царя Милосердія. Жутко становится!

Во время пути вы встрѣчаете разныхъ людей.

Есть такіе, которые рады вашему приходу. «Книжка пришла!» И когда остановитесь ночевать, васъ не знаютъ куда положить и чѣмъ напоить и накормить, а при уходѣ вашемъ за грѣхъ считаютъ взять съ васъ за ночлегъ. Но есть и такіе люди, у которыхъ и за деньги не найдете куска хлѣба, не говоря уже о ночлегѣ. Подходите къ одной избѣ, къ другой, и нигдѣ васъ ночевать не впускаютъ. Наконецъ, вы находите откровеннаго человѣка, который говоритъ вамъ:

— Вотъ что, братецъ! Здѣсь лучше и не просись ни у кого: здѣсь живутъ кулугуры (мѣстное названіе раскольниковъ), ни одинъ не впуститъ ночевать. Лучше иди далѣе, въ другую деревню.

— А далеко до слѣдующей деревни?

— Да верстъ семь будетъ.

Какъ же быть? Вѣдь и солнышко садится, да и дождикъ, должно быть, скоро будетъ.

Дѣлать нечего! Надо идти! Только—что вы отошли версты три-четыре, откуда ни возьмись, надвигается громадная черная туча. Подулъ сильный вѣтеръ. Заблистала молнія, загремѣлъ громъ — и вы одинъ одинешенекъ «противъ неба на землѣ», въ громадномъ лѣсу, которому, кажется, нѣтъ конца края, стоите около дерева, отъ страха не помня себя и, забывъ

все земное, творите молитву: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Дождь льетъ какъ изъ ведра, темнѣетъ, а вы стоите, прижавшись къ какому-нибудь вѣковому сибирскому кедру или пихтѣ въ ожиданіи, скоро-ли пройдетъ дождь, и стараясь предохранить отъ него вашу кожаную сумку съ книжками и картинками.

Проходя Сибирскимъ трактомъ черезъ Уралъ и поднявшись на самый хребетъ Уральскихъ горъ, первымъ дѣломъ замѣчаешь два деревянныхъ столба, которые отстоятъ другъ отъ друга сажень на пять. На первомъ изъ нихъ большими печатными буквами надпись: «Европа», а на другомъ — «Азія». Надписи эти означаютъ границу между Европейской и Азіатской Россіей. Между этими двумя столбами поставленъ громадный чугунный памятникъ въ три сажени вышиною, съ куполообразною вершиною, на которой утвержденъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями, осѣняющими владѣнія Русскаго Царя.

Каково же было мое удивленіе, когда здѣсь, разсматривая памятникъ, я встрѣтилъ книгоношу отъ «Общества распространенія Священнаго Писанія въ Россіи». Я полагаю, что Стэнли, отыскавшій Ливингстона въ дебряхъ Африки, не былъ такъ радъ встрѣчѣ съ нимъ, какъ я обрадовался встрѣчѣ со своимъ коллегой. Что онъ тоже книгоноша, это я узналъ сразу по бляхѣ.

— Здорово, коллега!

— А! И вы тоже книгоноша!?

— Да! Рыбакъ рыбака видитъ издалека!.

— Куда пробираетесь?

— Въ Москву иду, а потомъ въ Кіевъ посмотрѣть кой-какого товару! А вы куда?

— Я—въ Восточную Сибирь!..

— Бывали тамъ? Или въ первый разъ?

— Бывалъ! По Становому хребту проходилъ... По узенькимъ горнымъ тропинкамъ! Разъ даже чуть въ пропасть не свалился!.. А вы давно торгуете?

— Да почитай что всю святую Русь исколесилъ: тысячъ пятьдесятъ верстъ пѣшкомъ исходилъ!..

— Охо, хо! Порядочно!..

— Да! Видали виды!..

— И вотъ теперь, напримѣръ, мы стоимъ съ вами на замѣчательномъ географическомъ пунктѣ.

— Почему?

— Сдѣлайте нѣсколько шаговъ—и вы тотчасъ-же очутитесь въ Европѣ, точно такъ-же какъ я—въ Азіи!..

— Да! Изъ Европы въ Азію рукой подать!..

Мы стали разсматривать памятникъ. На той сторонѣ его, которая обращена къ Сибирскому тракту, надпись: «Въ память проѣзда Великаго Князя Владиміра Александровича, 1868 года 3-го августа». А на противоположной сторонѣ: «Отъ золотопромышленниковъ Сѣвернаго Урала». На остальныхъ двухъ сторонахъ надписи, съ одной —«Европа», а съ другой—«Азія».

Противъ памятника, черезъ дорогу, и по настоящее время стоитъ заброшенная нежилая изба.

— Вонъ видите эту избу?

— Вижу! Чѣмъ она замѣчательна?

— Она имѣетъ печальную исторію!

— Какую?

— Когда сооруженъ былъ памятникъ, то въ это

же время выстроена была и эта изба—для караульщика. Но вотъ уже пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ караулъ сняли, и ни одинъ караульщикъ жить сюда нейдетъ!..

— Это отчего?

— А потому-что въ этой караулкѣ уже троихъ караульщиковъ убили!..

— Что за проклятое мѣсто!

— Да! Никто не рѣшается! Боятся, что «варнаки» убьютъ!..

Варнаками въ Сибири называютъ бродягъ.

— Что же ихъ прельщаетъ здѣсь?

— Кладъ зарытъ, подъ памятникомъ-то!

— Вотъ какъ! Кто его зарывалъ?

— А видите-ли, для болѣе прочнаго устоя тяжеловѣснаго чугуннаго памятника, въ землѣ, глубиною на три аршина, выложенъ каменный фундаментъ, а на него уже положено нѣсколько громадныхъ чугунныхъ плитъ, сверхъ коихъ и поставленъ самый памятникъ. Когда, при закладкѣ фундамента, духовенство, при громадномъ стеченіи народа, совершало молебствіе, то мѣстные золотопромышленники и дворяне бросали подъ плиты много золота и серебра... Злоумышленники, желая воспользоваться этимъ золотомъ и серебромъ, Убивали караульщиковъ и дѣлали подкопъ подъ памятникъ, но все-таки достать золота и серебра не могли, да и нѣтъ возможности его достать... Подкопъ же и по сіе время замѣтенъ...

— Гдѣ онъ?

— Вотъ видите—заваленъ большими каменьями!..

Въ первые годы, когда поставленъ былъ памятникъ, золотопромышленники и заводчики очень часто ѣзди-

ли сюда съ самоварами, чтобы попить чайку и полюбоваться отсюда на Европу и на Азію.

Видъ съ Уральскаго хребта, въ этомъ мѣстѣ, дѣйствительно, прекрасенъ. Когда смотришь по направленію города Кунгура, видишь гору Благодать и часовню на ней, поставленную въ память вогула Чумпина, убитаго вогулами за то, что онъ показалъ эту гору, богатую желѣзомъ, русскимъ... А когда смотришь по направленію къ Верхотурью, то въ семи верстахъ, «среди долины ровныя», извивается рѣка Баранча, а на ней село—того-же названія. Когда-же будете смотрѣть вправо и влѣво отъ Сибирскаго тракта, то передъ вами разстилается зеленое царство, которое шумитъ и волнуется, точно въ сильную бурю...

— Тамъ вогула убили, а здѣсь троихъ караульщиковъ...

— Да! И все изъ-за золота и серебра!..

— Какова ваша торговля въ Сибирскихъ тайгахъ?

— Ничего, хороша! Сибиряки рады, когда придешь!

— Еще-бы! На всю Сибирь два-три книжныхъ магазина!.. Извольте-ка проѣхать тысячу верстъ, чтобы купить книгу!.. Книгоноша для обширныхъ пространствъ Сибири—незамѣнимый человѣкъ... Это просвѣтитель Сибири!.. Благодаря намъ, книга попадаетъ въ такія дебри и захолустья, гдѣ о ней еще имѣютъ весьма смутныя понятія... И что странно, богатые люди въ Сибири очень часто обходятся безъ книгъ: негдѣ ихъ купить, книга на глаза не подвертывается! Книга тамъ—рѣдкій товаръ...

— Важно для сбыта, когда книга не лежитъ на полкѣ магазина, а сама бѣжитъ навстрѣчу покупателю...

— Ну, а вы какъ торгуете?

— Смотря—гдѣ. Въ центрѣ Россіи плохо, тамъ народъ бѣднѣе, а на окраинахъ — ничего! Мои покупатели, преимущественно, мужики, у меня и подобраны житія святыхъ и разныя душеспасительныя книжки. Я хожу по базарамъ, селамъ и деревнямъ!.. Ну, а у мужика все благосостояніе зиждется на урожаѣ. Хорошъ урожай, и у мужика есть деньги, тогда онъ книжку покупаетъ, а плохъ урожай, тогда ему не до книжки!...

— А мнѣ доступъ открытъ повсюду! Я проберусь и на пріиски, и въ солдатскія казармы, и въ желѣзнодорожные вагоны!...

— Да! Потому что вы—отъ общества распространенія священнаго писанія...

— А васъ развѣ притѣсняютъ?

— Нѣтъ! У меня всѣ документы на право торговли въ разносъ книгами на лицо, но все-таки бываютъ иногда недоразумѣнія съ мѣстными урядниками. Ѣду я разъ на Волгѣ, на пароходѣ, на которомъ ѣхали земскій начальникъ и прокуроръ N. суда. Разложилъ товаръ возлѣ себя, на скамейкѣ, и ожидаю покупателя. Вдругъ подходитъ земскій начальникъ, посмотрѣлъ на товаръ и спросилъ: «у васъ есть разрѣшеніе отъ губернатора»? Я сказалъ, что есть, и сталъ его доставать. Въ это время къ нему подходитъ прокуроръ N. суда и, взявъ его подъ руку, сказалъ: оставьте его, развѣ не видите, какими онъ книгами торгуетъ. Такимъ людямъ субсидію-бы слѣдовало давать.

Да! Вотъ какой былъ случай со мной!..

Мнѣ пріятно было слышать отъ такого просвѣщен-

наго человѣка отзывъ о моемъ дѣлѣ и что я, разнося божественныя книжки и картинки по селамъ, деревнямъ, весямъ и захолустьямъ нашего обширнаго отечества, приношу «сиволапому мужику» пользу... Ну, прощай, коллега!

— Мнѣ путь въ Азію!..

— А мнѣ въ Европу!..

— Въ просвѣщенную Европу—въ царство типографскаго станка!..

— Да! Прощай!..

Приходилось мнѣ съ моею ношею, т. е. съ божественными книжками и картинками, проходить по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ. Какъ извѣстно, эта дорога прошла по Самарской, Уфимской и Пермской губерніямъ. Мѣстныхъ жителей на этой желѣзнодорожной линіи мало, а все больше пришельцы.

Товаръ я предлагалъ будочникамъ, кондукторамъ мастерамъ—въ ремонтныхъ мастерскихъ, вообще лицамъ, служащимъ на желѣзной дорогѣ. Войдя въ сторожевую будку, или въ ремонтную казарму, сейчасъ-же увидишь, что тутъ живутъ не самарцы, уфимцы или пермяки, а какіе нибудь рязанцы или вятскіе, или-же симбирскіе жители; они привыкли у себя на родинѣ жить грязно—точно такъ же они живутъ и въ казенныхъ помѣщеніяхъ. Въ будкѣ, гдѣ живетъ пермякъ, или самарецъ, полы чистые, вездѣ чистота и опрятность; передній уголъ, кромѣ св. иконъ, всегда украшенъ божественными картинками. Въ будкѣ-же пензенскаго или рязанскаго сторожа невообразимая грязь: полы грязные, нары тоже—никогда не моютъ; а если и моютъ,—только тогда, когда ждутъ проѣзда

начальника желѣзнодорожнаго участка, или какого-нибудь ревизора пути.

Желѣзнодорожный будочникъ живетъ въ глуши, рѣдко имѣетъ общеніе съ людьми, хотя вся жизнь его проходитъ въ заботахъ о сохраненіи жизни людей. Вотъ къ нему-то я и пришелъ со своимъ товаромъ, полагая, что онъ встрѣтитъ его, какъ манну небесную.

— Не надо-ли божественныхъ книгъ и картинъ?

— Нѣтъ, родимый, читать некогда, да мы и не грамотны!

— Ну, картинъ купите, коли читать не умѣете!

— Да вѣдь я говорю тебѣ, родимый, что читать не умѣемъ!

— Картины не для чтенія, а для украшенія передняго угла люди покупаютъ!

Нѣтъ, родимый, не надо! Да и къ чему намъ чужой уголъ украшать! Живемъ и такъ!

— А вы, должно быть, рязанскіе?

— Да, родимый, рязанскіе! А почему ты узналъ, что мы рязанскіе?

— Э, милый, путешествуя по бѣлому свѣту, ко всѣму приглядишься, ко всякимъ обычаямъ жизни! Вѣдь вотъ какъ дома вы не привыкли жить въ чистотѣ и опрятности, такъ и въ казенныхъ домахъ вы дѣлаете хлѣвы. Книгъ потому не покупаете, что читать не умѣете, а картинъ божественныхъ — потому, что не имѣете духовно-нравственнаго чувства! Вѣдь вонъ купили какихъ-то мазаныхъ, и не знаю, что тамъ такое намалевано,—чертенятъ-ли, дьяволятъ-ли, вонъ какъ разинулъ пасть-то! А это что? Дьяволята

что-ли тащатъ его за косу-то? Въ адъ, вѣрно, потащили!.. Да еще въ передній уголъ прилѣпили!..

— А это про китайцевъ, когда война была!

— Вотъ на эту картину смотрѣть и читать умѣете. А для божественныхъ—такъ вы неграмотны, и чужой уголъ украшать не стоитъ.

— Такъ вѣдь на этой картинѣ есть на что посмотрѣть и надъ чѣмъ посмѣяться!..

Это была юмористическая картина московскаго изданія, изображавшая, какъ русскіе солдаты тащатъ за косу китайца въ адъ.

— Очень жаль. Вѣдь не все-же думать о мірской суетѣ! Надо-же подумать и о Богѣ. Посмотри-ка, когда войдешь въ будку, гдѣ передній уголъ украшенъ св. иконами и божественными картинами, такъ сердце радуется.

— Э, родимый, вѣдь мы живемъ въ лѣсу и молимся пню!..

— Вотъ это-то и плохо, что сами молитесь пню, а отъ пня и дѣти выходятъ такія-же!.. Есть дѣти-то?

— Два сына: одному шестнадцать, а другому семнадцать лѣтъ!

— Гдѣ-же они?

— Въ ремонтной мастерской работаютъ!

— Грамотные?

— Немного читаютъ!

— Ну, вотъ для нихъ купи молитву «Отче нашъ», отпечатанную крупными золотыми буквами!

— Э, родимый, я вѣкъ проживаю безъ этой молитвы!

— Какъ вѣкъ? Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестой десятокъ!

— Неужели ты до сихъ поръ этой молитвы не выучилъ?

— Нѣтъ! Да гдѣ-же я выучу ее, когда родители не выучили!

— Въ церкви бывалъ?

— Бывалъ!

— Слыхалъ тамъ эту молитву?

— Какъ же!

— Такъ неужели не могъ заучить эту молитву?

— Да по правдѣ сказать, какъ-то память была плохая!

— А пѣсенъ, поди-ка, много знаешь?

— Еще-бы! Чего другого не знаю, а этому кого хочешь поучу!

Хорошая торговля божественными книжками и картинками на желѣзнодорожной линіи бываетъ наканунѣ Рождественскихъ праздниковъ, св. Пасхи, а также и въ дни получки жалованья желѣзнодорожными служащими.

— Не надо-ли божественныхъ картинъ?

— Какъ не надо! Надо-бы, да купить не на что! Ты бы вотъ пришелъ въ нашъ праздникъ, такъ поторговалъ бы хорошо! Станція у насъ большая, и любителей книгъ и картинъ много найдется, и здѣсь народъ живетъ болѣе своими домами.

— Да вѣдь я не знаю, когда вы празднуете свой престольный праздникъ?

— Какъ не знаешь? У насъ великоторжественнымъ праздникомъ считается каждое двадцатое число: тогда всѣ съ деньгами... У желѣзнодорожныхъ какъ деньги есть, такъ и праздникъ!

— Вотъ какъ! Ну, я этого еще не зналъ, теперь

буду знать, и каждое двадцатое число буду стараться поспѣвать на контрольную станцію...

— А ты вотъ зайди въ дежурную кондукторскую, тамъ народу много, навѣрное, человѣкъ тридцать сейчасъ есть... Этотъ народъ всегда съ копѣйкой!..

— Почему-же они съ копѣйкой? Вѣдь и они тоже получаютъ жалованье одинъ разъ въ мѣсяцъ?

— Жалованье жалованьемъ, да у нихъ доходы есть! Вѣдь они какъ поѣздку сдѣлаютъ, такъ у каждаго четыре — пять рублей!

— Откуда-же они эти деньги достаютъ?

— Какъ откуда! Развѣ тебѣ не приходилось гольцомъ ѣздить?

— Какимъ гольцомъ?

— Ну, слѣпенькимъ, или зайцемъ, а попросту сказать, безъ билета? Вѣдь они у насъ здѣсь цѣлыми вагонами возятъ! Вѣдь это намъ бѣднякамъ, сторожамъ, да стрѣлочникамъ, негдѣ взять копѣйки, хоть тридцать лѣтъ служи, а домъ не выстроишь. Загонятъ насъ вотъ три-четыре семьи въ одну двухсаженную комнату, и киши тутъ, какъ сельди въ бочкѣ, да у каждаго по трое, по четверо ребятишекъ! Вотъ видишь, даже зыбку повѣсить негдѣ, а кондукторъ какъ поѣздитъ два-три года, и домъ выстроитъ, и слышишь, деньги въ банкѣ лежатъ!

По указанію сторожа, я пошелъ въ дежурную кондукторскую.

— Эй, ребята, давайте покупать книжки и картинки, должно быть хорошія—лакированныя!

— А ты почему знаешь?

— А когда я жилъ на станціи Абдулино, онъ у насъ былъ, и мы тогда у него много покупали!

— Давай, развязывай и показывай, что у тебя есть!

— Да, дѣйствительно, эти картинки хорошія, ихъ можно въ рамку или въ кіоту вдѣлать!

— Пожалуйте, народъ честной!.. Вотъ не угодно-ли?

— Это у меня есть! Нѣтъ-ли другихъ какихъ-нибудь?

— Какихъ, напримѣръ?

— Свѣтскихъ, «Ай, Настасья, ай Настасья, отворяй-ка ворота»! Или что-нибудь про войну!

— Про какую-же тебѣ войну?

— Ну, какъ китайца тащатъ за косу!.. Или что-нибудь посмѣшнѣе!

— Нѣтъ, такихъ не имѣю, я только торгую божественными картинками!

— Ахъ, жаль! Я бы купилъ про косоглазаго-то! Я у будочника ее видѣлъ! Смѣшная очень!

Оказывается, что лубочныя картинки московскихъ издателей о минувшей китайской войнѣ проникли въ самыя отдаленныя захолустья. Для темнаго неграмотнаго люда онѣ замѣняли собою газеты — благодаря своей, такъ сказать, наглядности и удобопонятности. Проходя по этой желѣзнодорожной линіи, я замѣтилъ, что низшій рабочій персоналъ на ней, будочники, стрѣлочники и проч., обособляются въ отдѣльныя группы. Если въ какой-нибудь казармѣ старшій рабочій—изъ Вятской губерніи, то и вся артель подобрана изъ вотяковъ, а если изъ Рязанской или Симбирской губерніи, то изъ тамошнихъ земляковъ. Много народу по этой дорогѣ ѣдетъ въ Сибирь въ качествѣ переселенцевъ.

Имъ не до картинокъ. Оголтѣлые пензенскіе и ря-

занскіе мужики приходятъ сюда въ лаптяхъ наниматься на работу. И такъ какъ свой своему по неволѣ другъ, то пришельцы изъ разныхъ губерній и группируются по землячествамъ, что не вредитъ, однако, общему дѣлу.

НИКЕШКА.

По Невскому проспекту тихо шелъ оборванный субъектъ, смахивавшій на мастерового. Видъ его былъ удрученный. По временамъ онъ останавливался и что-то соображалъ. Дойдя до Садовой улицы, онъ повернулъ направо и пошелъ къ Сѣнному рынку. Здѣсь обратилъ вниманіе на стоявшаго на посту городового, разговаривавшаго съ какимъ-то мужчиною въ польской фуражкѣ, въ которомъ субъектъ сразу узналъ переодѣтаго полицейскаго сыщика.

Субъектъ подошелъ къ городовому.

— Господинъ городовой!

— Что вамъ угодно?

— Потрудитесь отправить меня въ участокъ! Я — безпаспортный!

— А мнѣ какое дѣло! Иди себѣ!

— Да я желаю арестоваться!

— А когда хочешь, чтобы тебя забрали, поди залѣзь каму-нибудь въ карманъ,—произнесъ переодѣтый полицейскій,—или пойди внутрь рядовъ Сѣнного рынка

и начни стрѣлять, вотъ тогда и заберемъ!.. Съ удовольствіемъ даже.

Субъектъ такъ и сдѣлалъ. Пошелъ на Сѣнной рынокъ и сталъ стрѣлять. Но дѣло какъ-то не клеилось. Видно было, что онъ не профессіональный стрѣлокъ. Еще не успѣлъ онъ насобирать и пяти копѣекъ, какъ былъ схваченъ за рукавъ совѣтовавшимъ ему стрѣльнуть переодѣтымъ полицейскимъ.

— Ага! Ты стрѣляешь здѣсь! Пойдемъ въ участокъ!

И повелъ его.

Постовой городовой сталъ стыдить переодѣтаго полицейскаго.

— Какъ тебѣ не совѣстно!

— А что?

— Да какъ-же! Креста на тебѣ нѣтъ, видно! Самъже послалъ его и самъ забираешь!

Переодѣтый полицейскій толкнулъ въ шею неизвѣстнаго субъекта и сказалъ:

— Убирайся вонъ! Не ходи въ нашъ участокъ!

Но Никешкѣ гвоздемъ засѣла мысль объ арестѣ,— во что бы то ни стало.

Вошелъ въ казенку, купилъ водки и выпилъ залпомъ для храбрости. Затѣмъ явился въ первый же попавшійся участокъ.

— Что тебѣ надо?—спрашиваетъ его околоточный.

— Пришелъ арестоваться!

— Какъ такъ? За что? Убилъ, что ли, кого?

— Нѣтъ!

— Такъ за что же?

— А у меня паспорта нѣтъ!

— Мнѣ какое дѣло! Убирайся вонъ!—сказалъ околоточный.—Много васъ шляется!

— Вотъ те на! Какъ-же быть-то!—съ отчаяніемъ произнесъ Никешка.—Да поймите вы, что я голоденъ! Мнѣ жрать нечего!..

— А это твое дѣло!..

И между околоточнымъ и неизвѣстнымъ субъектомъ начался горячій споръ. Видя, что околоточный не хочетъ его оставить, и подъ вліяніемъ водки Никешка ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ:

— Коли такъ, выйду сейчасъ, и камнемъ запущу въ окно, гдѣ вы сидите!

Околоточный посмотрѣлъ, покачалъ головою и сказалъ:

— Видно, ужъ тебѣ очень хочется попариться, ну ступай, посиди у насъ!—и велѣлъ запереть его въ арестантскую камеру, гдѣ Никешка вскорѣ и заснулъ. Вечеромъ онъ былъ отправленъ въ одну изъ «частей» на ночлегъ. На другой день—въ сыскное отдѣленіе для удостовѣренія личности, послѣ чего приставомъ было предложено ему удалиться. Но въ виду его желанія, онъ былъ отправленъ въ «часть» и записанъ къ высылкѣ на родину.

Непривѣтливо встрѣтили его сидѣвшіе въ части рецидивисты и карманники. Они сразу увидѣли въ новичкѣ птицу иного полета, увидѣли въ немъ временнаго гостя. Посыпались насмѣшки.

— Разгильдяй!

— Мокрая курица!

— Самъ въ петлю лѣзешь!

— Бить такихъ надо!

Всѣ черныя работы по камерѣ легли на него!

Лежа на нарахъ, онъ припоминалъ свою прошлую жизнь, когда онъ жилъ хорошо со своею женою, пока

она его не бросила, припоминалъ свое постепенное паденіе все ниже и ниже, и нарочно закрывалъ глаза, чтобы не видѣть и не слышать печальную дѣйствительность, окружавшую его. Двѣ недѣли прошло въ части—въ ожиданіи, когда его отправятъ въ пересыльную тюрьму.

Проснувшись разъ какъ-то утромъ, онъ къ удивленію своему, замѣтилъ исчезновеніе принесеннаго кѣмъ-то изъ родственниковъ его узелка съ деньгами и нѣкоторыми вещами, и на вопросъ: не видалъ-ли, братцы, кто? получилъ отвѣтъ:

— А ты поговори еще, такъ и банокъ получишь!

— Не вздумай пожаловаться еще! Такъ насыплемъ, что вмѣсто пересыльной угодишь въ тюремную больницу.

Бѣднягѣ пришлось молчать.

Наконецъ, онъ былъ отправленъ въ пересыльную тюрьму.

Тамъ отъ него была отобрана вся его одежда, въ замѣнъ ея выдана казенная. Въ домушкѣ (какъ называютъ арестанты пересыльную тюрьму) онъ пробылъ недолго. Насталъ день отправки. По средамъ идетъ этапъ по московскому тракту. Наканунѣ этого дня всѣхъ отправляемыхъ ставятъ подъ мѣрку и, записавши высоту роста, спрашиваютъ, кому что надо изъ одежды. Въ большинствѣ случаевъ, отвѣчаютъ: все, кромѣ шапки, а то и съ шапкой. Это называется полнякъ, т. е. вся буквально казенная экипировка.

Утромъ, въ пять часовъ, вставши и напившись чаю, всѣ пересыльные спускаются внизъ, гдѣ получаютъ бѣлье, полушубокъ, коты, суконныя портянки, а также 2 фунта хлѣба и кусокъ соленой рыбы на дорогу. На

тюремномъ дворѣ производится послѣдняя повѣрка, и партія направляется на Николаевскій вокзалъ, гдѣ останавливается во дворѣ—въ ожиданіи посадки въ вагонъ, причемъ колпинскіе уроженцы, какъ неоднократно ломавшіе этапъ, стараются стать впереди всѣхъ, чтобы возможно больше получить подаянія, которое щедро раздается благодѣтелями. Цѣлыми возами привозятъ разной снѣди. Такъ какъ партія отправлялась на Страстной недѣлѣ, то подаяніе было изобильное. Стоявшіе впереди колпинскіе получили по 5, по 6 булокъ, а кто стоялъ сзади—неопытные, тѣ получили по одной булкѣ.

Наконецъ, партія пересыльныхъ посажена въ вагонъ, и въ одиннадцатомъ часу поѣздъ тронулся въ путь. Пересыльные почувствовали себя въ вагонахъ, какъ дома.

Не успѣлъ поѣздъ тронуться, какъ раздалась пѣсня:

Скоро, скоро поѣздъ грянетъ,
Звонокъ уныло прозвучитъ,
Кого-то здѣсь изъ насъ не станетъ,
Кого-то поѣздъ утащитъ...

Начался смѣхъ, шутки, разговоры.

Не принимали участія въ общемъ весельѣ и сквернословіи (кто хуже всѣхъ выругается, тотъ большимъ почетомъ пользуется отъ товарищей) только два странника, да нашъ знакомецъ Никешка, добровольно арестовавшійся.

Два странника были личности загадочныя для всѣхъ окружавшихъ ихъ товарищей. Когда ихъ спрашивали, за что ихъ высылаютъ изъ Питера, они отвѣчали лаконически: «Такъ Богу угодно!» Поили на свой счетъ

всю партію пересыльныхъ чаемъ. Иногда вдвоемъ и съ нѣкоторыми конвойными, любителями церковнаго пѣнія, пѣли духовные стихи, не смотря на то, что ихъ часто перебивали разными вольными и непристойными пѣснями и насмѣшками.

Неоднократно одинъ изъ странниковъ, отецъ Александръ, принимался уговаривать бѣснующихся.

— Хоть теперь-то вспомните Бога, окаянные!..

Но не добившись ничего, закрывъ лицо руками, онъ горько плакалъ...

На станціи Бологое партія пересѣла въ Бологовско-Рыбинскую желѣзную дорогу—для направленія въ Рыбинскъ, гдѣ съ вокзала партія, по страшной слякоти, пошла въ тюрьму, въ концѣ города, куда пришли всѣ мокрые, а казенные «коты» на ногахъ обратились въ какой-то кисель, безформенную массу. Здѣсь получили ужинъ, состоявшій изъ похлебки, похожей на горохъ, но только не горохъ, который никто не ѣлъ, потому что хлебово было на половину съ дресвою и мелкими камешками.

Переночевавъ въ Рыбинскѣ, партія утромъ отправилась по Ярославской желѣзной дорогѣ въ Ярославль, куда прибыла вечеромъ и была водворена въ ярославскую тюрьму, въ которой въ виду наступавшихъ праздниковъ св. Пасхи, и ледохода на Волгѣ, прожила двѣ недѣли.

Отстоявъ по желанію въ тюремной церкви Свѣтлюю Христову заутреню, арестанты были введены въ свои камеры, куда вскорѣ явился священникъ и, окропивъ святою водою помѣщеніе арестантовъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ христосовался, поздравилъ всѣхъ съ празд-

никомъ и предложилъ идти въ столовую—разговляться, гдѣ имъ были предложены яства.

Въ этотъ день пища была улучшена.

Передъ выходомъ изъ тюрьмы для дальнѣйшаго слѣдованія—всей партіи розданы были подаянія по $^1/_8$ чаю и 1 фунту сахару на двоихъ, булки и прочія яства, пожертвованныя въ тюрьму благочестивыми обывателями, кромѣ того, по гривеннику на брата—отъ казны. Переѣхавъ Волгу на паромѣ, партія пересыльныхъ по Ярославско-Вологодской желѣзной дорогѣ отправилась на Вологду, куда и прибыла на другой день утромъ.

Въ вологодской тюрьмѣ было провѣрено, что у кого имѣется изъ казенной одежды, и вся партія была разсортирована, потому-что нѣкоторые изъ пересыльныхъ направлялись еще дальше—въ Архангельскъ.

Изъ тюрьмы Никешка былъ отправленъ въ вологодское полицейское управленіе, а оттуда въ мѣщанскую управу, гдѣ съ него хотѣли снять всю казенную экипировку, но такъ какъ у него своей одежды не было, то чтобы не выпускать его въ костюмѣ Адама, мѣщанская управа купила для него одежды на полтора цѣлковыхъ и Никешка былъ выпущенъ на всѣ четыре стороны безъ гроша денегъ и безъ паспорта.

А казенная одежда была отобрана назадъ и выслана назадъ по принадлежности.

Вышелъ Никешка изъ мѣщанской управы и долго скитался по городу. Мрачныя мысли одолѣли его. Думалъ, думалъ, продалъ управскій пиджакъ за двугривенный, переночевалъ въ ночлежкѣ и на другой день, хотя и стыдно было, отправился къ своей теткѣ, единственной родственницѣ его, оставшейся въ живыхъ.

— Ну, тетя, принимай!—сказалъ Никешка. Та, увидя

своего племянника въ рубищѣ и въ одной рубашкѣ, всплеснула руками...

— Откуда ты?

— Изъ Питера пріѣхалъ по вольному этапу!..

— Въ такомъ видѣ! Ахъ, Боже мой...

— Не я первый, не я послѣдній!..

— Нечего дѣлать! Живи пока у меня!..

Погоревали, поплакали...

Тетка сама была бѣдная.

ЧИНУШКА.

— Мы — люди отпѣтые! Намъ и стрѣльнуть не грѣхъ!.. говорилъ одинъ бывшій сенатскій чиновникъ, а теперь по профессіи нищій, стоя на паперти церкви Матѳея Апостола, что на Петербургской сторонѣ. Одѣтъ онъ былъ въ старомъ престаромъ сюртукѣ, который, когда былъ новый, былъ чернаго цвѣта, потомъ отъ времени порыжѣлъ и, наконецъ, совсѣмъ позеленѣлъ... На головѣ—фуражка съ краснымъ околышемъ, сильно выгорѣвшимъ на солнцѣ и вылинявшимъ, безъ кокарды. На ногахъ надѣты были опорки на босу ногу. Но больше всего обращала на себя вниманіе его рубашка, воротъ которой, за неимѣніемъ запонки, подвязанъ былъ простой веревочкой... Онъ былъ высокаго роста, съ окладистой бородой. Со службы его давно выгнали за слабость къ крѣпкимъ напиткамъ, хотя онъ имѣлъ прекрасный почеркъ.

Служа въ сенатѣ, онъ переписывалъ бумаги угловатымъ готическимъ шрифтомъ, украшая ихъ такими крючками, что ума помраченье.

Благодаря его прекрасному почерку, ему неоднократно поручали переписку бумагъ для важныхъ особъ, но все-таки водка сгубила, и его попросили о выходѣ. Очутившись не у дѣлъ, чинушка сталъ торговать въ разносъ книжками и картинками, торговля шла плохо, онъ запилъ и, наконецъ, опускаясь все ниже и ниже, сталъ профессiональнымъ нищимъ. Онъ прiютился около церкви Матѳея Апостола. Приходъ богатый, купцовъ—прихожанъ много, подаютъ хорошо нищей братiи, да и фараоны не такъ преслѣдуютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Стоя на паперти, среди нищихъ, Женя (такъ звали босяка его товарищи по профессiи) занималъ укромное мѣстечко возлѣ церковныхъ дверей. Лишь только завидитъ, что идетъ въ церковь богомолецъ, онъ тотчасъ-же предупредительно отворяетъ двери. Посѣтители жалѣютъ захудалаго отставного чиновника, вынужденнаго промышлять нищенствомъ, и охотно подаютъ ему копѣечку. Еще одно важное обстоятельство заставило Женю избрать себѣ позицiю около церковныхъ дверей: его часто требуютъ въ церковь вписывать имена въ синодики для поминанiя. Приходитъ какая-нибудь баба въ церковь, надо ей записать на особомъ листикѣ имена своихъ родственниковъ «во здравiе» или «за упокой», чтобы подать попу, а написать некому. Баба обращается къ сторожамъ, нѣтъ-ли кого, чтобы написать.

— А у насъ здѣсь есть писака!—отвѣчаетъ сторожъ:—нероскрипъ!..

— Пожалуйста, позовите его!

— Да вонъ онъ у дверей стоитъ, среди нищихъ!.. Женя, иди!..

— Послушай-ка, почтенный, напиши-ка листики!

— Съ удовольствіемъ!.. А бумага есть?

— Я принесла съ собой!

— Во здравіе или за упокой?

— Пиши сперва во здравіе!

— Кого писать-то?

Баба начинаетъ диктовать длинный списокъ именъ. Женя прилежно выводитъ буквы. Готическій почеркъ пригодился здѣсь весьма кстати.

— А теперь, почтенный, напиши за упокой!

И Женя снова начинаетъ выводить буквы, украшая ихъ такими замысловатыми крючками и завитушками, что неграмотная баба и та приходитъ въ восхищеніе.

— Ой, какъ ты красиво пишешь, почтенный!..

— Чтобъ попу ясно было читать!.. Видишь, какъ написано, словно бисеромъ нанизано!..

— Спасибо, почтенный! много-ли тебѣ за это?

— Да что дашь!

И баба суетъ ему мѣдякъ.

Заработавъ пятачокъ, Женя пошелъ опять на паперть и сталъ около дверей. Снова выходитъ изъ церкви сторожъ и кричитъ: Женя, иди!..

На этотъ разъ къ нему обратилась съ просьбой написать синодикъ одна богатая купчиха, домовладѣлица, которой стыдно было сознаться, что она неграмотная.

— Послушайте-ка, господинъ чиновникъ, напишите-ка мнѣ синодикъ, я очки позабыла дома, а безъ очковъ я писать не могу!..

— Можно! Съ большимъ удовольствіемъ даже...

— Вотъ вамъ синодикъ! Пишите, пожалуйста!

И купчиха стала диктовать имена.

За эту работу Женя получилъ двугривенный и снова вышелъ на паперть и сталъ среди нищихъ.

— Вишь, сенатскій-то какъ стрѣляетъ! взъѣлись нищіе, которые завидовали Женѣ.

— Кто? Чинушка-то?..

— Въ церкви синодикъ строчитъ за упокой, тамъ получаетъ, да и здѣсь клянчитъ!

— Глаза-то завидущи, а руки загребущи!..

— Что-же вамъ, братцы, чужихъ денегъ жалко! Мы люди отпѣтые! Стрѣльнуть не грѣхъ!..

— Вишь ты—канцелярская крыса!.. Строчило мученикъ.

— Приказное творенье!..

— Эхъ, братцы, я такой-же, какъ и вы!.. Мнѣ такъже голову негдѣ приклонить, какъ и вамъ!..

На шумъ вышелъ изъ церкви сторожъ и прикрикнулъ на нищую братію.

— Вы что тамъ, посадскіе, затараторили! Потише, черти.

— Да вонъ сенаторъ все бунтуетъ!—хоромъ закричали нищіе.

— Врутъ они! Напраслину взводятъ! Имъ завидно стало, что я синодики пишу!..

— У меня Женю не обижать, а то я васъ всѣхъ прогоню отсюда!..

— Ну, довольно, братцы, всѣмъ хватитъ!.. Всякому свое!

По окончаніи богослуженія, публика стала расходиться. Чинушка молчаливо стоялъ среди нищей бра-

тіи, которая вопила на разные голоса: подайте Христа-ради. Но ему все-таки подавали, потому что каждый проходившій мимо его обыватель невольно думалъ про себя: чиновникъ, а проситъ! Должно быть, большую напасть испыталъ этотъ человѣкъ. Всѣ жалѣли его. Когда всѣ разошлись, одинъ изъ сторожей позвалъ чинушку къ себѣ въ сторожку.

— Послушай-ка, Женя, вотъ ты хорошо пишешь синодики и молитвенники разные, не можешь-ли ты мнѣ написать прошеніе?

— Какое?

— А насчетъ сына! Хочу опредѣлить его въ одно заведеніе!

— Можно!

— Да только чтобы слезное прошеніе-то было... чтобы приняли сына-то! Пробрало-бы...

— Впередъ не ручаюсь, но попробуемъ!

Написали прошеніе, подали куда слѣдуетъ, и мальчика приняли. Съ этого дня репутація чинушки среди сторожей еще болѣе упрочилась, и онъ сталъ у нихъ при церкви своимъ человѣкомъ: надо-ли записать что-нибудь, сейчасъ зовутъ Женю, надо-ли на праздникъ звонить въ колокола, Женю посылаютъ на колокольню. И онъ упражняется въ трезвонѣ, чередуясь съ нищею братіею, которая тоже обязана помогать сторожамъ, дѣлая для нихъ разныя мелкія услуги. Напримѣръ, на Святой недѣлѣ сторожа отдыхаютъ, а нищая братія звонитъ во всю недѣлю на колокольнѣ — по очереди.

Сторожа, въ знакъ особаго благоволенія къ чинушкѣ, зазывали его къ себѣ въ сторожку, попить чайку.

— Ну, что, какъ поживаешь, Женя?

— Ни шатко, ни валко! Стрѣляю, пока ноги ходятъ!

— Гдѣ ты живешь?

— На Плуталовой улицѣ!

— Уголъ нанимаешь?

— Нѣтъ, въ сараѣ...

— Вотъ какъ! Сенатскій чиновникъ—и въ сараѣ!..

— Губернскій секретарь!..

— Фи! Позоръ какой!

— Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся, говоритъ русская пословица! Мы народъ отпѣтый! Чего насъ жалѣть!..

— Что тебя сгубило?

— Что? Извѣстно—водка! Изъ-за нея и со службы прогнали!

— Гдѣ-жъ ты зиму-то будешь околачиваться?

— Придется уголъ у кого-нибудь нанять, а если не найду угла, стану въ ночлежкѣ ночевать...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и чинушка скрылся съ горизонта Петербургской стороны. Должно быть, онъ не нашелъ себѣ на зиму подходящаго угла и поселился въ ночлежкѣ Макокина.

Такъ завсегдатаи ночлежки сперва смѣялись надъ нимъ, называя его «сенатской крысой», а потомъ, когда узнали, что онъ пьяница, приняли его въ свою компанію.

— Братцы, я такой-же босякъ, какъ и вы!

— Лѣшій чортъ, выпьемъ по соткѣ, что-ли?

— Чего губы зря мочишь, вали «армейца» (т.-е. бутылку).

— Ладно! Бѣги скорѣй! Слюнки такъ и текутъ!..

Поселившись въ ночлежкѣ, чинушка ежедневно сталъ промышлять стрѣльбою, слоняясь по улицамъ.

— Подайте благородному человѣку!

— Помогите бывшему сенатскому чиновнику!..

Вначалѣ онъ просилъ застѣнчиво, потомъ становился развязнѣе и мало-по-малу входилъ въ роль босяка. Теперь ужъ онъ каждый день къ вечеру бываетъ пьянъ, и чѣмъ больше пьетъ тѣмъ больше ему хочется пить. И такимъ образомъ, быстро идетъ къ погибели. Если кто-нибудь изъ прохожихъ, или изъ завсегдатаевъ ночлежки высказываетъ ему сожалѣніе, то онъ обыкновенно возражаетъ.

— Мы—люди отпѣтые! Чего насъ жалѣть!

КНЯЗЬ ВЪ НОЧЛЕЖКѢ.

Въ одну изъ ночлежекъ на окраинѣ Петербурга вошелъ благообразный старичекъ, одѣтый весьма бѣдно, но довольно прилично—въ сѣрой поношенной шинели, въ черной шляпѣ, сильно выгорѣвшей отъ солнца. Будучи постояннымъ посѣтителемъ ночлежки, онъ всегда занимаетъ на нарахъ одно и тоже мѣсто, № 00, съ краю. По его просьбѣ смотритель ночлежки оставляетъ ему этотъ номеръ—изъ уваженія къ его почтеннымъ сѣдинамъ, а также и потому, что онъ уже давно состоитъ въ числѣ завсегдатаевъ ночлежки. Старикъ занималъ на нарахъ мѣсто съ краю, чтобы

не такъ его тѣснили: все-таки съ одной стороны было свободно, и не было сосѣда.

Войдя въ ночлежку, бездомникъ засунулъ руку за пазуху, порылся въ своемъ боковомъ карманѣ, бережно вынулъ оттуда какой-то свертокъ, и подавая его смотрителю, промолвилъ:

— На, Максимычъ! Береги мой паспортъ!.. Смотри, чтобы не украли! Этотъ паспортъ,—все что осталось отъ моего прошлаго!.. Вѣдь если, не дай Богъ, паспортъ украдутъ, то какъ я докажу, что я княжескаго происхожденія!..

— Такъ точно, ваше сiятельство, никто не повѣритъ...

— Чему не повѣрятъ, Максимычъ?

— Да что вы князь!..

— Ха, ха, ха! Князь упалъ въ грязь!.. Вотъ потому-то я и отдаю тебѣ на сохраненiе мой паспортъ — единственный свидѣтель моего прежняго величiя... Да, имѣнiя были, свои рысаки, а ѣлъ-то на золотѣ, да на серебрѣ... Все прахомъ пошло!.. А все други, да прiятели!.. А теперь носъ воротятъ отъ меня, какъ отъ чумы! При встрѣчѣ не кланяются!... На Невскомъ проспектѣ на-дняхъ встрѣчаю одного моего стараго знакомаго, здороваюсь съ нимъ, не отвѣчаетъ: извините, говоритъ, я васъ не знаю! Каково! Бывало, вмѣстѣ кутили съ нимъ, мой бывшiй собутыльникъ!.. Вотъ они каковы!..

— Всѣ други и прiятели до чернаго лишь дня, ваше сiятельство!..

— Вѣрно, Максимычъ! Эту истину я позналъ, братъ, на собственной своей шкурѣ... Многихъ я въ люди

вывелъ, и они-же теперь меня не хотятъ признавать! Досадно, чортъ возьми!..

— А какъ вы сегодня день провели, ваше сіятельство?

— По обыкновенію, дѣлалъ обходъ ресторановъ. Гдѣ помнятъ меня, какъ я, бывало, кутилъ, тамъ наливаютъ рюмку водки и даютъ огурецъ—на закуску!..

— Безплатно, конечно?

— Да! Во вниманіе къ моимъ прежнимъ заслугамъ!.. Придешь въ ресторанъ, «человѣкъ» молчаливо наливаетъ тебѣ рюмку водки, молчаливо подаетъ огурецъ, ну, разумѣется, я молчаливо опоражниваю ее, и иду дальше!.. Тамъ та-же исторія. Пей и убирайся!.. Не желаютъ съ тобою разговаривать, а терпятъ только изъ жалости. А какой сегодня обѣдъ, Максимычъ?

— Пустыя щи и чернаго хлѣба—долька! А потомъ чай!

— Мнѣ жрать хочется, да и прозябъ что-то!.. На дворѣ холодно, а шинель-то у меня вѣтромъ подбита...

— Вотъ скоро будемъ обѣдать, пускай народъ соберется!..

Между тѣмъ, то цѣлыми партіями, то одинъ за другимъ, по одиночкѣ, приходили бездомники и занимали на нарахъ свои мѣста.

— А, ваше сіятельство! какъ поживаете?

— Благодарю! Помаленьку мыкаюсь...

— А! князь, какъ ваши дѣла?

— Ничего себѣ, сегодня одинъ благодѣтель цѣлковый отвалилъ!..

— Ого! Много что-то!..

— Изъ жалости къ моему княжескому достоинству.

— Господа, пожалуйте ужинать! Не обезсудьте, чѣмъ Богъ послалъ! Сегодня ходилъ на рынокъ, собирать обрѣзковъ, но купцы мало подавали: скупы стали!.. сказалъ смотритель. Бездомники партіями садились за столы и молчаливо ужинали. Князь сидѣлъ среди нихъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Послѣ ужина бездомники начали укладываться спать. Князь любилъ вспоминать свое прошлое и разсказывалъ своимъ новымъ товарищамъ по ночлежкѣ о своихъ кутежахъ, когда онъ былъ богатъ. Бездомники собирались вокругъ него, разсаживались на нарахъ и съ удовольствіемъ слушали его.

— Да! Все долженъ перенести человѣкъ—и доброе и хорошее...

— Князь, сегодня къ вамъ какой-то господинъ приходилъ!..

— Кто онъ такой?

— Не знаю! По какому-то очень важному дѣлу!..

— Кто-бы это могъ быть? Кажется, всѣ меня позабыли!..

— Спрашивалъ, когда васъ можно застать! Я сказалъ: обыкновенно, когда приходятъ ночевать!..

— Ну, если въ другой разъ придетъ, спроси, что ему надо отъ меня?

— Слушаю-сь!..

На другой день неизвѣстный господинъ приходилъ опять въ ночлежку и долго о чемъ-то бесѣдовалъ со смотрителемъ, съ глазу на глазъ, въ его квартирѣ, находящейся при ночлежкѣ.

— Ну, что, былъ этотъ господинъ?

— Былъ!.. Онъ желалъ видѣть васъ завтра часовъ въ двѣнадцать.

— Зачѣмъ?

— Невѣсту хочетъ вамъ сватать! тихо проговорилъ смотритель.

— Невѣсту?

— Такъ точно!..

— Ты шутишь!

— Истинная правда!

— Да что онъ? Съ ума сошелъ, что-ли?

— Не знаю! Завтра переговорите съ нимъ, если угодно!

— Хорошо, я приду къ этому времени!..

На другой день въ назначенное время князь былъ въ ночлежкѣ. Пришелъ неизвѣстный господинъ. Князь въ это время сидѣлъ на нарахъ въ ожиданіи незнакомца.

— Здравствуйте, ваше сіятельство!

— Что вамъ угодно?

— Пришелъ къ вамъ по порученію богатаго купца! Фамилію его вы знаете! И при этомъ незнакомецъ назвалъ фамилію одного богатаго комерсанта.

— Хотите сдѣлаться опять богатымъ?

— Это какимъ-же образомъ?

— Женитесь на особѣ N!

— Жениться? Мнѣ, старику! Ха, ха, ха!..

— Что вы смѣетесь?

— Да какъ-же не смѣяться!

— Вы не понимаете, въ чемъ дѣло?

— Въ чемъ-же?

— Послѣ вѣнчанія женихъ съ невѣстой тотчасъ-же разъѣдутся въ разныя стороны!

— Невѣста къ себѣ домой, а я въ ночлежку!..

— Да, въ родѣ этого!..

— Ха, ха, ха! Небывалая свадьба затѣвается!

— Но вѣдь не даромъ!..

— Вотъ какъ! Сколько же онъ предлагаетъ?

— Хотите, двадцать тысячъ!..

Князь на минуту задумался, какъ будто онъ рѣшалъ вопросъ: а что въ самомъ дѣлѣ: не покутить-ли и на эти деньги, и не вспомнить-ли старину, и сказалъ:

— Нѣтъ!.. Одна нога моя на нарахъ, а другая въ гробу!.. Не хочу на старости лѣтъ грѣха брать на душу!..

— Подумайте, князь! Вѣдь двадцать тысячъ деньги!..

— Что мнѣ двадцать тысячъ? Я двѣсти тысячъ прожилъ да нѣсколько имѣній!..

— Зачѣмъ ему нужна такая свадьба?

— Хочетъ, чтобы вы княжескій титулъ передали вашей будущей женѣ!

— Ну, а потомъ что?

— А потомъ разводную!

— Вотъ оно что! Значитъ онъ цѣнитъ мой титулъ въ двадцать тысячъ?

— Да! Съ удовольствіемъ-бы, говоритъ, далъ эти деньги, если-бы вы согласились!..

— Нѣтъ, такъ и скажите ему, что я княжескимъ титуломъ не торгую, и ни за какія деньги его не продамъ! Одна нога моя на нарахъ, а другая въ гробу!.. Ужъ мнѣ недолго жить осталось! Не хочу грѣха брать на душу!.. Вотъ онъ, мой паспортъ! Не даромъ я его такъ берегу!.. Храни, Максимычъ, эту грамотку, видишь, какъ она дорога!..

— А какъ-же разводную?

— Ужъ онъ всѣ хлопоты беретъ на себя!.. Лишь-бы вы согласились!..

— А мнѣ, значитъ, только деньги получить?..

— Да, ни за что, ни про что! Только за передачу вашего княжескаго титула!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я князь, хотя и упалъ въ грязь, и пропадаю въ ночлежкѣ, а титула своего ни за какія деньги не продамъ и никому не передамъ!.. Вѣрно я, Максимычъ, говорю?

— Справедливо, ваше сіятельство!..

— Не хочу сѣдины свои марать! Ужъ мнѣ недолго жить осталось на бѣломъ свѣтѣ!.. За ночлегъ у меня всегда найдется! Спасибо добрымъ людямъ! Жалѣютъ старика! Подаютъ!... Вотъ вчера домовладѣлецъ подалъ цѣлковый!..

— Какой домовладѣлецъ?

— Да чья ночлежка-то!.. Онъ всегда подаетъ мнѣ, когда придетъ сюда...

— До свиданья, ваше сіятельство!

— До свиданія! Такъ и скажи ему! Пускай знаетъ, что не все можно за деньги купить!.. А мнѣ и здѣсь хорошо!..

АМЕРИКАНЕЦЪ.

— Довольно мы съ тобой, Яша, казенныхъ щецъ похлебали,—говорилъ одинъ босякъ другому, сидя на черной половинѣ пересыльной тюрьмы,—завтра вышлютъ на родину!..

— А что мы на родинѣ? За соху, что-ли, возьмемся!..

— Вышлютъ, придемъ!..

— И будетъ сказка безъ конца!

— Тебѣ куда!

— Мнѣ въ премудрый городъ Псковъ!

— А тебѣ?

— Мнѣ въ Порховъ...

— На другой день, въ 9 час. вечера, въ пятницу, партія заключенныхъ, получивъ сполна казенную экипировку, изъ пересыльной тюрьмы пришла на Николаевскій вокзалъ и съ передаточнымъ поѣздомъ отправилась на Варшавскій вокзалъ, откуда ночью-же уѣхали прямо на Псковъ, куда прибыли утромъ. Во Псковѣ прибывшую партію принялъ конвой, и тотчасъ-же съ вокзала увелъ ее въ псковскую пересыльную тюрьму, въ четырехъ верстахъ отъ города. По прибытіи въ тюрьму, была произведена повѣрка заключенныхъ, а также и казенныхъ вещей, которыя пересыльные получили въ Петербургѣ. Затѣмъ всѣхъ разсадили по камерамъ. Кто имѣлъ чайники и чай, тѣ заваривали его и пили, а у кого не было, тѣ только посматривали на болѣе счастливыхъ товарищей. На всю тюрьму былъ только одинъ казенный чайникъ. Въ 11 час. обѣдъ, состоящій изъ 2 фунт. хлѣба и одного супу изъ гречневой крупы и по $^1/_4$ ф. мяса. Въ 6 час. ужинъ, состоящій изъ «пустыхъ щей», въ 7 ч. повѣрка и затѣмъ—спать.

Спятъ прямо на голомъ полу, такъ какъ ни коекъ, ни наръ въ камерахъ не имѣется. Тѣснота и духота страшная, паразитовъ—цѣлыя гнѣзда.

Въ 6 час. заключенные встаютъ, кто умывается, кто молится Богу, но есть и такіе, которые ни того, ни другого не дѣлаютъ: они давно уже запустили и

душу, и тѣло. Въ 7 часовъ кипятокъ и раздача пайковъ чернаго хлѣба. Изрѣдка перепадаетъ отъ благодѣтелей подаяніе по небольшой булкѣ.

— Плохо здѣсь!—ворчитъ Яшка,—не разъ вспомнишь домушку!.. (Такъ называютъ пересыльные петербургскую пересыльную тюрьму). Три дня прожилъ Яшка въ псковской пересыльной тюрьмѣ, на четвертый день его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами, отправили въ городъ Порховъ, причемъ на псковскомъ вокзалѣ имъ выдали по 10 копѣекъ на брата порціонныхъ денегъ—на прожитіе. Въ 9 час. утра партія пересыльныхъ была уже въ Порховѣ. Съ вокзала подъ конвоемъ ее повели въ порховское полицейское управленіе, гдѣ послѣ повѣрки всѣхъ выпустили на всѣ четыре стороны, предварительно съ каждаго взявъ росписку въ полученіи казенныхъ вещей.

— Ну, вотъ, теперь я—вольный казакъ!—промолвилъ Яшка, выходя изъ полицейскаго управленія. Теперь можно снова этапъ ломать, можно опять идти въ Питеръ!..

Но только что Яшка, вмѣстѣ съ освобожденными товарищами, изъ управленія вышли на улицу, какъ были окружены многочисленными порховским сынами Израиля, которые предлагали продать имъ по сходной цѣнѣ всю казенную экипировку. Нѣкоторые, впрочемъ, и сами продавали буквально всю до нитки казенную одежду и, переоблачившись въ рубище, отправляются въ чайное заведеніе, запасшись предварительно «казенкой».

— Вотъ, Іуда, не купишь-ли?—снявъ съ себя казенный полушубокъ, предлагаетъ Яшка одному юркому еврею.

— Казенный полушубокъ! Съ удовольствіемъ!—А какъ цѣна? И еврей сталъ разсматривать полушубокъ.

— Смотри, не смотри, а полушубокъ-то новенькій!.. Въ Петербургѣ шили!.. На-дняхъ только выдали!..

— Вижу!—промолвилъ еврей тономъ опытнаго знатока.—Много-ли просишь?

— Давай желтякъ!.. (т. е. пять рублей).

— Желтякъ много, а два бѣляка дамъ! (т. е. два рубля).

— Что ты, Іуда, казенная цѣна полушубка два съ полтиной!.. Здѣсь такого не купишь, прибавь хоть полтинникъ-то! Мужикамъ продашь съ лихвою!.. Гляди, какой полушубокъ-то, новенькій, питерскій!.. Самъ-бы носилъ, да деньги надо.

— На, получай!..—сказалъ еврей, принимая полушубокъ.

— Іуда, покупай за одно и шапку! Мѣховая, казенная!..

— Много-ли тебѣ за нее?

— Рубликъ не дашь?

— Рубля много, а тридцать монетъ получай!..

— Давай! Куда ни шло! Наживай деньги!..

Продавъ полушубокъ и шапку, Яшка тутъ-же купилъ у бабы-торговки рваный пиджакъ и картузъ, и тотчасъ-же переоблачился въ нихъ.

— Преобразился еси!.. Теперь можно и стрѣльнуть!.. Кромѣ нужды въ деньгахъ, была и другая причина, заставившая Яшку сбыть казенную экипировку, чтобы по внѣшнему виду, по одеждѣ, никто не могъ догадаться, что онъ сидѣлъ въ пересыльной тюрьмѣ.

При взглядѣ на его казенный полушубокъ, всякій сторонился отъ него, какъ отъ чумы... А въ рубищѣ

больше и подаютъ!.. Не одинъ Яшка сбывалъ казенную экипировку: всѣ его товарищи по профессіи дѣлали тоже. На вырученныя отъ продажи полушубковъ деньги, въ чайномъ заведеніи началось безшабашное пьянство. Нѣкоторые пропойцы все спустили съ себя: бѣдняги остались въ однихъ только отрепьяхъ.

Вечеромъ Яшка отправился въ Порховской домъ трудолюбія, гдѣ за 2 копѣйки расположился на ночлегъ въ темномъ помѣщеніи, не имѣющемъ даже лампы. Утромъ многіе простаки, не сдавшіе на сохраненіе смотрителю оставшіеся гроши, встали въ пустыми карманами, будучи обобраны за ночь порховскими хулиганами. Но Яшка—старый воробей! онъ отдалъ свои два съ полтиной рубля смотрителю на сохраненіе.

Справивши новоселье, на другой день Яшка пошелъ стрѣльнуть въ городъ. Городъ Порховъ весьма неприглядный, грязный, большинство улицъ немощеныя, словомъ—одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ. Призадумался Яшка. Что тутъ дѣлать? Здѣсь и самимъ жрать нечего!.. Надо удирать отсюда, пока ноги тащатъ. Пошелъ онъ въ полицейское управленіе, гдѣ выправилъ, по своему желанію, проходное свидѣтельство въ городъ Боровичи.

Получивши свидѣтельство, онъ направился проселочной дорогой, но не на Боровичи, а въ Петербургъ... Возвращался онъ проселочной дорогой, въ разсчетѣ, что въ деревняхъ, стоящихъ на проселочныхъ дорогахъ, народъ добрѣе, и больше подаютъ, да и просить безопаснѣе. Дойдя до первой деревни, верстахъ въ 8 отъ Порхова, и настрѣлявши тамъ хлѣба, онъ попросился въ одной избѣ ночевать, гдѣ радушные хозяева

накормили, напоили его и уложили на печку спать. Утромъ, напившись хозяйскаго чаю, онъ отправился далѣе по полямъ и лѣсамъ, стрѣляя по деревнямъ хлѣбъ.

Стояло 10 град. морозу, холодно было Яшкѣ, руки и ноги у него окоченѣли, замерзнуть-бы ему въ полѣ среди снѣжныхъ сугробовъ, если-бы на его счастье не встрѣтилась ему по дорогѣ партія новобранцевъ, направлявшихся по призыву въ Порховъ, сопровождаемая бабами и молодухами, ревѣвшими и вопившими о сыновьяхъ, братьяхъ и мужьяхъ. Они обратили вниманіе на его жалкіе лохмотья, состоявшіе изъ пиджака и казенныхъ котовъ, дали ему для подкрѣпленія силъ водки и закуски. Стаканъ водки произвелъ на окоченѣвшаго бѣднягу свое дѣйствіе, онъ охмѣлѣлъ, ему захотѣлось еще выпить вина. Дойдя до деревни, гдѣ имѣлась «казенка», онъ не думая о покупкѣ какой-нибудь одежды, набросился на водку. Выпилъ сотку, вторую, третью и окончательно опьянѣлъ. Елееле выпросился у кого-то ночевать, и на другой день, опохмѣлившись, онъ пошелъ въ Лугу. Здѣсь онъ сообразилъ, что пѣшкомъ идти мѣшкотно, да и холодно, а нельзя-ли прикатить въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ «зайцемъ» или «слѣпенькимъ», т. е. даромъ, «на пушку», какъ выражаются босяки. Не долго думая, онъ забрался подъ скамейку перваго-же отходящаго поѣзда. Но на первой-же станціи былъ замѣченъ кондукторомъ.

— Эй, пріятель, вылѣзай-ка!..—сказалъ кондукторъ, вытаскивая Яшку за ногу.

— Сорвалось!..—равнодушно промолвилъ Яшка.

— Много васъ такихъ!..

— Чего тебѣ, жалко, что-ли? Все равно мѣсто подъ скамейкой зря пропадаетъ!..

— Пойдемъ къ оберъ-кондуктору!

На Преображенской станціи оберъ-кондукторъ первымъ дѣломъ спросилъ:

— Есть-ли паспортъ?

— Паспорта нѣтъ,—отвѣчалъ Яшка,—а есть проходное свидѣтельство!..

— Вотъ такихъ-то, съ проходными билетами, и страшно возить!—сказалъ оберъ-кондукторъ.

— Куда ты ѣдешь?

— Въ Гатчино...

— Къ кому?

— У меня братъ тамъ есть!—совралъ Яшка.

Оберъ-кондукторъ окинулъ Яшку съ ногъ до головы, покачалъ головой и произнесъ:

— Нечего дѣлать, довези его до Гатчины, не замерзать-же ему въ полѣ...

— Спасибо, благодѣтель... Вѣкъ не забуду!..

— Ступай!..

Пріѣхавъ въ Гатчино, Яшка первымъ дѣломъ пропустилъ «сотку» и, несмотря на усиленный надзоръ за нищими, пошелъ «стрѣлять» по лавкамъ, настрѣлялъ хлѣба, поѣлъ, и при 12 град. мороза поплелся въ Красное Село, гдѣ и обогрѣлся въ чайномъ заведеніи. Чтобы не попасть въ обходъ, въ руки полиціи, онъ тотчасъ-же отправился въ деревню Погорѣлово, гдѣ безопаснѣе. Здѣсь онъ остановился на постояломъ дворѣ за 3 копѣйки ночевать, гдѣ ему удалось у одного изъ ночлежниковъ украсть паспортъ на имя Иванова...

— Ну, вотъ, слава тебѣ, Господи!..—промолвилъ

Яшка.—Теперь у меня и паспортъ есть!.. Теперь я съ этимъ паспортомъ могу жить гдѣ угодно! И въ Питеръ могу явиться! Безопасно!..

Имѣя паспортъ, Яшка по дорогѣ въ Петербургъ сталъ искать себѣ мѣсто. Онъ слонялся отъ одного помѣщика къ другому, предлагая свои услуги, не надо ли работника или дворника.

Наконецъ, онъ поступилъ дворникомъ къ одному богатому помѣщику нѣмцу, жившему близъ Петербурга.

Поступивъ къ нѣмцу-помѣщику, въ качествѣ дворника, Яшка сразу-же расположилъ его къ себѣ—своею услужливостью, старательностью и умѣніемъ примѣниться къ нѣкоторымъ странностямъ характера своего хозяина. Но главною причиною благорасположенія помѣщика къ Яшкѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Нѣмецъ-помѣщикъ былъ большой оригиналъ и въ точности придерживался гигіеническаго образа жизни. Воду для своего самовара, напримѣръ, онъ выписывалъ издалека, изъ какой-то мѣстности, которая славилась превосходною ключевою водою, и очень дорожилъ ею, такъ-что не позволялъ ее пить никому изъ прислуги и держалъ подъ замкомъ, ключъ отъ котораго хранился у Яшки.

Идя какъ-то разъ по имѣнію, въ полуверстѣ отъ усадьбы, Яшка замѣтилъ кустъ, изъ котораго выскочилъ заяцъ, обратившій на себя его вниманіе. Яшка, полагая, нѣтъ-ли тутъ, подъ кустомъ, зайчатъ, подошелъ къ кусту и тщательно присмотрѣвшись, увидѣлъ въ срединѣ куста маленькій срубъ, врытый въ землю, и наполненный водою, но страшно запущенный и грязный. У Яшки мелькнула мысль, не родникъ-ли

это, и онъ принялся расчищать его, и шапкой отливать воду. Чѣмъ больше онъ отливалъ воду, тѣмъболѣе ея прибывало, а вода становилась чище. Онъ сразу смекнулъ, что это—запущенный родникъ.

При этомъ онъ тотчасъ же сообразилъ, что его открытіе—весьма важно для хозяина: не зачѣмъ будетъ выписывать воду издалека, когда свой родникъ подъ бокомъ. Онъ побѣжалъ къ хозяину, который только-что всталъ съ постели и умывался.

— Баринъ! воскликнулъ Яшка впопыхахъ.

— Что тебѣ? Спросилъ нѣмецъ.

— Я воду нашелъ!

— Какую воду?

— Да ключъ!..

— Да ты не пьянъ.

— Маковой росинки еще не было, баринъ! Гдѣ же спозаранку-то!

— Тогда веди скорѣе! Засуетился нѣмецъ и сталъ торопливо одѣваться. И пошли, захвативъ съ собой кувшинъ—для вновь открытой воды. Съ недоумѣніемъ смотрѣла жена на своего мужа: онъ оставилъ утренній чай и пошелъ съ Яшкой.

Вотъ они подходятъ къ источнику.

Яшка съ торжествующимъ видомъ, не произнеся ни слова, показалъ на землю рукою.

Нѣмецъ зачерпнулъ въ кувшинъ воды, посмотрѣлъ ее, понюхалъ и, отпивши немного, поставилъ кувшинъ на землю и, уставивъ глаза на Яшку, сказалъ, похлопавши его по плечу:

— Яковъ, ты золото.

— Нѣтъ, не золото!

— Ты у меня американецъ!..

И тутъ же далъ ему пятирублевый золотой.

— Это тебѣ за твое открытіе!

— Спасибо, баринъ. Я для васъ всегда готовъ постараться!..

Вернувшись съ полнымъ кувшиномъ къ себѣ домой, нѣмецъ заперъ кувшинъ въ шкафъ и послалъ Яшку, чтобы онъ позвалъ къ нему сосѣда по имѣнію, тоже нѣмца, по прибытіи котораго была собрана вся семья. Кувшинъ бережно былъ поставленъ на столъ и началась проба воды. Вода переливалась изъ стакана въ стаканъ, разсматривалась на свѣтъ и пробовалась на вкусъ.

Нѣмецъ ликовалъ и торжествующе смотрѣлъ на своего пріятеля-сосѣда.

— Ну, что скажете, Карлъ Карлычъ? Какова водица?

— Превосходная! Отвѣчалъ сосѣдъ.

— Откуда ты привезъ-то ее?

— Да зачѣмъ я ее буду привозить. У меня есть американецъ! сказалъ Карлъ Иванычъ, указывая на Яшку, который въ этотъ моментъ былъ почти на положеніи члена семьи.

Вода понравилась и сосѣду, такъ-что при всей нѣмецкой бережливости, Яшка и отъ него получилъ рубликъ.

И съ этого времени Яшка окончательно вошелъ въ милость и довѣріе хозяина, причемъ нѣмецъ иногда даже обращался къ Яшкѣ за совѣтомъ по хозяйству, что весьма было непріятно женѣ его.

Завелъ какъ-то разъ помѣщикъ, по примѣру своего сосѣда, у котораго дворникъ, дежуря до 3 часовъ ночи, ходилъ съ трещеткой, — новый порядокъ въ своемъ домѣ: приказалъ Яшкѣ тоже сдѣлать трещетку

и ходить съ нею по ночамъ, давая этимъ знать своему хозяину, что онъ не спитъ. Не понравилось это Яшкѣ, но онъ покорился. Надо цѣлую ночь сторожить, ходить и быть на чеку.

— Ладно-же, думаетъ американецъ, надоѣмъ я тебѣ трещеткой, и самъ будешь не радъ!

И дѣйствительно, въ первую-же ночь отправленія своей новой обязанности, въ глубокую полночь, убѣдившись, что всѣ спятъ, онъ произвелъ своей трещеткой первый опытъ. Подойдя тихо къ самымъ окнамъ хозяйской спальни, Яшка неистово затрещалъ своимъ сторожевымъ инструментомъ, и произвелъ сильный переполохъ въ семьѣ хозяина, спавшей до тѣхъ поръ безмятежнымъ сномъ сытаго помѣщика.

Неистово вертя своей трещеткой, онъ въ то же время наблюдалъ, какой эффектъ произвела она на спавшую семью помѣщика, и посматривалъ на окна, пока наконецъ выбѣжавшій въ одномъ нижнемъ бѣльѣ хозяинъ не унялъ его.

— Что ты дѣлаешь, болванъ?

— Что? Да стерегу! Невозмутимо отвѣчалъ Яшка.

— Да ты, у меня всѣхъ перебудилъ! Дѣтей перепугалъ!..

— По вашему приказу, баринъ!..

— Ломай сейчасъ же эту трещетку!

Карлъ Карловичъ дуракъ, и я дуракъ, что послушался его! Ломай, чтобы не было ея!

— Слава тебѣ, Господи! Вздохнулъ Яшка; скорехонько избавился я отъ напасти: теперь посплю вдоволь! Не надо по ночамъ бродить.

На другой день между пріятелями Карломъ Карловичемъ и Карломъ Ивановичемъ была сцена, послѣ ко-

торой они недѣли двѣ другъ съ другомъ не разговаривали.

Избавившись отъ трещетки Яшка не долго пользовался спокоемъ. Помѣщикъ придумалъ новый контроль: опять-таки по примѣру своего сосѣда, Карла Карловича, велѣлъ Яшкѣ каждый часъ дѣлать по одному выстрѣлу изъ ружья, чтобы пугать воровъ и давать знать, что онъ не спитъ, а бодрствуетъ.

Для этой цѣли отъ сосѣда принесено было старое ружье, и была произведена проба ружья, какъ давно не бывшаго въ употребленіи.

Заставили Яшку зарядить его. Хотя въ этомъ дѣлѣ Яшка былъ вполнѣ несвѣдущъ, но, чтобы не уронить себя въ глазахъ хозяина, не выдалъ себя не понимающимъ, и зарядилъ ружье по-своему, какъ Богъ на душу положитъ. Насыпалъ полный стволъ пороху, въ конецъ туго забилъ пыжъ, наложилъ пистоны и сказалъ:

— Готово, баринъ!

— Стрѣляй! Приказалъ хозяинъ.

Будучи заняты разговоромъ, оба пріятеля нѣмцы, не замѣтили, какъ Яшка заряжалъ ружье, а также и того, что прикладъ ружья не былъ упертъ въ плечо, а лежалъ поверхъ плеча.

Яшка нажалъ курокъ, раздался выстрѣлъ—и тутъ произошло нѣчто неописуемое.

Все окуталось пороховымъ дымомъ. Стволъ ружья оторвался и улетѣлъ впередъ, прикладъ же отдало назадъ и угодило въ хозяина на его счастье вскользь, стоявшаго позади Яшки, самъ Яшка лежалъ на землѣ.

Оба помѣщика и Яшка отдѣлались только испугомъ.

— Что, Яковъ, съ тобой!

— Ничего, баринъ, только гудитъ въ ушахъ.

— Ну такъ вставай! Моли Бога, что счастливо такъ отдѣлались.

— Да ты сколько пороху насыпалъ!

— Сколько! Сколько, влѣзло въ стволъ, столько и насыпалъ!

— Вотъ дуракъ-то! Сказалъ съ укоризною сосѣдъ хозяина, Карлъ Карловичъ.

— Ну, братъ, до сихъ поръ ты былъ у меня американцемъ, а теперь сталъ пошехонцемъ!

— И на старуху бываетъ проруха, баринъ! Вѣкъ ружья не видалъ!.. Да и къ чему мнѣ оно...

Послѣ его второй оказіи, хозяинъ отказался отъ всякаго ночного контроля и положился на совѣсть Яшки.

Но недолго прожилъ американецъ у помѣщика. Изъ боязни, что рано или поздно съ «куклимомъ» (т.-е. поддѣльнымъ паспортомъ) попадешься въ руки полиціи, онъ, улучивъ удобную минуту, цапнулъ у хозяина 200 рублей, и, оставивъ ему свой ворованный паспортъ, скрылся...

Прибывъ въ Петербургъ, онъ спустилъ всѣ деньги въ кутежахъ и попойкахъ со своими товарищами. Промотавъ всѣ деньги, занялся новымъ дѣломъ, рѣдко кому извѣстнымъ. Накупилъ пустыхъ бутылокъ изъ подъ казеннаго вина: сороковокъ и сотокъ, налилъ ихъ невскою водою, закупорилъ ихъ, запечаталъ ихъ сургучемъ, приложивъ, вмѣсто печати,—гдѣ гривенникъ, гдѣ пятиалтынный, смотря по величинѣ горлышка посудины. Потомъ засунулъ бутылки за голенища, за пазуху и отправился торговать водицей около казенныхъ винныхъ лавокъ.

Такъ какъ малолѣтнимъ дѣтямъ вино не отпускается въ лавкахъ, и воспрещенъ даже входъ въ лавку, то они, обыкновенно, просятъ перваго встрѣчнаго покупателя идущаго въ лавку, взять и для нихъ водку. Особенно много обращаются съ подобными просьбами мальчики и дѣвочки, посылаемые или пьяницами—родителями, или же подмастерьями разныхъ мастерскихъ. Вотъ этимъ то явленіемъ петербургской жизни американецъ и воспользовался...

Взявъ деньги, онъ входилъ въ винную лавку и черезъ нѣсколько времени возвращался оттуда; вынувъ изъ-за голенища посудину съ водкою, онъ вручаетъ ее юному покупателю и быстро исчезаетъ...

БЛАГОДѢТЕЛИ.

Въ 8 часовъ утра въ трактиръ «Веселая долина» входитъ босякъ, Сенька Безпалый, и, обращаясь къ «половому», спрашиваетъ, нѣтъ-ли писаря.

Половой спрашиваетъ:

— Зачѣмъ тебѣ?

— Благодѣтелямъ прошеніе написать!..

— О чемъ?

— Извѣстно, не денегъ въ долгъ даю, а самъ хочу просить!

Половой молча указалъ на сидѣвшаго въ отдѣльной комнатѣ, за чаемъ, невзрачнаго субъекта, который, по своему обыкновенію, поджидалъ кліентовъ.

Босякъ подходитъ нему и спрашиваетъ:

— Ты писарь будешь, что-ли?

— Я самый!..

— А прошеніе не слабо написать тебѣ?

— Да, не сослабитъ!—отвѣчаетъ писарь.

— А кому?

— Извѣстно, благодѣтелю!

— Какому?

— Графинѣ Помогаловой! Слыхалъ?

— Какъ не знать! Не разъ писалъ!.. Она подаетъ больше вещами, а денегъ ни-ни...

— Мнѣ все равно, чѣмъ взять-то!.. Вещами или деньгами!.. Такъ напиши, пожалуйста!

— Ладно, отчего-жъ!

— А сколько монетъ возьмешь?

— Тридцать монетъ! (т. е. тридцать копѣекъ).

— Да что ты, братъ, довольно тебѣ на сороковку!

— За сороковку и рукъ марать не стану!

— Я, братъ, такія прошенія закатывалъ, что по нимъ въ Сибирь ссылали!..

— Эво-на какой ты!

— Да-съ! Мала птичка, да коготокъ остеръ!

— Ну, что съ тобой подѣлаешь, строчи!

— Какое прошеніе-то?

— Извѣстно, просительное! Слезное.

Половой принесъ чернила, перо и бумагу, и писарь сталъ сочинять прошеніе. Писалъ онъ острымъ готическимъ почеркомъ и при этомъ страшно гримасничалъ.

— Да только ты пиши пожалостливѣе, да подлиннѣе.

— Во многоглаголаніи, братъ, нѣсть спасенія.

— Ну, пиши, какъ знаешь!..

И писарь продолжалъ выводить.

Пока онъ писалъ, Сенька Безпалый пилъ чай.

— Ну, вотъ, слушай!—сказалъ писарь, и сталъ читать прошеніе.

Ваше Сіятельство!

Находясь въ безвыходномъ положеніи, и будучи обремененъ семьею, и при неспособности къ физическому труду, я испытываю крайнюю нужду, граничащую съ нищетою, почему, зная ваше отзывчивое сердце, осмѣлюсь обратиться, съ упованіемъ на Господа, къ великодушію Вашего Сіятельства.

Остаюсь Семенъ Безпалый.

— Ну, что какъ?

— Ничего, хорошо? Только надо еще прибавить!

— Чего тебѣ?

— Напиши: жена больная, семеро дѣтей!

— Половой, слышавшій содержаніе прошенія, сказалъ босяку.

— Что ты врешь-то, Сенька! У тебя и жены-то никогда не бывало!.. Какая дура за тебя пойдетъ!.. Ея еще нѣтъ на свѣтѣ!.. Не родилась, подождать надо!..

— А тебѣ какое дѣло?

— Да пиши хоть десять женъ, мнѣ все равно!.. Я только такъ... Вѣдь уши вянутъ, слушая твое вранье.

— А ты помалкивай, пока тебѣ не всыпали!.. А то, братъ, такихъ банокъ да фанарей наставимъ, что небо съ овчинку покажется!.. Проваливай лучше, не мѣшай намъ, добрымъ молодцамъ, думу думати!..

— А какъ адресъ-то твой написать?

— Ну, пиши: Петербургская сторона, Плуталова улица, домъ №№, квартира №№.

Прошеніе запечатали и опустили въ почтовый ящикъ.

— Получай монеты-то!—сказалъ босякъ, подавая мелкое серебро писарю.

— Ну, желаю тебѣ успѣха! Коли тутъ дѣло не выгоритъ напишемъ на имя княгини Подаваловой!.. А то можно еще въ городскую думу на дрова подать. А то еще въ Человѣколюбивое общество на воспитаніе дѣтей!.. Да мало-ли куда!.. Толците, и обрящете!..

— Стой, стой, не все сразу!.. Ну, прощай...

— До свиданія!..

Прошло нѣсколько дней. Однажды вечеромъ къ дому №№, на Плуталовой улицѣ, подъѣхала карета съ лакеемъ на козлахъ. Лакей моментально соскочилъ съ козелъ и открылъ дверцы кареты, откуда вышла графиня Помогалова. Въ каретѣ лежалъ цѣлый ворохъ дѣтской одежды и валенокъ, приготовленныхъ для дѣтей Безпалова. Получивъ прошеніе, графиня рѣшила помочь бѣднымъ людямъ. Накупила дѣтскаго бѣлья, верхней одежды, валенокъ и сама повезла по указанному адресу. Она любила собственноручно оказывать помощь неимущимъ. Въ сопровожденіи лакея, она вошла во дворъ, гдѣ встрѣтила дворника, который разносилъ воду изъ бочки, привезенную изъ общественнаго водоема.

— Послушай, братецъ, здѣсь живетъ Семенъ Безпаловъ?

— Пожалуйте, вотъ его каморка!..

Входя въ эту каморку, графиня представляла себѣ, что встрѣтитъ сейчасъ бѣдное несчастное семейство: больную мать, семеро дѣтей и безпомощнаго мужа... Но каково же было ея удивленіе, когда, войдя въ ка-

морку, она увидѣла здоровенную краснощекую бабу, сожительницу босяка Сеньки Безпалова, которая сидѣла за столомъ, прохлаждаясь чаишкомъ и уписывая баранки.

— Кажется я не туда вошла?—спросила графиня.

Матрена вскочила со стула и бросилась къ графинѣ.

— Пожалуйте, пожалуйте, барынька!..

— Здѣсь подавали прошеніе на бѣдность?

— Здѣсь! А вы изъ какихъ будете?

— Графиня Помогалова!..

— Ахъ, милая барыня, спаси васъ Господь!.. Красное солнышко ты мое!.. Спасибо, что пріѣхали! Услышали насъ, грѣшныхъ, сиротъ бѣдныхъ!..

— Но гдѣ-же мужъ вашъ?—спросила графиня.

— Мужъ? Да онъ въ больницѣ лежитъ, захворалъ!.. На-дняхъ только отправили!..

— А дѣти гдѣ? Въ прошеніи просили на дѣтей? У васъ ихъ кажется семеро?

— Добрые люди взяли!.. Пока, чтобы не умерли съ голоду!..

— Большіе они у васъ?

— Нѣтъ, милая ты моя, малъ-мала меньше! Одному три года, другому—четыре, третьему пять, самому старшему десять лѣтъ!..

— Казиміръ, поди-ка принеси подарки дѣтямъ!—сказала графиня, обращаясь къ лакею.

Лакей подошелъ къ каретѣ и взялъ оттуда цѣлую охапку одежды, бѣлья и валенокъ для дѣтей.

— Вотъ я привезла вашимъ дѣткамъ!

— Спасибо, благодѣтельница! Пошли вамъ Господи всего хорошаго!

— Вотъ это младшему—рубашенка, штанишки, пальтишко и валенки.

— Петькѣ въ саму пору будетъ.

— А это, что постарше.

— Ванькѣ—въ самый разъ.

— Ну, вотъ распредѣлите сами.

— Спасибо, благодѣтельница! Вѣкъ не забуду!

— А это вотъ вамъ съ мужемъ—чай, сахаръ и три рубля денегъ.

Матрена поймала руку графини и стала цѣловать ее.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не люблю этого,—сказала графиня, брезгливо отдернувъ свою руку. Ну, прощай, милая!

— Спасибо, барыня! Пошли вамъ Господи всего хорошаго! Теперь хоть есть во что одѣть и обуть дѣтишекъ-то моихъ. Одежонка-то вся разносилась, рубашенки-то всѣ поистлѣли. Прощай, родная!

Лакей только что распахнулъ двери каморки, какъ съ графиней носъ къ носу встрѣтился пьяный субъектъ, въ мрачномъ настроеніи, который на весь дворъ кричалъ, грозя кулаками:

— Разнесу! Расшибу!

Это былъ Сенька Безпалый, возвращавшійся изъ трактира, сильно нагрузившійся монополькой.

— Разнесу! Расшибу!—кричалъ онъ, выписывая мыслете. Графиня взвизгнула и отскочила отъ дверей. На выручку ея подбѣжала Матрена, которая набросилась на своего сожителя.

— Да что ты, окаянный, али не видишь, что къ намъ благодѣтельница пріѣхала!

— Кто такая?

— Графиня Помогаева!

— Ваше сіятельство, помогите, жена больная, семеро дѣтей!—завопилъ Сенька.

Но графиня не слушала босяка, она машинально промолвила: «хорошо, хорошо», и затѣмъ, обратясь къ своему лакею, проговорила: «Казиміръ, выведи меня отсюда!» Лакей вывелъ свою барыню, торопливо усадилъ ее въ карету и они покатили домой.

Матрена и Сенька, оставшись наединѣ, стали считаться между собой.

— И какой чортъ тебя принесъ не во время! Такъ всѣхъ благодѣтелей отвадишь!

— Разнесу! Расшибу!—кричалъ Сенька, что есть силы ударивъ о столъ кулакомъ.

— Да ты погляди, сколько она намъ добра привезла—для нашихъ дѣтокъ.

— Ха, ха, ха, загоготалъ Сенька.—Здорово объегорили! Одежду и бѣлье завтра же перегонимъ на вино! Всякое даяніе—благо! Раздавлю!

На другой день Сенька и Матрена, взваливши на плечи узлы съ одеждой и бѣльемъ, рано утромъ побрели къ маклакамъ.

СТРАННИКЪ.

— Вотъ и Петроградъ сподобилъ меня Господь увидѣть!.. Господи, благослови!—говорилъ странникъ, подходя къ Московской заставѣ, истово крестясь. Одѣтъ онъ былъ въ длиннополый крестьянскій ар-

мякъ, подпоясавшись, въ сапогахъ съ высокими голенищами, за плечами—котомка, на которой былъ вышитъ крестъ, въ рукахъ—посохъ съ желѣзнымъ наконечникомъ и замысловатой, изогнутой ручкой, на которой вырѣзана лошадиная голова. Волоса были опущены до плечъ. У заставы, около Тріумфальныхъ воротъ, сидѣло нѣсколько оборванцевъ-босяковъ, которые глядѣли въ даль, на дорогу,—кто идетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ построена Николаевская желѣзная дорога, по Московскому шоссе больше ходятъ, чѣмъ ѣздятъ. Когда-то здѣсь процвѣталъ извозный промыселъ, когда-то постоялые дворы здѣсь работали на славу, но чугунка все задавила и все похоронила. Теперь по Московскому шоссе идутъ мужики на заработки въ Питеръ, пройдетъ странникъ, лѣниво протащится босякъ, высланный на родину и снова возвращающійся въ столицу, осторожно покажется какой-нибудь бродяга, промелькнетъ какой-нибудь прохожій человѣкъ. Все хорошее перекочевало на чугунку, а все худое: босяки, бродяги, рецидивисты, бѣжавшіе изъ Сибири и разные воровскіе люди по-прежнему гуляютъ по Московскому шоссе. По этому же шоссе возвращаются въ Питеръ и «Спиридоны-повороты», ломающіе этапъ. Лѣтомъ, въ Румянцевскомъ лѣсу, недалеко отъ заставы, кишмя кишатъ босяки, которые располагаются здѣсь для ночлега, подъ открытымъ небомъ.

— Господинъ городовой! Имѣю честь представиться!—сказалъ одинъ изъ «Спиридоновъ», шагая по шоссе.

— Чего тебѣ надо отъ меня?

— А въ прошломъ году вы меня забрали и отправили въ участокъ...

— Ну, такъ что-жъ?

— А изъ полицейскаго участка меня препроводили въ Домушку, а оттуда по-этапу на родину...

— Прекрасно!..

— Ну, такъ я заявляю, что я вернулся!.. Я тотъ самый, котораго вы забрали!..

Городовой махнулъ рукою и проговорилъ:

— Экіе озорники!.. Ступай, да только не попадайся! Потачки не дамъ!..

— Мы—вольные люди!..

— Здравствуйте, братцы!—сказалъ странникъ, обращаясь къ босякамъ, сидѣвшимъ у Тріумфальныхъ воротъ.

— Здравствуй, рабъ Божій!..

— Гдѣ-бы мнѣ здѣсь переночевать?

— Можно и на постояломъ дворѣ, можно и въ ночлежкѣ!..

— А далече отсюда ночлежка?

— Ночлежка-то? Далеко!

— Ну, тогда на постояломъ дворѣ...

— Ступай въ трактиръ «Разбитый горшокъ».

— Далече онъ?

— Вонъ, прямо, направо... Да пойдемъ съ нами, мы тоже туда идемъ...

— Спасибо, братцы!..

— Ты откуда, рабъ Божій, идешь?

— Изъ Сибири, милые...

— Изъ Сибири? Охо, хо, далеконько! Вишь, костыль-то у тебя какой, словно посохъ у архіерея...

— Это мой конь... Я съ нимъ тысячъ тридцать верстъ исколесилъ по всей Рассеѣ...

— Охо-хо, не мало! Неужели пѣшкомъ?

— По образу пѣшаго хожденія!..

— Гдѣ-же ты былъ, рабъ Божій?..

— А вы лучше спросите, гдѣ я не бывалъ!

— Э, долга пѣсня! Придемъ въ трактиръ, покалякаемъ...

На постояломъ дворѣ было много народу, преимущественно, проѣзжихъ крестьянъ... Когда странникъ пришелъ сюда, то невольно обратилъ на себя вниманіе присутствующихъ.

— Странникъ пришелъ!

— Человѣкъ Божій!..

Странникъ сѣлъ за отдѣльный столикъ, поставилъ въ уголъ свой костыль, снялъ съ плечъ свою котомку, досталъ оттуда жестяной чайникъ и потребовалъ кипятку. Принесли. Босяки сидѣли за другимъ столомъ, поодаль. Они тоже пили чай, продолжая разговаривать со странникомъ. Странникъ заварилъ своего чаю и досталъ изъ котомки своего сахару.

— Гдѣ-же ты, рабъ Божій, бывалъ!

— У Симеона Верхотурскаго, Ѳеодосія Углицкаго, у Тихона Задонскаго, бывалъ и въ Новомъ Іерусалимѣ, и въ Кіевѣ... до Австрійской границы доходилъ— въ Почаевскую лавру...

— Давно ты странствуешь?

— Двадцать лѣтъ, третій десятокъ пошелъ...

— И все пѣшкомъ?

— Вотъ на этомъ конѣ! И странникъ указалъ на свой посохъ.

— Хорошій конь!..

— Изъ вишневаго дерева вырѣзанъ посохъ-то!..

— Гдѣ ты его досталъ?

— На ярмаркѣ вымѣнялъ на божественную картинку... У малоросса одного!..

— Ты божественными картинками торгуешь?

— Нѣтъ, такъ кормлюсь только!.. Ночуешь въ какой-нибудь крестьянской избѣ, ну въ благодарность, на память, и подаришь какую-нибудь божественную картинку!..

— Ну, что, каково тамъ, въ Рассеѣ, нашему брату, бѣднякамъ, живется?..

— Зимогорамъ-то?..

— Зимогорамъ или босякамъ, — какъ хошь, называй!..

— Смотря по тому—гдѣ. Въ Сибири народъ добрый! Ночевать впускаютъ охотно. Мужики даже сами зазываютъ къ себѣ странниковъ въ избу. Идешь, бывало, по деревнѣ, выбѣгаетъ на дорогу мужикъ и говоритъ: рабъ Божій, зайди къ намъ ночевать!.. Ну, и зайдешь!

— Экая благодать! А здѣсь-то въ Питерѣ? За пятачекъ едва мѣсто найдешь себѣ въ ночлежкѣ!..

— Народъ тамъ благочестивый! Любитъ божественность!.. Вмѣсто платы, крестьяне просятъ почитать что нибудь.. Ну, возьмешь какую-нибудь книжку духовнаго содержанія... Семья присаживается къ столу... Бывало, на улицѣ мятель, вьюга, а ты сидишь себѣ въ теплой избѣ, да читаешь мужикамъ про что-нибудь божественное...

— А вѣдь это, братцы, хорошо!..

— Чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ народъ хуже...

Отъ тебя же наровятъ поживиться чѣмъ-нибудь... Мало того, тебя же и обворуютъ!..

— Да что ты?

— Вѣрно говорю!.. Вотъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи остановился я ночевать у одного мужика, за плату, конечно... Оставилъ у него въ избѣ котомку, а самъ на другой день пошелъ на базаръ. Вернулся съ базара, взялъ свою котомку, распрощался съ мужикомъ и пошелъ далѣе... Что-же вы думаете? Дошелъ до первой деревни, захотѣлось мнѣ чаю... А у меня полная жестянка была чаю... Хвать, а въ жестянкѣ-то чаю какъ не бывало... Все отсыпали, только на заварку оставили... Каково!

— Воры-то честные!..

— Пожалѣли раба Божьяго!

— На заварку, вишь, оставили!..

— Знаютъ, что въ дорогѣ трудно достать чаю: пожалѣли странника, не весь украли чай-то! Чуточку оставили...

— Да, чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ народъ и бѣднѣе!.. Бывало, заваришь чай-то, смотришь, хозяинъ къ тебѣ присаживается, хозяйка, придутъ знакомые— тѣ присаживаются... Да этакъ человѣкъ пятнадцать или около того и пьютъ твой чай... А спросишь: что-же, развѣ вы не имѣете своего чаю? — И, родимый, гдѣ намъ пить чай, мы и самовара-то не держимъ...

— Что-же, рабъ Божій, и въ Сибири есть свой чудотворецъ?

— Какъ-же!.. Преподобный Симеонъ Верхотурскій...

— Бывалъ тамъ?

— Подъ тѣмъ кедромъ стоялъ, подъ которымъ преподобный молился!..

— Поди-ка, кедръ-то большой сталъ!

— Вѣковой, стоитъ на берегу рѣки!..

— Странникъ порылся въ своей котомкѣ и досталъ оттуда кедровую вѣтку, хвою съ кедровой шишкой.

— Вотъ эта вѣтка съ того дерева!..

— Изъ Сибири, значитъ?

— Да. Самъ сорвалъ на память.

— А хорошо пахнетъ!

— Вишь, какое благоуханіе!

— Смолистый запахъ!..

— Сибирью, братцы, запахло... Вѣковыми кедрами, сосновыми лѣсами... А хорошо тамъ?

— Да, бывало, идешь, а по сторонамъ дороги, словно стѣна, подымается зеленое царство, непроходимыя дебри: темные пихты и кедры... Даже жутко становится! Снимешь шапку, и одинъ-то одинешенекъ помолишься Богу среди зеленаго моря... Кругомъ тишина! Идешь далѣе...

— А не опасливо, было, рабъ Божій, ходить?

— Всего бывало, да Богъ спасъ!..

— Что-же случилось съ тобой?

— Въ дорогѣ кого не встрѣтишь, въ особенности въ Сибири! И лихой человѣкъ попадется, и бѣглый каторжникъ...

— Вотъ какъ! И каторжниковъ встрѣчалъ?

— Сколько разъ!

— Куда-же они бѣгутъ?

— А изъ Сибири въ Рассею... иные на Петроградъ путь держатъ!..

— Не тронули тебя?

— Нѣтъ! Сказали, не бойся! Мы тебя не тронемъ! Мы, вѣдь, тоже люди, а не звѣри... Только покурить

попросили, да спросили, не видалъ-ли я въ ближайшей деревнѣ урядника!... Боятся, значитъ, полиціи-то...

— А что, страшные они?

— Нѣтъ. Только загорѣли очень!.. Лица-то темныя, что у цыганъ...

— А вѣдь бѣглые каторжники, братцы, по этому же шоссе идутъ въ Питеръ!..

— Какъ-же! Я ихъ видалъ! замѣтилъ одинъ изъ босяковъ.

— А это что у тебя за стклянка, рабъ Божій?

— А это масло изъ неугасимой лампады Ѳеодосія Углицкаго.

— А это?

— А это регальное масло со святой горы Аѳонской От всякихъ болѣзней помогаетъ!..

— А куда ты теперь идешь?

— Къ брату, милые, на свиданіе—послѣ тридцатилѣтней разлуки!..

— Ого, долго не видались!.. Поди-ка, не узнаетъ!..

— Мы пошли разными дорогами: ему счастіе повезло въ жизни, а мнѣ нѣтъ... А кто не принадлежитъ міру, тотъ принадлежитъ Богу... И вотъ я съ той поры скитаюсь по бѣлу свѣту...

— А что, рабъ Божій, много странниковъ скитается на святой Руси?

— Поди по монастырямъ, погляди!.. Вотъ сегодня переночую здѣсь, а завтра, Богъ дастъ, и на свиданіе—къ брату!..

ПОѢЗДКА ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

Бывали-ли вы въ Шлиссельбургѣ?

Прокатиться по красавицѣ Невѣ, отъ устья и до ея истока, очень интересно. На пристани, противъ Лѣтняго сада, вы садитесь на пароходъ, который часа черезъ четыре доставляетъ васъ въ старинный русскій городъ Орѣшекъ, или Шлиссельбургъ, какъ переименовалъ его Петръ Великій, Шлюшинъ то-жъ, какъ называетъ его простонародье.

По мѣрѣ приближенія къ Шлюшину, Нева становится шире и величавѣе. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до города, замѣтно, что съ озера повѣяло холодомъ и сыростью.

— Чуется близость Ладожскаго озера!

— Да! Вѣдь озеро громадное!

— Финскій заливъ питаетъ собою!

— А вотъ и Шлиссельбургъ! Вонъ—видите крѣпость.

На горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, словно изъ воды поднимаются суровыя стѣны старинной шведской крѣпости. Она стоитъ на маленькомъ островѣ. Вдали синѣетъ Ладожское озеро. Направо отъ озера, параллельно ему, тянется узенькая каемка воды, которая начинается отъ Невы: это—Александровскій каналъ, или Новая канава, какъ говорятъ мужики, еще правѣе тянется другая каемка воды: это—Петровскій каналъ, или Старая канава, по выраженію мужиковъ. Лѣтомъ,

во время навигаціи, въ Шлиссельбургѣ царитъ страшная сутолока. По обоимъ каналамъ съ береговъ Волги идутъ въ Петербургъ многія тысячи судовъ, преимущественно съ хлѣбнымъ грузомъ. Суда идутъ конною тягою. Одинъ конецъ длинной веревки подвязываютъ къ мачтѣ, а за другой конецъ ея тянутъ лошади—шестеркой, тремя тройками, и т. д., смотря по величинѣ груза. Понуривъ головы, съ выдающимися отъ худобы ребрами, низкорослыя лошаденки, запряженныя гуськомъ, лѣниво тянутъ барки. То и дѣло слышатся посвисты погонщиковъ, похлестывающихъ кнутами лошаденокъ.

Лошаденки всею тяжестью своего корпуса навалились впередъ и медленно тянутъ барку.

— Фу-фу-фи-фи!—артистически высвистываетъ погонщикъ, поощряя лошадей то самыми нѣжными именами, то крѣпкими ударами кнута.

Погонщикъ идетъ сбоку или сзади лошадей.

Новый каналъ, на протяженіи 103 верстъ, отъ Шлюшина до Ладоги, буквально сплошь бываетъ занятъ судами, которые тянутся погонщиками. Для передвиженія судовъ тягою на этомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ работаетъ до 7,000 лошадей. Кромѣ того, масса погонщиковъ, судовщиковъ, хозяевъ и т. п. Къ вечеру тяга прекращается, и погонщики на берегу Ладожскаго озера разводятъ костры, чтобы сварить себѣ кушанье, да кстати и погрѣться у огонька. Костры эти одинъ за однимъ тянутся далеко, далеко и пропадаютъ въ туманѣ. Налѣво—Ладожское озеро плещетъ своими волнами, и направо Александровскій каналъ, загроможденный судами — на тихой водѣ. Однако, сколько костровъ! Все костры, костры! Смотря

на нихъ, вы наглядно можете судить, сколько рукъ занято конною тягою судовъ. У Шлюшина конная тяга по каналамъ прекращается: отсюда суда идутъ въ Петербургъ уже на буксирѣ. Мужики-погонщики уступаютъ свое мѣсто пароходовладѣльцамъ и ихъ рабочимъ.

Такимъ образомъ въ Шлиссельбургѣ представители деревни соприкасаются съ представителями города—и тѣ, и другіе въ этомъ городѣ заняты передвиженіемъ грузовъ. Не легка эта работа—двинуть многіе милліоны пудовъ хлѣбнаго груза въ Питеръ, и много народа требуетъ она, въ особенности потому, что въ Шлиссельбургѣ допотопная конная тяга смѣняется паровою... Это, такъ сказать, бойкое перепутье, перекрестокъ.

Здѣсь мужицкая трудовая жизнь бьетъ бурнымъ ключемъ.

Не потому-ли въ Шлюшинѣ такъ много босяковъ?

Какъ только вы высадились съ парохода на пристань и идете въ городъ, васъ буквально осаждаетъ босая команда. Одѣты они въ рубищахъ, въ позеленѣвшихъ отъ безвременья пальто, въ опоркахъ. Волоса длинные, нестриженые, запущенные. На лицахъ проглядываетъ покорность своей судьбѣ. Цѣлый день они стоятъ на пристани и ожидаютъ, когда придутъ пароходы.

— Ваше благородіе, помогите бѣдному человѣку!

— Подайте на хлѣбъ!

— Подайте копѣечку!

— Помогите хоть сколько-нибудь!

Босяки окружаютъ васъ со всѣхъ сторонъ и преграждаютъ вамъ путь.

— Да пропустите-же!..

— Ваше благородіе, заставьте за васъ Богу молиться!.. Помогите, сколько можете!..

— Пропустите, а то я городового позову, или закричу караулъ!..

Босяки разступились въ сторону и напали на другую жертву. Какой-то господинъ подалъ одному босяку двугривенный. Въ мигъ это обстоятельство стало извѣстно многимъ другимъ босякамъ. Они побѣжали къ нему.

— Ваше благородіе, подайте бѣдному человѣку!

— Нѣтъ, ужъ больше нѣтъ мелкихъ...

— Ну, что? Стрѣльнулъ?—спрашиваетъ какая-то женщина одного босяка.

— Стрѣльнулъ!

— Много-ли далъ?

— Двугривенный...

— У кого?

— Вонъ господинъ идетъ!

Женщина побѣжала туда.

— Ваше благородіе, пожалѣйте несчастную женщину!..

— Чего тебѣ?

— Пожалѣйте несчастную женщину!

— Какъ тебя пожалѣть?

— Подайте копѣечку!..

— На!

— Пошли вамъ, Господи, всего хорошаго!

Подскакиваетъ новый босякъ.

— Ваше благородіе, а меня пожалѣете?

— Много васъ ужъ больно очень? Откуда вы?

— Мы—питерскіе!..

— Питерскіе? Какъ такъ?

— Очень просто! Изъ Питера насъ сюда высылаютъ по этапу для удостовѣренія личности, и здѣсь распускаютъ на всѣ четыре стороны, а мы этапъ ломаемъ...

— Что это значитъ?

— Опять въ Питеръ уходимъ, опять попадаемся въ руки полиціи, и насъ опять высылаютъ... Такъ, значитъ и путешествуемъ на казенный счетъ...

Каждый вторникъ этапные приходять сюда...

— Ванька вонъ нонѣ тридцатый этапъ сломалъ...— хвастливо заявляетъ церковный нищій съ суковатою палкою въ рукѣ.

— И ужъ убѣжалъ. Сперва на Колтыши, оттуда на Пороховые, а съ Пороховыхъ-то на Охту; такъ-то ближе—всего сорокъ двѣ версты, а по тракту-то шестьдесятъ верстъ выходитъ!..

— А Наташка двадцать первый этапъ ломаетъ!

— Кто она такая?

— Непутевая дѣвка! Бродяжка!..

— Я по грибы ходилъ—гривенникъ дали!

— Настрѣляешь больше!..

— А промокъ-то какъ!

— Вотъ настанутъ холода, махну въ Питеръ этапъ ломать! Чего здѣсь зимою-то дѣлать... Пустыня одна! Снѣга непроходимые. Ладожское озеро замерзнетъ. На каналахъ навигація прекратится. Жутко намъ станетъ здѣсь: надо въ Питеръ бѣжать!

ДѢТИ УЛИЦЫ.

„Въ ученьѣ".

Пыхтя и громыхая своими лапами-колесами, сороконогое чудовище подкатило къ Николаевскому вокзалу и остановилось. Пассажиры стали выходить изъ вагоновъ. Съ этимъ поѣздомъ прибылъ въ Петербургъ цѣлый транспортъ дѣтей, набранныхъ по деревнямъ Ярославской губерніи своими же мужиками, односельчанами, которые взялись отвезти и пристроить подростковъ въ Питерѣ, у земляковъ—въ какую-нибудь лавку или вообще въ торговое заведеніе. У каждаго мужика насчитывалось по десяти, пятнадцати и двадцати ребятишекъ, и такъ какъ дѣтей было много, то всѣ они были размѣщены въ трехъ вагонахъ. Кромѣ дѣтей, въ этихъ вагонахъ никого не было изъ посторонней публики. Ребятишки были одѣты въ валенкахъ, въ новыхъ полушубкахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Тутъ были и бѣловолосые, и голубоглазые, и черноглазые... Личики у всѣхъ свѣжія, румяныя; видно, что ребятишки росли въ деревнѣ, на привольѣ.

— Вотъ и Питеръ! Пріѣхали!

— Ну, ребята, выходи!..

— Мишка! Гришка! Ванька! Петька! выходите!..

— Сейчасъ, дяденька!..

— Васька, Миколка! вы что тамъ замѣшкали?

— Да вотъ узлы...

— Ну, ну, торопитесь!..

— Готовы...

— Все-ли забрали? Не оставили-ли чего?

— Все!..

— Ну, пойдемте!

Дяденька Василій велъ съ собою пятнадцать ребятишекъ, подобранныхъ всѣ одинъ къ одному, точно телята; каждому мальчугану было не меньше и не свыше отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ; даже набраны были ребятишки изъ одного села. Мужикъ Василій бывалъ въ Петербургѣ не разъ, и у него много здѣсь земляковъ знакомыхъ.

— Дядя Василій! народу-то сколько!.. Словно муравейникъ какой!..

— Да, Питеръ городъ большой! Ты думалъ, какъ у насъ Подлиповка или Погорѣловка!..

На другой-же день, не теряя времени, взявъ съ собою Сережу и Гришу, дядя Василій пошелъ съ ними къ своимъ землякамъ опредѣлять ихъ на «мѣсто», въ ученье. Былъ у него одинъ знакомый торговецъ, мясникъ, вотъ къ нему-то онъ и пришелъ.

Мясная лавка помѣщалась на углу, въ нижнемъ этажѣ. На дверяхъ прибита была вывѣска съ изображеніемъ свирѣпаго быка. На косякахъ дверей, съ улицы, развѣшены были битые глухари и зайцы—головою внизъ. На подоконникахъ разложены были на показъ куски мяса, телячьи ножки и мозги. Когда дядя Василій подходилъ къ лавкѣ, то «молодцы» стояли около дверей съ кружками чаю въ рукахъ.

— А, землякъ!

— Дядя Василій!

— Здравствуй! Давно не видались!

— Да, ровно годъ!..

— Ребятишекъ привезъ въ науку!..

— Привезъ малость!

— Сколько нынче?

— Пятнадцать человѣкъ!

— Давай, давай! У насъ одного требуется!

— Вотъ и прекрасно!.. Вишь, Сережка, какой ты счастливый... Сразу мѣсто тебѣ наклевывается!..

— Благодарствуйте, дяденька!..

— Нечего меня благодарить! Вотъ что хозяинъ скажетъ! Дома самъ онъ?

— Дома!

— Гдѣ?

— Въ лавкѣ, у кассы!.. Входи!..

— Здравствуйте, Иванъ Терентьевичъ!

— Здорово, землячокъ! Ну, что? Какъ тамъ у насъ?

— Въ Подлиповкѣ, али въ Угличѣ?

— На моей родинѣ—въ Подлиповкѣ!

— Неурожай!

— Плохо дѣло!

— Вотъ ребятишекъ-то и сбываютъ сюда, въ Питеръ!

— Много ихъ привезли?

— Много! Три вагона!

— Ого! Порядочно! А ты сколько?

— Я-то немного! Пятнадцать человѣкъ!

— Ничего! Разберутъ!

— Вамъ, Иванъ Терентьичъ, не требуется-ли?

— Да одного возьму.

— Котораго хотите?

— Все равно! Ну, хоть этого!

— Кланяйся, Сережка! Это—твой благодѣтель!..— Мальчуганъ поклонился.—Иванъ Терентьичъ—хорошій

человѣкъ, нашъ землякъ, ты къ нему поступишь въ ученье, на побѣгушки. Слушайся его.

— А условія какія?

— Обыкновенныя!

— Три года будешь жить у меня при лавкѣ—такъ, безъ жалованья, ну, а потомъ я положу тебѣ и жалованье, по своему усмотрѣнію!

— Ужъ Иванъ Терентьичъ тебя не обидитъ...

— Зачѣмъ обижать!

— Письменнаго условія не будетъ?

— Зачѣмъ! Мое слово крѣпкое! Не обижу, коли увижу, что человѣкъ стоитъ!

— Кланяйся, Сережка, своему благодѣтелю!

— Харчи у меня хорошія! Щи, каша!.. Одежа готовая! Сапоги!.. Чего еще!

— Мальчуганъ стоялъ, стоялъ, да какъ заплачетъ...

— Ты что это?

— Э! Красная дѣвица какая!

— Что ты нюни-то распустилъ! Чего губу-то развѣсилъ!

— Маму жалко!

— Такъ сидѣлъ бы въ деревнѣ, да держался за юбку своей матери... Вишь ты какой нѣженка!..

-- Плакса!..

— Ну, пускай поплачетъ! У него слезы-то дешевы!

— Сережка мало-по-малу унялся и пересталъ плакать.

— Ну-съ, такъ вотъ, Сереженька, ты поступаешь къ Ивану Терентьичу въ ученье! Слушайся его! Что прикажутъ тебѣ, все дѣлай безпрекословно!

— А что мнѣ придется работать? Можетъ не съумѣю!

— Да мало-ль работы найдется при лавкѣ! Работа простая, легкая!

— Всякій дуракъ ее сдѣлаетъ.

— А какая же?

— Провизію будешь разносить по квартирамъ! Да вотъ завтра увидишь!..

— Ну, спасибо, Иванъ Терентьичъ! Прощайте! Прощай, Сережа!..

— Прощай, дяденька! Поклонись отъ меня мамѣ!

— Ладно, ладно!..

Ученье Сережки состояло въ томъ, что онъ былъ на посылкахъ при лавкѣ, и присматривался къ порядкамъ торговли. Грамотѣ его и не думали обучать. На другой же день его заставили разносить купленый товаръ по квартирамъ.

— Сережка, снеси говядину!

— Куда?

— Астраханская улица, д. № 00, квартира № 00.

— Сережка, снеси варенье!

— Куда?

— Вмѣстѣ съ барыней пойдешь!

— Сережка, сбѣгай къ курятнику за дичью!..

— Сережка, сходи за деньгами! Получи расчетъ по книжкѣ!..

Цѣлыми днями Сережка былъ на побѣгушкахъ по разнымъ концамъ города. Хозяинъ наваливалъ на него работу сверхъ силы. Онъ изнемогалъ, и часто не имѣлъ физической силы исполнить приказаніе хозяина. Хозяинъ сердился на него, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ суровый, жестокій, то скоро сталъ давать волю своимъ рукамъ. На первый разъ, за какую-то вину, хозяинъ задалъ ему «волосянку», т. е.

попросту оттаскалъ его за волосы. Потомъ Сережка познакомился со «шлепаками», пинками и синяками. Наконецъ, однажды съ Сережкой случилось чрезвычайное происшествіе. Хозяинъ послалъ его на Щукинъ дворъ, во фруктовый рядъ, за банкой варенья. Сережка несъ, несъ это варенье на головѣ, поддерживалъ руками, рука устала, и онъ какъ-то нечаянно уронилъ банку съ вареньемъ на мостовую. Банка разбилась— и варенье расползлось по мостовой... Ужасъ обуялъ Сережку.

Онъ заплакалъ.

Что дѣлать?

— Нѣтъ, ужъ не вернусь больше къ хозяину: изобьетъ, какъ собаку!

И Сережка бѣжалъ.

Хозяинъ на другой день сдѣлалъ заявленіе полиціи, что изъ его лавки скрылся мальчикъ, неизвѣстно куда... И тѣмъ очистилъ свою совѣсть.

II.

„Безъ пріюта“...

Рѣшивши не возвращаться болѣе къ своему хозяину, Сережка пошелъ бродить по городу...

Со Щукина двора онъ вышелъ на Невскій проспектъ, повернулъ налѣво, пробираясь къ Адмиралтейству, при чемъ онъ останавливался и глазѣлъ почти передъ каждымъ магазиномъ. За зеркальными стеклами много было выставлено разныхъ диковинокъ! Все это надо было разсмотрѣть. Вотъ онъ пришелъ

къ Адмиралтейству. Тамъ въ саду бѣгало множество дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, въ сопровожденіи нянекъ и боннъ. Какія всѣ разодѣтыя, счастливыя!..

Сережка, чувствуя свое одиночество и заброшенность, сѣлъ на садовую скамейку и отдохнулъ...

— Гдѣ-то мнѣ сегодня ночевать придется!—подумалъ онъ.

— Ба! Садовая скамейка! Чѣмъ не ночлегъ для безпріютнаго!.. На нее можно лечь и заснуть!.. Вотъ развѣ сторожъ прогонитъ!

— Дяденька!—обратился онъ къ сторожу, расхаживавшему по саду съ метлой.

— Чего тебѣ, милый?..

— А этотъ садъ запирается на ночь!

— Разумѣется! Мало-ли тутъ васъ шелопаевъ по ночамъ шляется!.. Зачѣмъ тебѣ?

— А такъ! А есть въ Питерѣ сады, которые и на ночь открыты?

— Есть! Вотъ тебѣ для примѣра Александровскій паркъ... Зато тамъ по ночамъ бродяги шатаются!..

— Что они тамъ дѣлаютъ?

— А ночуютъ.

— Гдѣ?

— А подъ кустами, или на скамейкахъ!.. Лѣтомъ каждый кустикъ ночевать пуститъ, говорятъ они.

Сережка запомнилъ слова сторожа и пошелъ далѣе— на Сенатскую площадь. Здѣсь его вниманіе обратилъ на себя бронзовый всадникъ на конѣ. Сережка пошелъ далѣе, по набережной, и по Троицкому мосту повернулъ на Петербургскую сторону — въ Александровскій паркъ. Здѣсь онъ сѣлъ на садовую скамейку.

Между тѣмъ, начинало темнѣть.

Дѣти, гулявшія въ паркѣ, разошлись по домамъ. Публика тоже мало-по-малу разбрелась. И паркъ опустѣлъ. Только запоздалые гуляки въ полночь возвращались домой.

— Ночую-ка я на скамеечкѣ!—подумалъ Сережка и легъ на скамейку, свернувшись кренделемъ.

Усталый, измученный и голодный Сережка скоро заснулъ... Вдругъ ночью онъ разбуженъ былъ рычаніемъ льва.

— Господи! Что это такое? Звѣрь какой-то рычитъ! Экая сила!..

Сережка сталъ прислушиваться.

— А вотъ и волки завыли!.. Да, волки! Вой волковъ я знаю! Въ деревнѣ слыхалъ! Куда я попалъ?

Жутко стало Сережкѣ. Сережка не зналъ, что къ противоположному краю парка примыкаетъ «Зоологическій садъ», и что рычаніе льва и завываніе волковъ разносилось оттуда, изъ сада. Сережка сошелъ со скамейки и спрятался подъ кустомъ олешника, и тамъ заснулъ, прислонившись къ дереву.

На другой день онъ пошелъ къ церкви св. Троицы и сталъ на паперти, возлѣ одной старушки-нищенки. Церковь эта старинная, деревянная, и охотно посѣщается богомольцами. Нищихъ здѣсь собирается тоже много, и они стоятъ на паперти цѣлыми вереницами.

Сережка стоялъ и безсмысленно глядѣлъ на проходящую публику. Онъ не давалъ тебѣ отчета въ своемъ положеніи, но только чувствовалъ одно: ужасно ѣсть хочется!

— Дитятко! что-же ты не «стрѣляешь» — вдругъ надъ самымъ ухомъ Сережки раздался голосъ старухи-нищенки.

— Бабушка, развѣ здѣсь «стрѣляютъ»?

— А то какъ-же? Это все «стрѣлки»—нищая братія! Мы пришли сюда «стрѣлять», т. е. милостыню просить.—Понялъ?

— Понялъ, бабушка!

— Ну, вотъ, молодецъ! Я вижу, ты мальчикъ смышленый! Чѣмъ такъ-то стоять, стрѣляй!

— Да я, бабушка, не умѣю!..

— Я тебя научу!..

— Спасибо, бабушка!

— Какъ увидишь, что богомолецъ идетъ, почище одѣтый, ты возьми да руку-то и протяни—вотъ такъ!.. Подайте, молъ, милостыню Христа ради!

— Ладно, бабушка.

— Вонъ купецъ идетъ! Ну-ка, попробуй!

Когда купецъ поравнялся съ Сережкой, мальчуганъ протянулъ руку и застѣнчиво промолвилъ едва слышно:

— Подайте милостыньку Христа ради! Второй день ничего не ѣлъ!

Слова эти были произнесены съ такою дѣтскою наивностью, съ такою правдивостью, что купецъ подалъ маленькому нищему пятачокъ.

— Ого! Начало хорошее! ободрила старуха Сережку Вотъ на булку-то и хватитъ!

— Я страшно ѣсть хочу, бабушка.

— Да ты откуда?

— Отъ хозяина бѣжалъ!..

— Отчего?

— Худо жить—бьетъ!..

— Гдѣ-же ты ночевалъ?

— А въ паркѣ, на скамеечкѣ, бабушка!

— Бѣдный!

— Я ужъ къ хозяину теперь не пойду!

— Не ходи, не ходи, дитятко! Еще пуще изобьетъ...

— Вотъ, какъ жить, не знаю!

— А стрѣляй.!.

Въ это время проходила въ церковъ какая-то прилично одѣтая дама. Сережка протянулъ руку и промолвилъ:

— Подайте Христа ради!

Дама подала копѣйку!

— А ночевать-то гдѣ? Въ паркѣ-то на скамейкѣ опасно!..

— И даже очень опасно, я тебѣ скажу! могутъ фараоны забрать въ участокъ. Ты ихъ бойся! они и за прошеніе милостыни тоже забираютъ!..

— Ну, вотъ! Гдѣ-жъ мнѣ ночевать?

— А дома такіе есть—для безпріютныхъ, ночлежками называются!

— Это хорошо! Чѣмъ на скамейкѣ или подъ деревомъ спать, лучше я въ ночлежку пойду!..

— Разумѣется, коли деньги есть!

— А дорого тамъ берутъ за ночлегъ?

— Пятачекъ!..

— Недорого!.. А гдѣ, бабушка, ночлежка-то? Какъ туда пробраться-то?

— А я тебѣ скажу!

Въ это время на паперть пришелъ нищій, который никогда здѣсь не бывалъ: новичекъ. Старые нищіе, которые стоятъ на этой паперти давно, по нѣскольку лѣтъ, всѣ окрысились на него и закричали на него въ одинъ голосъ.

— Ступай, ступай, ступай отсюда! Проваливай! И

безъ тебя тѣсно! Что пришелъ? Доходъ отбивать!.. Не уйдешь добромъ, прогонимъ силою!

И новичекъ-нищій отошелъ отъ церкви и сталъ поодаль.

— Уходи совсѣмъ! Нечего тутъ стоять!..

И нищій ушелъ.

Сережку нищіе приняли въ свое общество безъ спора—во вниманіе къ его малолѣтству. Да кромѣ того, его взяла подъ свое покровительство нищенка старуха.

Сережка сталъ знакомиться съ нищей братіей, стоявшей на паперти. Прежде всего, его вниманіе остановилъ на себѣ слѣпой Костя, который, выпрашивая милостыню, ходилъ съ поводыремъ, держась за палку. Сережка замѣтилъ, что Костя искуссно притворялся слѣпцомъ.

Потомъ онъ узналъ, что у горбуна, которому прохожіе охотно подавали, фальшивый горбъ: вмѣсто горба у него напиханъ на спинѣ цѣлый ворохъ пакли!.. Мнимый горбунъ, отправляясь «стрѣлять», всегда сооружалъ на своей спинѣ горбъ—при помощи пакли...

— Горбатаго одна только могила исправитъ,—посмѣивались между собою нищіе.

Узналъ также Сережка, что нищіе калѣки тоже искуссно притворяются: хромыми, безрукими и проч.

— Гдѣ, бабушка, ночлежки есть?

— На Сѣнномъ рынкѣ, на Обводномъ каналѣ, на Калашниковской пристани.

— Туда всѣхъ впускаютъ?

— Всѣхъ, и даже дѣтей!

— Теперь у меня деньги есть. Я могу туда идти!

— Много-ли настрѣлялъ?

— Двадцать копѣекъ!

— Пятачокъ за ночлегъ, остальное—на ѣду!

— Я, бабушка, пойду!

— Ступай, дитятко! По дорогѣ еще стрѣльни! Только осторожнѣе! Фараонамъ не попадись! А завтра изъ ночлежки приходи сюда!.. На паперть! Вмѣстѣ пострѣляемъ!..

— Хорошо!..

— Прощай, дитятко!

— Прощай, бабушка!

По дорогѣ въ ночлежку, Сережка познакомился случайно съ однимъ мальчикомъ Антошкой.

— Ты куда?

— Въ ночлежку!

— У тебя есть мать?

— Нѣту!

— А отецъ?

— Нѣтъ! Умерли!

— Круглый сирота, значитъ!

— Никого нѣтъ!

— Гдѣ-жъ ты жилъ раньше?

— У знакомыхъ, а теперь прогнали на всѣ четыре стороны! Иди, говорятъ, куда хочешь?

— Пойдемъ вмѣстѣ въ ночлежку!

— Пойдемъ!..

— А завтра станемъ стрѣлять!

— Стрѣлять! Что это значитъ?

— Я тебя научу!..

— Спасибо!..

— Дай руку, Антоша! Я вѣдь еще ничего не ѣлъ со вчерашняго дня!

— А у меня французская булка есть! На возьми!..

И Сережка съ жадностью набросился на булку.

III.
Въ ночлежкѣ.

Не мало въ Петербургѣ есть людей, которые не знаютъ, гдѣ голову приклонить! Досадно въ самомъ дѣлѣ, и звѣрь имѣетъ логовище, и птица—гнѣздо, а человѣкъ, разумное Божье созданье, нерѣдко, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, утромъ не знаетъ, гдѣ онъ будетъ ночевать вечеромъ. Въ столицѣ такъ много колоссальныхъ каменныхъ домовъ, и однако, случается, и довольно часто, что человѣкъ, выброшенный на улицу, принужденъ бываетъ ночевать, гдѣ-нибудь на садовой скамейкѣ, или подъ кустомъ дерева. Многія сотни, и даже тысячи безпріютнаго люда ночуютъ въ Петербургѣ въ ночлежныхъ пріютахъ.

Сережка вмѣстѣ съ Антошкой бодро шагали, направляясь въ ночлежный домъ.

Хотя «ночлежка» открывается для «почтеннѣйшей публики» въ 6 часовъ вечера, но посѣтители ея стали стекаться сюда уже съ 3 часовъ пополудни, чтобы занять мѣста. Первыми пришли женщины: нищенки, побирушки, бродяжки и мелкія поденщицы. Онѣ сѣли рядкомъ на панели, въ очередь, и принялись судачить... Потомъ пришли нищіе-калѣки и странники. Они заняли свою очередь—позади женщинъ. Часамъ къ пяти собралась разная сѣрая публика, мужичье, не имѣющее работы, поденщики и проч.

Всѣ они стояли въ очередь.

Сережка и Антошка пришли послѣ всѣхъ и стали въ хвостѣ. Въ ожиданіи впуска разношерстная публика разговаривали, кто во что гораздъ.

— А что, Пафнутичъ, много-ли ты сапогъ изнашиваешь въ годъ?—спросила какая-то бродяжка у нищаго съ деревянной ногой.

— Да ты, Степановна, я вижу воструха!

— Да что... вѣдь не даромъ говорится, что нѣтъ худа безъ добра...

— Да вотъ бы теперь касательно меня... Одну пару сапогъ два года ношу... потому одна нога деревянная... экономія, значитъ...

— Вишь ты, какія хоромы соорудили для нашего брата!..

— Ты про ночлежку-то?

— Да!..

— Палаты каменныя!

— Сорокъ оконъ по фасаду насчитываемъ!

— Старинное зданіе!.. Говорятъ, ломать скоро будутъ!.. Мѣсто-то купилъ какой-то богачъ, милліонеръ...

— Давно пора! Насквозь промозгло отъ сырости!..

— А сколько нашего брата здѣсь помѣщается?

— Да около тысячи человѣкъ!

— Неужто?

— Правда! Да ты погляди, вѣдь эти палаты выходятъ на четыре улицы.

— Ребята, глядите-ка, кто-то на четверенькахъ ползетъ...

— Калѣка...

— Словно черепаха!

По панели медленно двигалось человѣческое существо. Ноги его были ампутированы выше колѣнъ, и потому онъ могъ передвигаться съ мѣста на мѣсто при помощи рукъ. Издали онъ походилъ на четверо-

ногое животное. Въ рукахъ у него были двѣ деревянныя дощечки, на которыя онъ опирался во время ходьбы. На спинѣ былъ укрѣпленъ холщевый мѣшокъ съ вещами, который страшно безобразилъ всю его фигуру: казалось, что онъ не только безногій, но и горбатый. При встрѣчѣ съ нимъ всякій прохожій изъ жалости бросалъ ему монету. Тогда калѣка становился, садился и подбиралъ поданную ему милостыню. Дѣти боялись его.

Когда калѣка подошелъ къ ночлежкѣ, босяки дали ему дорогу и пустили впередъ, не въ очередь.

— Эй, дѣдко, становись впереди! Вотъ тутъ!

— Спасибо, братцы!

Говорятъ, страданіе краситъ людей. Лицо у этого старика-калѣки было очень осмысленно, пріятное.

— Сегодня безплатный впускъ!

— Врешь!

— Правда!

— Ты почемъ знаешь?

— Вдова какая-то пріѣзжала и внесла деньги за упокой мужа.

— На поминъ души раба Божія Іоанна...

— Смотритель кисель варитъ!

— Говядины два пуда купили! Свѣжія щи будутъ!

— То-то запируемъ!

— У меня аппетитъ волчій! Давно не ѣдалъ, какъ слѣдуетъ!

— Слышишь, Антошка, щи будутъ и кисель!

— Слышу! — отвѣчалъ Антошка.

— Спасибо добрымъ людямъ!..

Толпа росла и росла. Становились другъ другу въ затылокъ, строго соблюдая очередь.

Ночлежники выстроились длинною вереницею, хвостъ которой скрылся гдѣ-то за угломъ.

— Эхъ сколько ихъ!—сказалъ прохожій и пошелъ далѣе.

Пробило шесть часовъ.

— Сейчасъ впускать будутъ!

Щелкнула задвижка, и калитка распахнулась.

— Ну, ребята, входи!—сказалъ смотритель.—Только у меня въ пріютѣ не пакостить, не озорничать, а то вонъ выведу!

— Не сумлѣвайтесь, будьте спокойны!

— Сегодня безплатный впускъ, щи и кисель!

— Знаемъ, знаемъ!—Отвѣтила толпа.

Ночлежники подходили къ окошечку, за которымъ сидѣлъ смотритель, и получали билеты. Затѣмъ каждый изъ нихъ шелъ въ помѣщеніе пріюта и занималъ на нарахъ соотвѣтственное занумерованное мѣсто. Сережкѣ попался 501 номеръ, а Антошкѣ 502-й.

Двустороннія деревянныя нары тянулись посреди ночлежки и раздѣлялись на №№. Каждый номеръ занималъ собою пространство въ аршинъ шириною и аршина три длины. Въ изголовьѣ подымалась доска, куда можно было положить свою одежду.

Нары окрашены охрою. И во избѣжаніе надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, ихъ каждый день моютъ горячею водою съ мыломъ—послѣ ухода ночлежниковъ.

— А что не дурно здѣсь!—сказалъ Антошка.

— Все лучше, чѣмъ на улицѣ, въ паркѣ, на скамейкѣ!..

— Али подъ открытымъ небомъ!

— Али въ оврагѣ!—Подхватилъ кой-кто изъ ночлежниковъ.

— Смотри-ка, Антошка! вонъ тамъ еще есть мальчики!

— Не мы одни!

— Должно быть, такіе же, какъ мы съ тобой!..

— Э! да тутъ и дѣти есть! — Сказалъ проходившій мимо наръ старикъ.

— Ты, бѣлобрысый, какъ попалъ сюда?

— Я, дѣдушка, отъ хозяина убѣгъ...

— Отчего?

— Больно дерется!

— А ты?

— У меня родителей нѣту!

— Сирота, значитъ?

— А какъ тебя зовутъ?

— Антошка!

— А тебя?

— Сережка!..

— Ну, мои дѣточки, пойдемте-ка ужинать!

— Ребята! въ столовую!—сказалъ смотритель.

— Не всѣ за разъ! Партіями! Мѣстовъ не хватаетъ!

Небольшими партіями, человѣкъ по двадцати, ночлежники входили въ столовую и принимались сперва за щи, а потомъ за кисель.

На стѣнахъ ночлежнаго дома вывѣшено было объявленіе: «За упокой раба Божія Іоанна».

Ночлежники поминали его, крестясь:

— Помяни, Господи, раба Божія Іоанна!

— Да будетъ земля ему пухомъ!

— Вѣчная память ему!

— А вы, ребятки, что-жъ не помянете? Дѣтская молитва скорѣе дойдетъ до Бога, чѣмъ отъ насъ грѣшныхъ!..

— Помяни, Господи, душу раба Божія Іоанна!..— проговорили мальчуганы, сдѣлавъ крестное знаменье. Послѣ голодовки Сережка наѣлся досыта.

Послѣ ужина, ночлежники пропѣли хоромъ общую молитву: «Отче нашъ», «Вѣрую», «Спаси Господи люди Твоя» и улеглись спать. Долго они разговаривали, пока не угомонились.

Сережка и Антошка свернулись кренделемъ и заснули крѣпкимъ сномъ.

На другой день утромъ смотритель будилъ ночлежниковъ.

— Эй, милліонщики! Вставайте!

— Пора стрѣлять идти!

— Сегодня суббота!

— По субботамъ подаютъ!..

— Извѣстно, суббота—праздникъ нищихъ.

— Сережа, вставай! Вишь, разнѣжился какъ...

— Тепло здѣсь и не дуетъ! Не то, что въ Александровскомъ паркѣ, на скамейкѣ, али подъ кустомъ около дерева...

— Пойдемъ стрѣлять, Сережа! — Будилъ своего товарища Антошка.

— Я пойду на Петербургскую сторону, къ знакомой старушкѣ, пойдемъ и ты со мной, Антоша!

— Ладно!..

— А ты, дѣдушка, куда?

— Извѣстно куда! Къ церковнымъ дверямъ — въ притворѣ!.. Къ Миронію... Пятнадцать лѣтъ тамъ стою... Благочестивые богомольцы, подаютъ... Отворишь двери-то, глядишь, копѣечку въ руку и суютъ...

— И не просишь?

— Нѣтъ! Сами подаютъ!.. Догадываются...

— Хорошее мѣсто!

— Доходное!

— И фараоны не заберутъ!

— Благочестивое мѣсто!

— Чего лучше! При храмѣ Божіемъ!

Формы прошенія милостыни у петербургскихъ нищихъ весьма разнообразны. Самый невинный способъ это—стоять у церковныхъ дверей и отворять ихъ, когда въ церковь идетъ богомолецъ. Обыкновенно, у церковныхъ дверей стоитъ какой-нибудь благообразный сѣдой старичекъ, который чрезвычайно услужливо отворяетъ двери каждому прохожему, идущему въ церьковь, или выходящему изъ нея. Конечно, кто подогадливѣе, тотъ пойметъ, что услужливость старичка требуетъ подачки. И благочестивые богомольцы подаютъ ему копѣечку. Благообразный старичекъ одною рукою отворяетъ двери, а другою собираетъ копѣечки за свою небольшую услугу. Конечно, много разъ ему приходится отворять двери и даромъ, но нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и подастъ копѣечку!..

Напившись чаю въ ночлежкѣ, двое пріятелей, Сережка и Антошка, пошли въ Троицкій соборъ, что на Петербургской сторонѣ. Тамъ на паперти старуха уже давно поджидала Сережку.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, мой милый! Ну, что? Какъ ночевалъ?

— Ничего, хорошо! Безплатный впускъ былъ, щи и кисель!..

— Ну, вотъ видишь, какой ты счастливый! А это кто?

— Это Антоша! Мой товарищъ, такой-же, какъ я!..

— Здравствуй Антоша!

— Здравствуй, бабушка!..

Ну, вотъ, ребята, станемъ стрѣлять втроемъ! Вы будете, какъ мои дѣти! Али внучки!.. Такъ-то больше подадутъ! Всякій прохожій станетъ жалѣть!.. И подастъ!..

Затѣмъ старуха стала посвящать маленькихъ нищихъ въ тайны нищенскаго промысла. По ея словамъ, «*стойкой*» называется такой способъ прошенія милостыни, когда нищій стоитъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь около забора, чтобы городовой не видалъ, въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстечкѣ. Это самый обыкновенный способъ прошенія милостыни.

Въ противоположность «стойкѣ», «*ходомъ*» означаетъ идти, куда глаза глядятъ, и выпрашивать милостыню у встрѣчныхъ прохожихъ.

«*Сѣсть на якорь*» значитъ просить милостыню, сидя на голой землѣ, а зимою на снѣгу, притворяясь безногимъ или безрукимъ калѣкой, или глухонѣмымъ. Иногда нищій опускается на колѣни, передъ собою на землю кладетъ свою шапку, а въ шапку для почина—копѣйку денегъ. Всякому мимо идущему прохожему онъ молчаливо кланяется и крестится. Чтобы «сѣсть на якорь», отъ нищаго требуется смѣлость и умѣнье хорошо притворяться. Сидя на якорѣ, легко можно попасться въ руки городового.

«*Круговая*» бываетъ въ субботу, когда нищіе обходятъ безъ разбора всѣ лавки и просятъ милостыню у всѣхъ православныхъ христіанъ.

Суббота — праздникъ нищихъ, говорятъ бѣдняки. Нѣтъ такой лавки или торговаго заведенія, гдѣ бы нищимъ отказывали по субботамъ. За то въ остальные дни недѣли многіе имъ отказываютъ, говоря:

— У насъ по субботамъ подаютъ!..

— Не прогнѣвайтесь!..

Сережка и Антошка день проводили или на улицѣ, или на церковной паперти, занимаясь вмѣстѣ со старухою стрѣльбою, а на ночь отправлялись ночевать въ ночлежку. Имъ подавали хорошо. Прохожіе жалѣли и ребятишекъ, и старуху, и частенько таки раскошеливались—при видѣ ихъ. Но старуха львиную долю подачки брала себѣ, а ребятишкамъ выдавала только на самое необходимое: на ночлегъ, и чтобы не умереть съ голоду. Мало-по-малу Сережка и Антошка стали привыкать къ безпріютной, скитальческой жизни: день—на улицѣ, а ночь—въ ночлежкѣ. Тамъ они встрѣтили много такихъ-же безпріютныхъ дѣтей, какъ и они, которыя тоже занимались «стрѣльбою». Ребятишки невольно подумали, что не они одни мыкаются по ночлежкамъ, а вонъ сколько въ Питерѣ дѣтей, такихъ-же, какъ они.

На міру и смерть красна!..

Все это—погибшія или погибающія дѣти, безъ всякаго призора, предоставленныя самимъ себѣ и разнымъ случайностямъ уличной жизни, и съ малолѣтства промышляющія нищенствомъ. Изъ нихъ нѣкоторыя, кромѣ «стрѣльбы», занимались еще и мелкимъ воровствомъ: ходили на Щукинъ дворъ воровать яблоки, или на Васильевскій островъ, на пароходную пристань — воровать апельсины, конифоль и проч.

Осенью, во время фруктоваго развала, цѣлыя ватаги маленькихъ воришекъ расхаживаютъ на Щукиномъ дворѣ и высматриваютъ, нѣтъ-ли чѣмъ поживиться. Чуть прикащики зазѣвались или заговорили съ покупателями, глядишь, рука мальчишки уже очутилась

въ корзинѣ съ яблоками и моментально тащитъ оттуда нѣсколько яблокъ...

Поймавъ воришку на мѣстѣ преступленія, приказчики отдерутъ его за уши и прогонятъ прочь. Среди безпріютныхъ дѣтей есть и такія «лакомки», которыя приходятъ на Щукинъ дворъ, чтобы подбирать выброшенныя гнилыя яблоки и «пельцыны», которые они поѣдаютъ тутъ-же, на Щукиномъ дворѣ, съ превеликимъ удовольствіемъ, хотя «пельцыны» испортились уже до того, что позеленѣли отъ времени.

— А что, Сережа! Теперь мы можемъ и сами стрѣлять—безъ старухи!..—сказалъ Антошка.

— А вѣдь, и правда!..

— Зачѣмъ намъ старуха!

— Теперь она намъ не нужна! Сами умѣемъ!

— Ты замѣтилъ, впрошлый разъ мы настрѣляли втроемъ-то больше рубля, а она намъ дала только по двугривенному, а остальное все себѣ взяла...

— Старая корга!..

— Любитъ обманывать маленькихъ!

— Мы не пойдемъ къ ней, сами будемъ стрѣлять! Больше достанемъ!

— Вѣстимо!..

— Вотъ если-бы она ночевать къ себѣ пускала, а то все-равно приходится бѣгать въ ночлежку!..

— Вотъ какъ-бы фараоны не забрали!..

— А ты думаешь, старуха не попадалась!.. Она сказывала, что два раза сидѣла въ нищенскомъ комитетѣ.

— А что тамъ дѣлаютъ?

— Работаютъ!

— Какую работу?

— Пеньку щиплютъ!..

Съ этого времени Сережка и Антошка промышляли вдвоемъ. Къ старухѣ они уже не ходили. Станутъ гдѣ-нибудь на улицѣ, поодаль другъ отъ друга, и выпрашиваютъ милостыню у прохожихъ.

— Подайте милостыньку Христа ради!

— Добрый баринъ, подайте на хлѣбъ!..

Долго стоятъ мальчуганы, пока не устанутъ.

— Ты сколько, Антоша, настрѣлялъ?

— Я? Двадцать пять копѣекъ!

— А ты?

— Тридцать копѣекъ!

— Ну что-жъ? Довольно съ насъ!

— Хватитъ!

— Пойдемъ обѣдать!

— А куда?

— Куда! Конечно, гдѣ богатые люди обѣдаютъ!

— Въ Городскую дешевую столовую!

— Разумѣется!

Въ этой столовой обѣдаетъ бѣдный людъ, и кушанья здѣсь продаются самыя дешевыя, дешевле которыхъ въ Петербургѣ нѣтъ.

Войдя въ столовую, мальчуганы взяли билетики.

— Мы съ тобой, Антоша, возьмемъ одну порцію на двоихъ: довольно съ насъ?

— Конечно!

— Позвольте намъ порцію щей!

— Три копѣйки!

— Порцію каши!

— Три копѣйки!

— Хлѣба фунтъ!

— Двѣ копѣйки!..

Мальчуганы сѣли за столъ, рядомъ съ такими-же безпріютными бѣдняками, какъ и они, и пообѣдали. Въ столовой было много народу—большинство занимались стрѣльбою.

— А что не попить-ли намъ чайку?

— Отчего-жъ?

— Вѣдь, не дорого?

— Двѣ копѣйки кружка! И кусокъ сахару!

Стали пить чай.

Когда заблаговѣстили ко всенощной, то съ улицы прибѣжалъ какой-то нищій и крикнулъ на всю столовую:

— Ребята! пора стрѣлять идти! Ко всенощной благовѣстятъ!..

Нищіе поспѣшно стали выходить изъ столовой, разговаривая между собою.

— Ты куда?

— Я къ Исаакію.

— А ты?

— Я въ Казанскій соборъ!..

— Пойдемъ, Сережа и мы!

— Гдѣ намъ «стрѣльнуть»?

— Ну, станемъ хоть къ Спасу на Сѣнной! Тамъ, говорятъ, хорошо подаютъ!

— Идемъ!.. Тамъ купцовъ много!..

— Подайте милостыньку Христа ради!

— Добрая барыня, подайте ради праздничка!

Вытянувъ руку, на распѣвъ выпрашивали милостыню Сережка и Антошка. Имъ подавали. По окончаніи всенощнаго богослуженія, мальчишки поплелись въ ночлежный домъ, и заснули тамъ крѣпкимъ сномъ.

IV.

Праздникъ у нищихъ.

Наканунѣ Рождественскихъ праздниковъ на всѣхъ вокзалахъ и на всѣхъ заставахъ Петербурга замѣтно особое оживленіе: съѣзжаются и плетутся по шоссе на предпраздничный промыселъ масса нищей братіи. Есть между ними старики, молодые парни, женщины съ дѣтьми, не умѣющими отличить правой руки отъ лѣвой, калѣки, слѣпцы и проч. Тамъ и сямъ на улицахъ столицы появляются новые свѣжіе типы и типики, къ которымъ наметавшійся глазъ петербуржца еще не успѣлъ привыкнуть. Вонъ ковыляетъ по улицѣ хромой нищій, съ огромнымъ «боковикомъ» черезъ плечо, наполненнымъ кусочками хлѣба; по всему видно, что онъ недавно пришелъ изъ деревни на заработокъ—по случаю праздниковъ; онъ ходитъ съ обнаженной головой, длинные волосы предохраняютъ его голову отъ холода; одѣтъ онъ въ армякѣ; ходитъ, опираясь на костыль, и при этомъ какъ-то нервно вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, кажется, что ходьба доставляетъ для него большой трудъ.

Встрѣчные прохожіе охотно подаютъ ему изъ сострацанія. Получивъ подаяніе, онъ набожно крестится. А вонъ около Гостинаго двора, на ступеняхъ, сидитъ человѣческое существо съ какими-то странными ногами, обверченными въ тряпье. Онъ даже и не проситъ милостыню, вполнѣ сознавая, что ему подадутъ и такъ, безъ просьбы, благодаря его убожеству. Дѣйствительно, кто мимо ни пройдетъ, всякій подаетъ ему

«копѣечку». Калѣка молчаливо протягиваетъ руку, чтобы принять милостыню; но въ это мгновенiе сердобольный прохожiй еще болѣе бываетъ удивленъ: ему протягиваютъ какую-то безформенную массу, имѣющую съ рукою самое отдаленное сходство.

Прохожiй ахнулъ отъ удивленiя, и торопливо суетъ калѣкѣ копѣйку, думая про себя: Боже мой, надо-же родиться такому чудовищу!.. А между тѣмъ, калѣка, быть можетъ, по своему и счастливъ: благодаря его убожеству, ему хорошо подаютъ прохожiе и онъ зарабатываетъ большiя деньги...

Цѣлые легiоны босяковъ разсѣялись по шумнымъ улицамъ столицы—на предпраздничный промыселъ.

Дѣло было въ сочельникъ...

Изъ ночлежнаго дома, на окраинѣ Петербурга, рано утромъ выходитъ толпа босяковъ, ведя между собою разговоръ. Одинъ изъ нихъ, наигрывая на зубахъ пальцами, напѣваетъ:

«Выйди, баринъ, на войну,
На войну, войну, войну»...

— У кого праздникъ, а мы топоръ варить будемъ,—говоритъ онъ своимъ товарищамъ.

— Что ты, дубина стоеросовая, обалдѣлъ, что-ли?—накидывается на него одинъ изъ товарищей,—да вѣдь у насъ сегодня изъ праздниковъ праздникъ, сегодня, братъ, такой день, что кто годъ не даетъ, и тотъ подастъ!.. Камни—и тѣ воду источатъ!.. Сегодня публика въ елейномъ настроенiи... Охотно подаетъ!.. Посмотри, какъ мы завтра встрѣтимъ праздникъ-то!..

— Смотри, какъ-бы тебѣ не встрѣтить праздникъ-то въ «части», возражаетъ первый босякъ, какъ разъ «фараонъ» или «паукъ» замететъ!..

— И выходитъ, что ты—лошадь зеленая, да развѣ не знаешь, что вчера и сегодня резервъ снятъ, ни одного «паука» нѣтъ, а фараоны только отмалкиваются, да отмахиваются: уйди, молъ, отъ меня подальше только... Вотъ что васъ сушитъ, и при этомъ онъ показалъ большую пригоршню серебра и мѣди, вѣдь здѣсь пять рублей пятьдесятъ копѣекъ!.. А все-таки, братцы, меня вчера Сидоръ (такъ называютъ босяки петербургскихъ дворниковъ) застремилъ и приволокъ въ участокъ... Думалъ, что придется разговляться тамъ... Анъ, смотрю, приставъ взглянулъ на Сидора и спрашиваетъ: за что привелъ? Братцы мои, да какъ заоретъ на него! Да таково здорово! Да что ты, болванъ, съ ума спятилъ! Въ такіе-то дни! У насъ и безъ того дѣла-то много! Вонъ убирайся! А на меня и не взглянулъ! Вижу, дворникъ улепетываетъ, я за нимъ! Ужъ и досадилъ же я, братцы, Сидору!.. Сую ему подъ носъ кукишъ, да приговариваю: что, братъ, побрился! Онъ только отвѣтилъ мнѣ: у-у! посадскій!..

— Усердіе не по разуму, значитъ,—замѣтилъ третій босякъ.

Изъ ночлежки босяки побрели по городу въ разныя стороны, кто куда, кто пошелъ въ центральныя улицы, кто на окраины города, населенныя рабочимъ людомъ: тамъ тоже хорошо подаютъ. Баринъ подастъ гривенникъ или пятіалтынный, но изъ сотни одинъ, а мастеровые въ этотъ день подаютъ хоть по копѣйкѣ, да почти каждый.

Въ ночь съ Сочельника на Рождество въ городскихъ ночлежныхъ домахъ (т. е. содержимыхъ городомъ) много было пустыхъ мѣстъ: бездомники заняты

были стрѣльбою. Но зато къ 12 часамъ ночи частные ночлежные дома всѣ буквально были переполнены, въ особенности дома Макокина.

Въ 9 часовъ вечера, по окончаніи всенощнаго богослуженія, около всѣхъ церквей — масса просящихъ милостыню. Въ эту ночь, подъ вліяніемъ христіанскаго милосердія, смотрятъ на попрошайничество нищей братіи сквозь пальцы.

И только черезчуръ дерзкихъ и нахальныхъ гонятъ прочь.

Въ Измайловскомъ полку, въ церкви во имя Святой Троицы, только-что окончилась всенощная. Публика стала расходиться въ благочестивомъ настроеніи. Отъ церковной паперти далеко на площадь выстроилась нищая братія — двумя шеренгами. Повсюду слышны возгласы:

— Подайте Христа ради для великаго праздника!

— Не откажите, благодѣтель!

— Помогите лишенному зрѣнія!

Изъ церкви вышла старушка или женщина преклонныхъ лѣтъ, которая щедро подавала нищимъ, такъ что дойдя до конца шеренги, она все роздала, что было у нея съ собою въ кошелькѣ. Въ концѣ шеренги надъ самымъ ея ухомъ раздался робкій голосъ:

— Благодѣтельница, не откажите ради великаго праздника! Не допустите ночевать на морозѣ!.. Подайте на ночлегъ!..

Старушка взглянула на говорившаго, пошарила въ карманахъ и, не найдя ничего, вздохнула съ чувствомъ сожалѣнія, что ничего не можетъ подать, но потомъ, что-то сообразивъ, промолвила:

— Пойдемъ, голубчикъ, со мною, я подамъ тебѣ!..

— Нѣтъ ужъ, тетенька, спасибо на посулѣ,—промолвилъ босякъ Терешка,—знаемъ мы ваше подадимъ... Въ участокъ разговляться хочешь послать!..

Старушка посмотрѣла на босяка и проговорила:

— Да что ты! Христосъ съ тобой, родимый!.. Да вѣдь, я, кажись, изъ церкви иду, крестъ-то имѣю на шеѣ! Пойдемъ, говорю тебѣ, у меня сынокъ умерши!..

— Ну, коли такъ, пойдемъ!..

Терешка согласился и пошелъ за ней слѣдомъ.

Но все-таки, проходя по улицѣ мимо городовыхъ, онъ остерегался, какъ-бы старуха (кто ее знаетъ!) не «подпустила бы ему свинью», не выдала бы городовому.

Пройдя двѣ или три улицы, старушка ввела его къ себѣ въ домъ на квартиру. Попросила его посидѣть на кухнѣ, приказала кухаркѣ накормить и обогрѣть его, а сама ушла во внутреннія комнаты.

Кухарка подала, что было у нихъ въ этотъ день.

— Поѣлъ онъ и кочанной капусты, и супу со снѣтками, поѣлъ и пшеничной кутьи съ медомъ.

Наконецъ, вышла и старушка, посмотрѣла на него, и ахнула:

— Эхъ ты, чадышко, до чего износился, а еще не хотѣлъ идти ко мнѣ!..—И вынесла ему узелъ бѣлья.

— Ты, Аксинья, выйди изъ кухни-то! — приказала она кухаркѣ,—дай ему переодѣться!..

И Терешка, оставшись одинъ, сталъ переодѣваться. Сбросилъ съ себя лохмотья и надѣлъ все чистое.

Потомъ хозяйка вынесла ему и одежду: суконные шаровары, глухую русскую жилетку, хорошій пиджакъ, сапоги съ длинными голенищами, осеннее пальто на ватѣ, шапку и платокъ на шею.

— На-ка вотъ тебѣ! Носи на здоровье!.. Спасибо, что не побоялся старухи! А это вотъ тебѣ узелокъ — праздничекъ Христовъ встрѣтить завтра, да два рубля денегъ... Сходи-ка завтра въ церковь!..

Этотъ поступокъ милосердія старухи произвелъ на Терешку такое сильное впечатлѣніе, что на него напалъ столбнякъ...

— Что ты стоишь-то, какъ истуканъ безчувственный!—проговорила съ укоризною Аксинья, — поблагодари хоть хозяйку-то...

Но Терешка ничего не отвѣтилъ Аксиньѣ: отъ умиленья онъ ничего не могъ говорить. Машинально одѣлся, машинально взялъ узелокъ и, не поблагодаривъ, вышелъ отъ благодѣтельницы.

— Вотъ они, барыня, какіе!.. Безчувственные, даже спасибо не сказалъ!..—сѣтовала Аксинья на уходившаго босяка.

— Ну, Богъ съ нимъ!..—промолвила старуха.

Очнулся Терешка только на улицѣ, гдѣ онъ развернулъ узелокъ и увидѣлъ тамъ много разнаго добра и всякой снѣди. Всю ночь прослонялся Терешка по улицѣ, но милостыни уже больше не просилъ, пока въ четыре часа утра не ударили къ заутрени. Отрадно прозвучалъ въ душѣ его призывный благовѣстъ къ заутрени, и онъ съ радостью вошелъ въ церковь, гдѣ всталъ позади всѣхъ.

V.

Сцена въ ночлежномъ домѣ.

Визитъ доктора въ ночлежку....

Дѣло было вечеромъ... Въ ночлежномъ домѣ Макокина, именуемомъ босяками графа Морковкина, происходитъ нѣчто необычайное.

Многіе босяки, собирающіеся на ночлегъ, отворивъ дверь въ ночлежку, стремглавъ бросаются оттуда назадъ и, словно ошпаренные, опрометью бѣгутъ кто куда—въ паническомъ страхѣ.

Встрѣчные товарищи, тоже идущіе въ ночлежку, съ недоумѣніемъ спрашиваютъ бѣгущихъ:

— Сенька, куда улепетываешь, куда тебя лѣшій гонитъ?

— Молчи, дуракъ, обходъ!

— Какой обходъ? Тебѣ спьяна показалось!

— Какъ спьяна? Самъ видѣлъ помощника пристава и околодочнаго—стоятъ у кассы.

— Да какъ же тебя выпустили? У дверей-то вѣдь, долженъ кто-нибудь стоять?

Бѣжавшій изъ ночлежки босякъ вытаращилъ глаза.

— А и то, братъ, мнѣ не вдомекъ! У дверей-то никого не было!

— Ну, вотъ то-то и есть, дуракъ! Какой-же это обходъ! Поворачивай оглобли! Пойдемъ вмѣстѣ!..

Подойдя къ ночлежкѣ, оба босяка заглянули въ окно, и увидѣли военнаго доктора въ форменномъ сюртукѣ и фельдшера въ бѣломъ халатѣ.

— Вишь, лѣшій, навралъ мнѣ! Арапа не строй!

Развѣ такая полиція бываетъ? У страха, видно, глаза велики!..

— Ну, такъ попремъ!..

И оба босяка ввалились въ ночлежку.

Исторія была весьма простая: ночлежку въ первый разъ чуть-ли не съ ея основанія посѣтилъ врачъ съ фельдшеромъ, вслѣдствіе развивающагося въ столицѣ брюшного тифа. По предписанію начальства, рѣшено было произвести медицинскій осмотръ всѣхъ ночлежекъ въ Петербургѣ, чтобы больныхъ изолировать отъ здоровыхъ, помѣстивъ ихъ въ городскія больницы. Бездомники, ничего не знавшіе объ этомъ, на первыхъ порахъ приняли врачей и фельдшеровъ за представителей полиціи.

Войдя въ ночлежку, босякъ увидѣлъ доктора, стоявшаго у кассы. Всѣ, входившіе въ домъ, должны были проходить мимо врача, такъ-что ни одинъ изъ ночующихъ не могъ миновать осмотра.

Проходившимъ мимо босякамъ—докторъ предлагалъ растегнуть воротъ рубахи. Болѣе или менѣе здоровыхъ на видъ онъ ощупывалъ подъ правой мышкой, и пропускалъ далѣе, говоря:

— Иди съ Богомъ! Ложись спать!

Большинству же проходившихъ босяковъ онъ ставилъ градусникъ подъ правую мышку, чтобы измѣрить температуру тѣла, и усаживалъ на скамейку.

Двоимъ вошедшимъ пріятелямъ тоже были посажены градусники, и они тоже посажены были на скамейку, гдѣ сидѣли рядомъ другъ съ другомъ нѣсколько человѣкъ—сомнительныхъ. Сенька, будучи сильно пьянъ, и войдя съ морозу въ тепло, какъ сѣлъ на скамейку, тажъ и заснулъ, держа градусникъ подъ

мышкою, и склонивъ голову на плечо своего сосѣда справа.

Докторъ занялся другими босяками, проходившими мимо его. Передъ нимъ дефилировала цѣлая вереница босой команды. Тутъ встрѣчались разные типы столичной бѣдноты. Большинство были пьяные, и что называется, лыка не вязали: съ ними доктору стоило большого труда—обмѣняться мыслями.

Нѣкоторые были настолько пьяные, что ихъ вели подъ руки ихъ товарищи.

— Животъ не болитъ-ли у тебя, братецъ? — спрашиваетъ докторъ одного босяка.

— Какъ не болитъ? Здорово болитъ! Такъ и корежитъ!..

— Съ чего же это у тебя?

— Да чортъ его знаетъ!.. Я и самъ не знаю!..

— Не съѣлъ-ли чего-нибудь!..

— Конечно, жралъ!.. Ѣлъ рванину въ Александровскомъ рынкѣ, потомъ буженину, потомъ рябчиковъ пожралъ!..

При упоминаніи *рябчиковъ*, докторъ съ недоумѣніемъ уставилъ свои глаза въ босяка, мысленно соображая, съ какихъ-же доходовъ онъ могъ ѣсть рябчика?

Недоумѣніе доктора разрѣшилъ кассиръ, стоявшій у кассы.

— Ваше благородіе,—проговорилъ онъ,—вы не знаете, какіе рябчики у нихъ?

— Какіе-же?—спросилъ докторъ.

— Да сычуги, т. е. рубецъ, легкое, кишки, однимъ словомъ, вся бычачья требуха...

— Рябчики-то малость попахивали! — промолвилъ босякъ: -- отъ нихъ во рту словно гусары ночевали!.

Докторъ пощупалъ его голову, измѣрилъ температуру и отпустилъ съ миромъ, такъ какъ ничего не было подозрительнаго.

Очередь дошла до Сеньки. Докторъ подошелъ къ нему, чтобы вынуть у него изъ подъ мышки градусникъ; но градусника, къ его удивленію, тамъ не оказалось. Сенька спалъ невиннымъ сномъ, склонившись на этотъ разъ впередъ.

Докторъ, разбудивши Сеньку, спросилъ:

— Гдѣ-же, братецъ, у тебя градусникъ?

— Тутъ!—отвѣчалъ Сенька, безсмысленно поворачивая глазами.

— Да нѣтъ его тутъ!

— Значитъ, ты взялъ!

— Да не бралъ я! Поищи, братецъ!

Послѣ долгихъ поисковъ, Сенька нашелъ, наконецъ, градусникъ въ опоркахъ...

— Да вотъ онъ, господинъ докторъ, ваша машинка-то! Вишь ее угораздило—въ опорокъ!.. Митька, — окликнулъ онъ своего товарища:—эво, братъ, мнѣ въ опорки докторъ градусникъ поставилъ!..

Докторъ, видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, отпустилъ его также спать.

Подходитъ, пошатываясь, третій босякъ, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ лица, съ сильнымъ запахомъ водки изо-рта, и не ожидая вопроса доктора, говоритъ:

— Ухъ! Какъ болитъ!

— Что болитъ?

— Да въ головѣ словно чугунный заводъ какой, что твои паровые молоты куютъ! А въ глазахъ — круги зеленые!...

Осмотрѣвъ тщательно, докторъ призналъ въ нёмъ неисправимаго алкоголика.

— Сколько ты выпиваешь въ день?

— Да что, ежели все подсчитать, такъ четвертная наберется!..

Докторъ посовѣтовалъ ему не пить.

— Это я и безъ васъ знаю, господинъ докторъ! Нельзя намъ не пить! Пить — умереть, и не пить — умереть! Только и веселъ бываю, когда выпью! Выпьешь—и забудешься! Думаешь, что и ты богачъ!..

Докторъ покачалъ головой и сказалъ:

— Уведите его!

Къ доктору протискивается субъектъ безъ правой руки, что ему, однако, не мѣшаетъ, прекрасно пользоваться лѣвой рукой, и безъ церемонiи расталкивать своихъ товарищей.

— Господинъ докторъ, у меня правая рука болитъ! Чирей вскочилъ что-ли, не знаю?

— Да гдѣ-же она у тебя?—спросилъ докторъ, видя, что у него нѣтъ правой руки.

— А вотъ ужъ этого я и самъ не знаю! Ужъ пятый годъ, какъ я ей не хозяинъ! А когда рѣзали, такъ чирей былъ!..

— Да отчего тебѣ ее отрѣзали?—спросилъ докторъ улыбаясь.

— Въ шестерню на заводѣ попалъ! Ну, да оно и лучше! По крайности десять рублевъ получаю каждый мѣсяцъ—до самой смерти!

— Ну, братъ, ты еще поживешь!—сказалъ докторъ и пропустилъ его спать.

Всѣхъ клiентовъ ночлежки, проходившихъ мимо доктора, не перечесть. Были между ними и слѣпые, и

хромые. Слѣпыхъ уводили на нары сторожа ночлежки—на соотвѣтствующій № на нарахъ. Медицинскій осмотръ затянулся далеко за полночь, потому-что бездомники собирались исподоволь, въ продолженіи всей ночи. Часа въ четыре докторъ ушелъ изъ ночлежки, оставивъ фельдшера. Визитъ доктора къ бездомникамъ произвелъ большое впечатлѣніе на завсегдатаевъ ночлежки, и вызвалъ среди ихъ массу разныхъ толковъ и разговоровъ.

— Зачѣмъ это онъ, братцы, пришелъ сюда?

— Да брюшной тифъ ходитъ въ городѣ!

— А кто тебѣ это сказывалъ?

— Да кассиръ говорилъ, потому и докторъ пришелъ!

— Все-таки же пятерыхъ нашли и отправили въ больницу! Авось и поправятся!

Многіе бездомники относились къ визиту съ недовѣріемъ.

— Дѣлать имъ нечего, — ворчали они: — вотъ и шляются, да только безпокоятъ нашего брата!

Но были и такіе, которые придавали серьезное значеніе визиту доктора и урезонивали Ѳомъ невѣрующихъ.

— Нѣтъ, братцы, какъ-ни-какъ, а все-таки хоть немного и о насъ позаботились! Мы сами, вѣдь, никогда не догадаемся! Ходимъ, пока не свалимся гдѣ-нибудь въ канавѣ или въ «живопыркѣ» (т. е. въ съѣстной лавкѣ).

— Да ходи, не ходи доктора,—слышался чей-то голосъ изъ-подъ наръ,—а капутъ, братцы, Морковкину: скоро закроютъ... А не закроютъ, такъ самъ запретъ...

— Это отчего же?

— А видалъ, на Обводномъ каналѣ какой домина сгрохали для нашего брата? Что твой дворецъ...

— А ты бывалъ тамъ?

— Кабы не былъ, такъ и не говорилъ-бы! Ни клоповъ, ни крокодиловъ нашихъ тамъ не сыщешь!.. Приходи, когда угодно!..

— Знаемъ мы этотъ домъ-то! Это — ловушка для нашего брата! Это — капканъ!

— Какая-же, ловушка? Ловушка и здѣсь можетъ быть! Захотятъ забрать, такъ заберутъ!

Долго еще босяки гуторили и наконецъ мало-по-малу угомонились — и заснули.

VI.

Забрали.

Прошелъ почти годъ, какъ Сережка и Антошка слонялись по ночлежнымъ домамъ, промышляя нищенствомъ.

Однажды они «стрѣляли» на одной пустынной улицѣ. Мальчишки стояли на панели. Позади ихъ, въ обѣ стороны, тянулся сплошной каменный заборъ.

— Мѣсто-то спокойное!—сказалъ Антошка.

— «Стоичка» хорошая!—отвѣтилъ Сережка.

— И фараоновъ не видать!..

— Милый, баринъ, подайте на хлѣбъ!..

— Подайте милостыньку Христа ради!..

Въ это время изъ-за угла показался городовой.

Антошка, гляди-ка! Городовой!

— Фараонъ!

— Заберетъ!

— Улепетывай скорѣе!

— Бѣги!..

— Пропали мы!

— Отправятъ въ нищенскій комитетъ!

И мальчишки опрометью бросились бѣжать отъ городового.

— Ахъ, вы попрошайки этакіе! — Сказалъ городовой.—Я васъ! Все равно, отъ меня не убѣжите!..—И городовой подалъ сигнальный свистокъ. На дорогу выбѣжали изъ сосѣднихъ домовъ дворники и смотрѣли, зачѣмъ поданъ былъ свистокъ.

— Лови! Лови ихъ!—закричалъ городовой.

Дворники бросились бѣжать за мальчуганами, полагая, что они украли что-нибудь.

Любопытные прохожіе остановились и смотрѣли, чѣмъ кончится погоня за мальчишками.

— Что они украли что-нибудь?

— Нѣтъ!

— Такъ зачѣмъ-же на нихъ такая облава?

— Милостыню просили!..

Между тѣмъ, Антошка и Сережка бѣжали — блѣдные, запыхавшись.

Но вотъ изъ дальнихъ домовъ нѣсколько дворниковъ пересѣкли бѣглецамъ дорогу.

— Стой!

— А, вы бѣжать!..

Дворники схватили мальчишекъ за шиворотъ и повели къ городовому.

— А, вы бѣгать отъ меня!

— Дяденька, простите!..

— Зачѣмъ вы просите милостыню?

— Мы стрѣляемъ оттого, что намъ нечего ѣсть...

— А, лѣнтяи этакіе!

— Дяденька, простите, больше не будемъ!

— Веди ихъ въ участокъ!..

Сережка и Антошка заплакали и заголосили на всю улицу:

— Дяденька, простите, больше не будемъ!..

— Городовой! отпусти ихъ! — сказалъ кто-то изъ сердобольной публики.

— Нельзя! Стрѣлять запрещено!.. Веди ихъ въ участокъ!—Распорядился городовой, и препоручилъ Сережку и Антошку дворнику, который и повелъ ихъ въ мѣстный полицейскій участокъ. На другой день

забранныхъ малолѣтнихъ нищихъ, въ сопровожденіи городового, повели изъ участка въ «Комитетъ для призрѣнія нищихъ».

Есть такое учрежденіе въ Петербургѣ, гдѣ добрые люди заботятся о нищей братіи, въ особенности о дѣтяхъ-нищихъ. Забранныхъ на улицѣ нищихъ приводятъ сюда ежедневно съ самаго утра. Цѣлыми вереницами идутъ сюда нищіе, идутъ и идутъ. Мужчины, женщины, старики, дѣти. Всѣ они одѣты въ рубищахъ.

Если кто проситъ милостыню по лѣности, того высылаютъ на родину, если по бѣдности, — тому даютъ работу, а дѣтей пристраиваютъ въ школы или въ какія-нибудь благотворительныя воспитательныя заведенія. Много сюда приводятъ и дѣтей. Всѣмъ забраннымъ нищимъ дѣлаютъ опросъ, по какимъ причинамъ онъ сталъ нищенствовать. Изъ пріемной комнаты всѣхъ нищихъ, по одиночкѣ, ведутъ въ «Комитетъ», гдѣ засѣдаютъ благотворители, пекущіеся о нищей братіи.

Въ комитетѣ и производится допросъ.

По паркетнымъ поламъ, робко входитъ въ канцелярію Комитета Антошка. Посрединѣ большой комнаты—большой столъ, за которымъ сидятъ почтенные люди. Стѣны канцеляріи увѣшаны портретами разныхъ благотворителей и дѣятелей по призрѣнію нищихъ.

— А, маленькій нищій!—Добродушно встрѣтилъ Антошку сѣдой старичокъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Антошка!

— Отецъ есть у тебя?

— Нѣтъ!

— А мать?

— Нѣту!

— Круглый сирота, значитъ!

— Давно они умерли?

— Отецъ давно, а мать въ прошломъ году!

— Какъ ты сталъ нищенствовать?

— Я жилъ у знакомыхъ, они меня прогнали!

— Какъ-же они тебя прогнали?

— Ступай, говорятъ, на всѣ четыре стороны! Мы тебя знать не знаемъ! Вотъ я и ушелъ!..

— Кто-жъ тебя научилъ просить милостыню?

— А товарищъ мой, Сережа!..

— Онъ здѣсь?

— Вмѣстѣ попались!

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Одиннадцатый пошелъ!..

— Бѣдный мальчикъ! Какой симпатичный!

— Ахъ, дѣти, дѣти! Надо его пристроить!..

— Ну-ка, позовите Сережу!

Вошелъ Сережка.

— У тебя есть родители?

— Есть!

— Гдѣ они живутъ?

— Въ деревнѣ! Въ Ярославской губерніи!

— Изъ какой деревни?

— Подлиповка!..

— Какъ ты сюда попалъ?

— А землякъ привезъ!

— Зачѣмъ?

— Къ мяснику опредѣлилъ, въ ученье!

— Хорошо ученье!.. Какъ ты сталъ нищенствовать?

— А я бѣжалъ отъ хозяина-то!

— Отчего?

— Шибко дерется!

— Гдѣ-жъ ты ночевалъ въ первый день?

— А въ Александровскомъ паркѣ, на садовой скамейкѣ!..

— Ахъ ты, бѣдняга! Какъ-же ты началъ нищенствовать?

— А меня старуха одна научила!

— Вотъ правдивая исторія!

— Я стоялъ на паперти, а она сказала мнѣ, «что не стрѣляешь?» Я сказалъ: «не умѣю!» Она сказала «держи руку вотъ такъ и говори прохожимъ: подайте милостыньку Христа ради»...

— Ну, что? Ты такъ и сдѣлалъ?

— Сталъ стрѣлять!..

— Подавали?

— Ничего... Копѣекъ сорокъ собиралъ!..

— Гдѣ-жъ ты ночевалъ?

— Въ ночлежкѣ!

— Ахъ, дѣти, дѣти! А сколько тебѣ лѣтъ?

— Двѣнадцатый пошелъ!

— И много ты нищихъ видалъ на паперти?

— Много!..

— Были и такіе между ними, которые притворяются?

— Да! Кто слѣпымъ, кто хромымъ, а одинъ нищій колѣнко свое обнажилъ, будто больное — много подавали!..

— А тебя не гнали съ паперти?

— Нѣтъ! Жалѣли!..

— А къ хозяину не желаешь вернуться?

— Ни за что!..

— Ну, хочешь, мы тебя опредѣлимъ въ школу!

— Хочу!..

Антошку, вмѣстѣ съ Сережкой, опредѣлили въ школу, что при Комитетѣ призрѣнія нищихъ. Въ этой школѣ обучали не только грамотѣ, но и ремесламъ— столярному дѣлу, переплетному и портняжному.

И погибавшія дѣти, Сережка и Антошка, возродились къ новой трудовой жизни.

Научившись писать, Сережка послалъ въ деревню своимъ роднымъ письмо, извѣщая ихъ, что онъ живетъ теперь въ пріютѣ, и что обучается въ школѣ грамотѣ...

ВЪ КОМИТЕТѢ НИЩИХЪ.

Нищенство въ Петербургѣ годъ отъ года увеличивается. Какъ извѣстно, нищіе, забранные полиціею, попадаютъ потомъ въ «комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ». Въ канцеляріи комитета имѣется, между прочимъ, историческій документъ, отъ 1837 г., въ которомъ Иператоръ Николай Павловичъ благодаритъ членовъ комитета за успѣшный разборъ 2500 дѣлъ о нищихъ города Петербурга... Золотое время!.. По тогдашней мѣркѣ, 2500 дѣлъ о нищихъ представляли собою солидный трудъ, который удостоился даже вниманія Государя... Но это было давно, болѣе полвѣка тому назадъ! Теперь-же комитетъ разбираетъ въ теченіи года отъ 10,000 до 11,000 дѣлъ о нищихъ... Если судить по количеству нищихъ въ столицѣ, то со

временъ Николая Павловича Петербургъ порядочно-таки обнищалъ... Впрочемъ, вѣдь, и населеніе Петербурга за упомянутый періодъ прогрессивно увеличилось.

Какъ-бы то ни было, но изъ года въ годъ дѣятельность комитета возрастаетъ.

Три раза въ недѣлю въ комитетѣ бываетъ «разборъ» нищихъ. Члены комитета имѣютъ дѣло съ нищими, которыхъ доставляетъ туда полиція. Въ каждое засѣданіе успѣваютъ допросить около 100 человѣкъ нищихъ. На допросѣ выясняется, какія причины заставили человѣка протягивать руку.

Если причины уважительныя, то комитетъ входитъ въ положеніе человѣка, оказывая ему призрѣніе; если же нѣтъ уважительныхъ причинъ, то такого нищаго направляютъ къ мировому судьѣ, или-же высылаютъ на родину.

На попеченіи комитета ежедневно состоитъ отъ 500 до 600 человѣкъ призрѣваемыхъ, въ томъ числѣ до 200 дѣтей, начиная съ трехлѣтняго возраста. А въ богадѣльнѣ при комитетѣ имѣется старуха, которой 104 года отъ роду!..

Среди дѣтей есть такіе несчастные субъекты, которые свидѣтельствуютъ о жестокосердіи людскомъ, или о крайней нищетѣ ихъ родителей.

Есть, напримѣръ, ребенокъ, найденный подъ лѣстницей; есть дѣти, круглыя сироты, приведенныя прямо съ улицы полиціей. И всѣхъ ихъ комитетъ призрѣваетъ, обучаетъ ихъ элементарной грамотѣ и ремесламъ. Дѣти подростки, забранные полиціей за прошеніе милостыни, могли-бы разсказать занимательныя исторіи изъ быта своей профессіи. Съ нѣкоторыми

дѣтьми я разговаривалъ. Съ дѣтскою наивностью и простодушіемъ ребятишки разсказывали мнѣ, какъ они «стрѣляли», какъ они скитались по улицамъ, какъ ночевали на садовыхъ скамейкахъ въ паркѣ...

Странно было слышать изъ устъ ребенка правдивый разсказъ о томъ, какъ онъ голодалъ, скитаясь по улицамъ Петербурга, не зная, что дѣлать, и какъ наконецъ нашлись добрые люди, которые научили его... «стрѣлять»...

А теперь вернемся къ взрослымъ...

Изъ 11,000 человѣкъ нищихъ, доставленныхъ полиціею въ комитетъ, до 7,000 человѣкъ увольняются на свободу—по какимъ-нибудь уважительнымъ причинамъ. Остальные или высылаются на родину, или отдаются на поруки родственникамъ, или остаются въ убѣжищѣ при комитетѣ.

Полиція, конечно, забираетъ на улицѣ за прошеніе милостыни всякаго: и профессіональнаго нищаго, лѣнтяя и тунеядца, и нищаго, который протягиваетъ руку въ силу необходимости, съ голоду. Кромѣ того, есть нищіе, которымъ, такъ сказать, на роду написано быть нищимъ, таковы, напримѣръ, калѣки. Работать они не могутъ, и потому вынуждены нищенствовать, такъ-какъ особыхъ филантропическихъ учрежденій для калѣкъ нѣтъ. Сюда-же надо отнести и дряхлыхъ стариковъ, которые по своей дряхлости не въ состояніи снискать себѣ средствъ для пропитанія. Очень часто въ комитетъ приводятъ здороваго крестьянскаго парня, который откровенно признается, что протянулъ руку за неимѣніемъ работы.

— Дайте мнѣ работу!

Я готовъ работать! Но нѣтъ работы!

Во всѣхъ этихъ случаяхъ комитету надо разобраться.

Типы нищихъ весьма разнообразны и практикою комитета подраздѣляются на слѣдующія группы: 1) нищіе по несчастію, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, или за неимѣніемъ работы. Это — случайные нищіе. «У тебя нѣтъ работы? Хорошо! Мы тебѣ дадимъ работу! Желаешь остаться у насъ?» И если нищій пожелаетъ работать, то его оставляютъ при комитетѣ—въ убѣжищѣ. А если не желаетъ остаться въ убѣжищѣ, то его сдаютъ родственникамъ, или помѣщаютъ въ разныя благотворительныя сословныя учрежденія. Если некуда помѣстить, то на первый разъ выпускаютъ на волю, съ предупрежденіемъ не попадаться—въ противномъ случаѣ угрожаютъ высылкой на родину.

2) Профессіональные нищіе, коихъ много пріѣзжаетъ въ Петербургъ изъ Витебской губерніи. Это—тунеядцы, не желающіе работать. Они избрали нищенство своимъ промысломъ. Такихъ комитетъ препровождаетъ къ мировому судьѣ, который приговариваетъ ихъ, за прошеніе милостыни, въ тюрьму, отъ двухъ недѣль до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, или высылаетъ на родину черезъ пересыльную тюрьму.

3) Старики и калѣки. Ихъ помѣщаютъ въ богадѣльни.

4) Алкоголики, которые впали въ нищету вслѣдствіе пьянства. Въ эту группу относятся многія лица изъ привиллегированнаго сословія—изъ дворянъ. Они отличаются отсутствіемъ воли и характера, хотя въ общемъ очень симпатичные люди.

5) Странники и богомольцы, пришедшіе на поклонъ къ отцу Іоанну Кронштадтскому. Среди странниковъ встрѣчались такія личности, которыя во время допроса ихъ въ канцеляріи комитета, выкладывали на столъ 25 рублей, прося комитетъ освободить ихъ. Одинъ изъ нихъ, одѣтый въ монашеское одѣяніе, кланялся комитету до земли, вымаливая отпустить его. Въ то время, когда онъ подымался и вставалъ съ колѣней, изъ голенища сапога неожиданно выпалъ свертокъ и упалъ на полъ. Когда свертокъ развернули, то въ немъ оказались процентныя бумаги на нѣсколько тысячъ рублей.

6) Уличныя дѣти, попавшія въ комитетъ за прошеніе милостыни по наущенію родителей, или вслѣдствіе своего круглаго сиротства.

Принудительнаго труда въ комитетѣ не существуетъ. Нищіе, желающіе поработать, оставляются въ убѣжищѣ, въ мастерскихъ — въ сапожной, портняжной, или же ихъ опредѣляютъ на вольныя работы.

Вольныя работы для призрѣваемыхъ нищихъ бываютъ весьма разнообразны: наводить мостъ на Невѣ, расчищать путь на Николаевской желѣзной дорогѣ, на городскихъ конкахъ вбивать сваи и проч. Особенно охотно пользуется услугами комитетскихъ нищихъ Николаевская желѣзная дорога. Туда нищіе отправляются цѣлыми партіями, въ сопровожденіи надзирателя; хотя и бываютъ побѣги съ работъ но рѣдко.

За свою работу нищіе получаютъ отъ 50 копѣекъ до 90 копѣекъ въ день. Изъ этихъ денегъ часть удерживается за содержаніе нищаго, за столъ и помѣщеніе, а остальное выдается ему на руки, когда онъ выйдетъ изъ комитета.

Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые подрядчики, смотрителя, разные завѣдующіе работами и надзиратели не охотно пользуются услугами комитетскихъ нищихъ; не потому, чтобы эти нищіе были плохими работниками, а въ силу постороннихъ причинъ. При разсчетѣ за работу канцелярія комитета выдаетъ росписку, что на такой-то работѣ состояло отъ комитета столько-то рабочихъ, и точно выставляется число. Вотъ эта-то точность и не нравится нѣкоторымъ господамъ смотрителямъ и подрядчикамъ, которые отъ этого лишены возможности проставлять на счетахъ фиктивныя числа рабочихъ, участвовавшихъ на какой-нибудь работѣ, и тѣмъ самымъ не могутъ погрѣть свои руки... Конечно, подобные подрядчики стараются подорвать работоспособность комитетскихъ нищихъ, но все это напраслина, и здѣсь умыселъ другой имѣется...

Пилятъ нищіе и дрова по 30 копѣекъ съ сажени, причемъ двое рабочихъ успѣваютъ напилить $4^{1}/_{2}$ сажени въ 1 день. Изъ заработной платы $67^{1}/_{2}$ копѣекъ съ каждаго пильщика удерживается 25 копѣекъ въ пользу комитета, какъ плата за содержаніе, а остальныя деньги выдаются на руки по выходѣ изъ учрежденія.

Въ портняжной мастерской самая простая работа— шитье рукавицъ, по 5 копѣекъ за пару. Въ день можно сшить при усердіи 3—4 пары и заработать двугривенный.

Шитье рукавицъ считается самою легкою работой въ комитетѣ. Въ прежнее время нищіе щипали пеньку, получая 50 копѣекъ съ 1 пуда ощипанной и зарабатывали по 5 копѣекъ 1 день. Теперь эта непроизводительная работа, вызвавшая мѣткія остроты простонародья, уже не практикуется. Ее можно встрѣтить

развѣ только въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, гдѣ, чтобы арестантъ не зачахъ съ тоски, ему даютъ «щипать пеньку», чтобы разсѣяться немного.

Всякій видалъ на вокзалахъ, въ церквахъ и на улицахъ кружки съ надписью: «Христа ради для нищихъ». Такихъ кружекъ разставлено въ Петербургѣ 500, но онѣ теряются въ массѣ другихъ кружекъ отъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій. Всего кружечнаго сбора получается до 3,000 рублей въ годъ, да городская дума даетъ на нищихъ 21,000 рублей.

Всего же комитетъ расходуетъ на призрѣніе нищихъ города Петербурга отъ 70,000 до 100,000 рублей въ годъ.

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

Братія шаталовой пустыни, бродилова монастыря.

Въ одномъ изъ ночлежныхъ домовъ, на окраинѣ Петербурга, нѣсколько босяковъ, Ѳедюха-Бородачъ, Сенька-Безпалый и мног. друг., собравшись въ сушилкѣ, грѣлись, сидя на полу, и ведя между собою разговоръ.

— Стало скверно нынче жить въ Питерѣ! — Говорилъ Сенька-Безпалый:—стрѣлять не даютъ! Пауковъ цѣлыя гнѣзда развелось: такъ и заметаютъ нашего брата!..

— Надо бѣжать отсюда, пока не замели!.. — Сказалъ Ѳедюха-Бородачъ.

— Да куда бѣжать-то?

— Не хотите-ли, братцы, во святую обитель—щецъ похлебать!..—Промолвилъ Ѳедюха.

— Куда это?

— А въ Коневецкій монастырь!..

— А ты бывалъ тамъ?

— Три года прожилъ—и всѣ порядки знаю!..

— А что, братцы, не махнуть-ли туда—спасаться!..

— Тамъ хорошо! Ѣшь до отвала, обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а по воскресеньямъ еще дессертъ изъ фруктовъ монастырскаго сада!..

— Ѳедюха, кликни кличъ, кто изъ нашихъ желаетъ спасаться въ монастырь. Набирай партію... — Вмигъ составилась партія, человѣкъ въ пятнадцать, желающихъ отправиться на богомолье.

На другой день, рано утромъ, партія босяковъ, съ Ѳедюхой-Бородачомъ во главѣ, шествовала по Выборгскому шоссе — на Третье Парголово.

За Третьимъ Парголовымъ богомольцы повернули направо, по Кексгольмскому шоссе, на село Лемболово, село Вартемяки, Киркіомяки; а тамъ уже финляндская граница, затѣмъ Саккалова Кирка, почтовая станція, Сартанъ-Лахта на берегу Ладожскаго озера, финская таможня и монастырскій домъ для странниковъ.

Въ 3 дня партія босяковъ сдѣлала 120 верстъ по образу пѣшаго хожденія. На пути имъ попадались встрѣчныя партіи, которыя возвращались изъ монастыря.

— Здорово, братцы! Куда путь держите?

— Во святую обитель! По обѣщанію щецъ похлебать!..

— И не ходите лучше! Вернитесь назадъ!

— Что такъ?

— Оттуда нашего брата по шеямъ гонятъ!

— А въ Петербургѣ еще хуже! Заметаютъ цѣлыми партіями! Пауковъ цѣлыя гдѣзда завелись... Мы все-таки пойдемъ на ура!..

— Ну, ступайте—съ Богомъ!

Монастырскій домикъ стоитъ на самомъ берегу Ладожскаго озера. Въ домикѣ жилъ инокъ, на обязанности котораго лежало—принимать богомольцевъ и давать имъ ночлегъ.

— Здорово отецъ Василій! Принимай гостей!.. — Сказали босяки, ввалившись гурьбою въ странноприимный домикъ.

— Здорово, братцы! Много-ли васъ, соколиковъ слѣтѣлось?

— Да десяточка полтора будетъ!

— Поди-ка ѣсть хотите?

— Какъ-же? Вѣдь мы—птички небесныя, страннички Божіи... ни сѣемъ, ни жнемъ!..

— А сыты бываете! Ну, что съ вами подѣлаешь!..

Началось кормленіе странниковъ.

На другой день изъ Коневецкаго монастыря, по обыкновенію, пріѣхала парусная лодка, съ пятью послушниками-рыбаками — къ странопріимному дому, забрала всѣхъ богомольцевъ, въ числѣ тридцати человѣкъ, и тотчасъ же вернулась обратно въ монастырь. Босяки взялись за весла, и съ пѣніемъ молитвъ ѣхали озеромъ, на парусахъ, при попутномъ вѣтрѣ, такъ-что черезъ какихъ-нибудь полчаса паломники

причаливали къ песчаной отмели Коневскаго острова. Холодный осенній вѣтеръ порядочно таки продулъ ихъ, тѣмъ болѣе, что одѣты они были весьма плохо.

По выходѣ на берегъ, босяки помогли послушникамъ вытащить лодку на песокъ, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправились въ монастырскую гостинницу обогрѣваться. Обогрѣвшись, они пошли къ игумену.

Квартира игумена помѣщалась во второмъ этажѣ монастырскаго дома, съ окнами, обращенными прямо на озеро. На стѣнахъ висѣли пейзажи, масляными красками, изображавшіе живописные виды острова. У одного изъ оконъ стояла подзорная труба, въ которую игуменъ на досугѣ любилъ смотрѣть на озеро.

Въ эту трубу далеко было видно, кто подъѣзжаетъ къ монастырю — въ особенности зимою по льду. Во время осеннихъ бурь и непогодъ, если на озерѣ, въ виду монастыря, случалось какое-нибудь несчастіе съ какой-нибудь рыбацкой или чухонской соймой, игуменъ, благодаря подзорной трубѣ, первый замѣчалъ крушеніе и, если можно, посылалъ братію на помощь.

Войдя къ игумену, босяки земно поклонились «большимъ метаніемъ».

— Благослови, батюшка, поговѣть!

— Богъ васъ благословитъ!—Отвѣтилъ игуменъ.

Переминаясь съ ноги на ногу, босяки стояли въ нерѣшительности, желая обратиться къ игумену съ какою-то просьбой.

— Батюшка, благослови чайку и сахарку!..

— Я самъ девять лѣтъ квасъ пилъ! — Промолвилъ игуменъ—и скрывается.

Но братія шаталовой пустыни, бродилова монасты-

ря не унываетъ. Потерпѣвъ неудачу отъ игумена, они отправляются къ казначею, живущему этажемъ ниже, подъ игуменомъ.

Тихо постучавъ въ дверь, Ѳедюха-Бородачъ, знакомый съ монастырскимъ уставомъ, произнесъ:

— Боже нашъ, помилуй насъ!..

— Войдите!—Послышался голосъ изъ кельи казначея. Босяки вошли.

— Батюшка, благослови чайку и сахарку!..

Казначей далъ.

Три дня босяки говѣли. Четвертый день пришелся на воскресенье—и тоже не работали.

Всѣ эти дни они жили на полномъ иждивеніи монастыря, получая за обѣдомъ, за общею монастырскою трапезою: ботвинью изъ рыбы, похлебку, жареную рыбу, кашу съ масломъ, а въ воскресенье — дессертъ изъ фруктовъ монастырскаго сада.

На пятый день, въ понедѣльникъ, является въ №№ «гостинникъ» съ предложеніемъ, кто отговѣлъ, потрудиться на преподобнаго Арсенія, на что всѣ богомольцы, въ томъ числѣ и босяки, изъявили полное согласіе. Но утромъ ихъ не могли добудиться. Встали съ постели кто когда хотѣлъ, и разбрелись по монастырю—кто куда. Но ни одинъ изъ босяковъ на работу не пошелъ. По звону монастырскаго колокола, они, однакоже, всѣ аккуратно появились на общую трапезу. Замѣтивъ, что босяки не имѣютъ ни малѣйшаго желанія потрудиться «на преподобнаго Арсенія», монастырская администрація рѣшила, наконецъ, избавиться отъ дармоѣдовъ. Съ вечера гостинникъ заперъ гостинницу на замокъ, такъ-что на другой день, утромъ, никому нельзя было выйти, пока не отворятъ

входныхъ дверей. А между тѣмъ, для дорогихъ гостей приготовлена была лодка.

Утромъ всѣхъ босяковъ забрали и выпроводили на лодку: тѣ же монахи-послушники, которые привезли босяковъ на островъ, теперь увозили ихъ на материкъ. Вмѣстѣ съ босяками уѣзжали и нѣкоторые богомольцы, возвращавшіеся домой. Крестьяне, уѣзжая изъ монастыря, прощались съ братіей: «Спаси Васъ, Господи!»—кричали они стоявшимъ на берегу монахамъ:—«спасибо Вамъ!..»

Наоборотъ, босяки были недовольны и, потрясая въ воздухѣ кулаками, кричали по адресу монаховъ:

— Чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки!

— Савотѣекъ (т. е. хлѣба) вамъ жалко что-ли?

— Обжоры!..

— Дармоѣды этакіе!..

Монастырская лодка мало-по-малу удалялась, а босяки все еще ругали монаховъ на чемъ свѣтъ стоитъ...

По высадкѣ на берегъ между ними начались споры и препирательства...

— Зачѣмъ ты насъ, Ѳедюха, потащилъ сюда!..

— Дрова-то пилить мы бы и въ «части могли!..»

Дѣло доходило почти до драки.

Вся партія опять направилась въ монастырскій домъ, гдѣ отецъ Василій встрѣтилъ ихъ съ изумленіемъ.

— Это вы откуда же, братцы?

— Изъ обители, честной отче!..

— Зачѣмъ-же ко мнѣ пожаловали?

— Да, конечно, ночевать!

— Нѣтъ ужъ, братцы, какъ хотите, кто изъ монастыря идетъ, ночевать нельзя!

— Что ты, отче, да куда же мы пойдемъ теперь?

— Да, вѣдь, не ночь, а двѣнадцать часовъ! Еще успѣете дойти до Кексгольма!

— Дай хоть похлебать-то чего-нибудь!

— Что же вы въ монастырѣ развѣ не нахлебались? Ну да Богъ, съ вами, похлебайте на здоровье!..

И отецъ Василій поставилъ чашку щей и подалъ хлѣба.

Босяки, хоть и были сыты, но ѣли про запасъ.

Здѣсь партія раздѣлилась: половина пошли на Кексгольмъ, съ намѣреніемъ пробыть тамъ въ монастырскомъ домѣ дня три, четыре, а затѣмъ двинуться далѣе на Валаамъ. Другая половина, человѣкъ семь, направилась къ русской границѣ, на Сакколову Кирку, гдѣ и ночевали у гостепріимнаго мельника, который просилъ ихъ: — только, братцы, не сожгите, будьте осторожнѣе съ огнемъ». Отсюда богомольцы отправились домой только трое, а четверо остались у мельника на работу.

Въ Коркіомякахъ отсталъ еще одинъ, нанявшись на поденщину на бутылочный заводъ.

И только двое перешли русскую границу, Ѳедюха-Бородачъ и Сенька-Безпалый, и побрели во-свояси, въ Петербургъ.

— Ну, братъ, слава Богу, теперь мы въ Россіи!

— Можно и стрѣльнуть!..

Дойдя до третьяго Парголова, они остановились на постояломъ дворѣ, на ночлегъ, гдѣ съ ними приключилась оказія: ихъ обокрали.

У одного украли узелокъ съ просфирами, а у другого — пальто и шарфъ. Погоревали наши странники, да заявить уряднику о своей кражѣ побоялись: у одного изъ нихъ не было паспорта.

Изъ Парголова въ Петербургъ направился уже только одинъ Ѳедюха-Бородачъ—съ письмомъ къ родственникамъ пострадавшаго, а потерпѣвшій остался на постояломъ дворѣ—въ ожиданіи отвѣта. Бородачъ спѣшилъ съ письмомъ въ Петербургъ, и вечеромъ вернулся въ ночлежку, гдѣ и былъ окруженъ бездомниками, которые стали разспрашивать объ его скитаніяхъ.

— Ба! Ѳедюха явился!

— Ты гдѣ-же пропадалъ-то?

— Съ Коня-Камня, братцы! Ходило-то насъ много, а пришелъ-то я одинъ!

— Гдѣ-жъ другіе-то?

— Да что вы, анаѳемы, пристаете ко мнѣ! Дайте хоть раздѣться-то!

Раздѣвшись, Бородачъ началъ разсказывать о своихъ похожденіяхъ.

— Были мы, братцы, во святой обители!

— А что работали тамъ?

— Да что работали? Ровно ничего! Знай утромъ чаю попьемъ, да въ лѣсъ!.. Гуляешь тамъ до колокола... Въ колоколъ ударятъ, идешь на трапезу... Дѣло дошло до того, что всѣхъ насъ выставили оттуда фуксомъ!..

— Ха, ха, ха!—Засмѣялись бездомники.

— Вотъ такъ богомольцы!..

— А тутъ еще въ Парголовѣ насъ ошмоналили: у меня узелокъ съ просфирами, а у Сеньки—пальто и шарфъ украли!...

— Охо, хо! Вотъ такъ здорово!..

— А гдѣ-же Сенька-то?

— А Сенька въ Парголовѣ сидитъ, какъ ракъ на мели!.. Выйти не въ чемъ!..

А пускаютъ въ монастырь-то?

— Да не очень-то рады нашему брату! Вѣдь, много идетъ насъ! Пока шли до Чертовой Лахты, партій пятнадцать попалось навстрѣчу... и все изъ монастыря...

— Вотъ, братцы, бѣда-то!.. А здѣсь, братъ, такъ и выметаютъ нашего брата! Такъ и выметаютъ!..

На другой день Ѳедюха-Бородачъ вышелъ изъ ночлежки, направляясь съ письмомъ по назначенію...

НА ДВОРЯНСКОЙ ПОЛОВИНѢ.

Стрѣльба по письмамъ... Въ одномъ изъ ночлежныхъ домовъ, на окраинѣ Петербурга, гдѣ имѣются дворянскія мѣста, въ 10, 15 и 20 копѣекъ, поздно вечеромъ собираются бездомники, по внѣшнему виду совсѣмъ не подходящіе къ типу босяковъ. Всѣ они одѣты болѣе или менѣе прилично, нѣкоторые даже съ портфелями подъ мышками. Берутъ билеты и подымаются наверхъ: кто въ «двадцатку», кто въ «десятку»—такъ называются дворянскія отдѣленія. Снявъ верхнее платье и повѣсивъ его на придѣланный къ кровати желѣзный штырь и закуривъ папиросы, начинаютъ обмѣниваться впечатлѣніями дня.

Ну, господа,--произноситъ басомъ мужчина высокаго роста, отставной военный, съ большими кавалерійскими усами,—и усталъ-же я, чортъ возьми, какъ собака, и голоденъ, какъ волкъ! Представьте себѣ, чуть не цѣлый день продежурилъ на Николаевскомъ вокзалѣ, ловилъ бывшаго своего эскадроннаго коман-

дира, нынѣ уже генерала! И ни у почтоваго поѣзда, ни у курьерскаго не видалъ! И теперь вернулся безъ гроша!.. Завтра утромъ, съ мѣста въ карьеръ, лечу атаковать графиню N, когда-то, вѣдь, вальсировалъ на балахъ съ ней, чортъ возьми!.. А теперь, господа, обращаюсь къ вамъ, не дайте погибнуть лихому кавалеристу!..

— Въ чемъ-же дѣло, Иванъ Николаевичъ? — съ участіемъ спрашиваютъ его товарищи по профессіи.

— Если «брыкаловки» (т. е. водки), то съ большимъ удовольствіемъ! Выпьемъ и закусимъ!..

— За это благодарю, господа, но главная моя просьба ссудить меня бумагой да конвертомъ, знаете, этакъ поминіатюрнѣе да поделикатнѣе...

— Ну, этого добра, господинъ корнетъ, найдется! А теперь потрудитесь сдѣлать распоряженіе относительно провіанта! А вотъ вамъ и финансы!..

Усачъ принялъ деньги и со словами: «сейчасъ отдамъ приказанія» быстро вышелъ на черную половину ночлежки, въ пятикопѣечное отдѣленіе, гдѣ и послалъ одного босяка за водкой и закуской.

Слѣдуетъ замѣтить, что бездомники пятикопѣечнаго отдѣленія исполняютъ мелкія услуги для своихъ интеллигентныхъ товарищей изъ дворянской половины, за что и получаютъ отъ нихъ нѣкоторую мзду, и не было примѣра, чтобы посланный за покупками босякъ скрылся съ деньгами.

Черезъ нѣсколько времени компанія сидѣла за выпивкой и закуской. Корнетъ-усачъ пилъ и ѣлъ за троихъ, приговаривая: это вотъ по-нашему, по-товаршески, по эскадронному!..

Сдѣлавъ изрядное возліяніе Бахусу и закусивъ, ин-

теллигентная компанія продолжала прерванный разговоръ.

— Ну, а вы, Василій Васильевичъ, гдѣ изволили быть?—спросилъ усачъ, обращаясь къ маленькому коренастому субъекту, бывшему сенатскому чиновнику, потерпѣвшему, по его словамъ, крушеніе въ морѣ житейскомъ.

— Мнѣ, милостивые государи, фортуна улыбнулась! Отправился я утромъ съ двумя письмецами, въ коихъ просилъ оказать посильную помощь человѣку, обремененному семьею, къ двумъ своимъ бывшимъ начальникамъ, отъ коихъ и получилъ двѣ красненькихъ.

А такъ какъ, господа, вамъ не безъизвѣстно, что сегодня число двадцатое, то я не преминулъ справиться о здоровьѣ нѣкоторыхъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ и излить при этомъ свою міровую скорбь!.. Которые отъ щедротъ своихъ тоже удѣлили мнѣ нѣкоторыя крупицы... И теперь, имѣя въ карманѣ слишкомъ четвертной билетъ, рѣшилъ недѣльку посибаритствовать, отдохнуть, опочивъ на лаврахъ... Сидѣть себѣ подъ нашей смоковницею, пока динаріи не изсякнутъ.

— Теперь ваша очередь, Тихонъ Семенычъ, докладывать о своемъ путешествіи!..

— У меня, господа, сегодня ни шатко, ни валко,—промолвилъ мужчина среднихъ лѣтъ, бывшій желѣзнодорожный служащій;—тоже благодаря двадцатому числу, побывалъ на вокзалѣ и заполучилъ отъ своихъ товарищей пятерочку, а завтра думаю «стрѣльнуть», обратясь съ просьбой къ нѣкоторому начальству.

— Ну, а когда, господа, письма будемъ строчить? сегодня, кажется, поздно, лучше завтра!..

— Конечно!—согласилась компанія.

— Завтра за чаемъ и напишемъ!..

Поговоривъ еще кое о чемъ, компанія улеглась и заснула мирнымъ сномъ. Долго еще раздавалось легкое постукиваніе рукою въ двери ночлежки запоздалыхъ посѣтителей ночлежки.

На черной половинѣ между бездомниками, «пятикопѣечниками», разговоръ идетъ иной.

— Ты, Ванька, обалдѣлъ ужъ!—Обратился къ вошедшему молодому парню, сильно навеселѣ, съ подбитымъ глазомъ, одинъ «пятикопѣечникъ».—Экъ тебѣ черту везетъ! Каждый день еле можаху!.. Ты откуда сейчасъ приползъ?

— Съ Литейнаго моста, братцы, да чуть не замели! Бѣжалъ, такъ споткнулся, на тумбу наткнулся — и фонарь получилъ!.. А все-таки пятьдесятъ монетъ есть!..

— Такъ это еще слава Богу!—отвѣчаетъ босякъ!— Я цѣлый день промотался на рынкѣ и ничего не досталъ, кромѣ савотѣекъ! Спасибо еще Ивану Николаевичу, посылалъ за водкою и закускою, такъ гривенникъ далъ, да винца плеснулъ малость! А то, братъ, жара, и на «гопъ» нѣтъ!..

— Это кто же такой Иванъ Николаевичъ?—Спрашиваетъ босякъ.

— Вотъ те на, не знаете, что-ли? Въ двадцаткѣ-то спитъ! Офицеръ-то усатый!..

— Онъ, братцы, добрый! Есть деньги, такъ угоститъ завсегда, не откажетъ!

Въ пятикопѣечномъ отдѣленіи также водворяется тишина.

На другой день, въ 8 часовъ утра, трое нашихъ

пріятелей, усачъ-корнетъ, сенатскій чиновникъ и желѣзнодорожникъ спустились въ чайную, на чистую половину и, заказавъ себѣ чаю съ вареньемъ, принялись за составленіе слезныхъ посланій къ разнымъ благодѣтелямъ. У сенатскаго чиновника, какъ человѣка, стоящаго въ курсѣ дѣла, имѣлся обильный запасъ почтовой бумаги, конвертовъ и марокъ почтовыхъ.

Первымъ началъ строчить усатый корнетъ письмо къ графинѣ N, крупной землевладѣлицѣ, имѣющей въ Сибири обширные участки земли и золотыя розсыпи— сколько, въ точности она и сама не знаетъ, да къ тому-же она и никогда не бывала тамъ, и не видала ихъ.

Его слогъ отличался краткостью и рѣшительнымъ тономъ. Между прочимъ, онъ напомнилъ графинѣ о томъ, какъ нѣкогда восхищалась ея красотою вся военная молодежь, а онъ въ особенности, называлъ ее царицей баловъ и считалъ за честь пройтись съ нею туръ вальса.

Затѣмъ ловко перешелъ къ превратностямъ судьбы человѣческой, бросившей его въ омутъ столичной нищеты и грязи, и въ заключеніе просилъ ее не отказать ему, во имя стараго знакомства, помочь ему сколько-нибудь. Написавъ письмо, онъ запечаталъ его и надписалъ адресъ. Затѣмъ, обратясь къ сенатскому чиновнику, торжественно произнесъ:

— Василій Васильевичъ! другъ мой, доверши свое великодушіе, снеси эту грамотку сей матронѣ града Питера, извѣстной благотворительницѣ и начальницѣ общества «Снабженія бѣдныхъ носовыми платками».

— Съ удовольствіемъ, Иванъ Николаевичъ! Отчего

другу не помочь!.. Снесу! Давай письмо! Лечу быстрѣе стрѣлы съ татарскаго лука!..

Желѣзнодорожникъ въ это время сосредоточенно водилъ перомъ по бумагѣ, тоже составляя письмо къ директору правленія Костоломно-Загребательской желѣзной дороги, который когда-то былъ его столоначальникомъ, а теперь, волею судебъ, сталъ директоромъ. Онъ писалъ:

«Ваше превосходительство! Многоуважаемый Анемподистъ Галактіоновичъ!

Пишущій сіи строки, имѣвшій счастіе когда-то находиться подъ сѣнью вашего начальническаго крыла, въ бытность Вашу столоначальникомъ въ контролѣ Костоломно-Загребательской желѣзной дороги, Тихонъ Красноносовъ, въ настоящее время находящійся въ бѣдственномъ положеніи, и памятуя Вашу отеческую заботливость и рѣдкое великодушіе къ бѣдствующему человѣчеству,—взываетъ къ Вамъ о посильной матеріальной поддержкѣ, которая мнѣ необходима для пріобрѣтенія одежды, а также и для обмѣна паспорта для поступленія на открывшуюся ваканцію на Тихоне-доѣзжинскую желѣзную дорогу. Въ надеждѣ на Ваше великодушіе остаюсь извѣстный Вамъ Вашъ покорный слуга Тихонъ Красноносовъ». Написавъ письмо, Тихонъ Семенычъ прочиталъ его вслухъ своимъ товарищамъ, на что усатый корнетъ крякнулъ и выпалилъ:

— Здорово настрочилъ! Отъ такого письма и я-бы не отказалъ! Заранѣе поздравляю васъ съ успѣхомъ.

А чиновникъ такъ прямо пришелъ въ восхищеніе.

— Ну, Тихонъ Семенычъ! И строка-же ты приказная! Откуда что берется! Тебѣ-бы не на «гопѣ», а

докладчикомъ въ министерствѣ быть. Не хотѣлъ я писать, а ты меня раззадорилъ. Примусь-ка и я!..

— А вы куда-же хотите удочку закинуть?

— А есть у меня, господа, нѣкая барыня, которая послѣ смерти мужа своего долгонько прогуливалась въ сенатъ насчетъ своего дѣла о введенiи ея въ права владѣнiя землею, которая была неправильно отчуждена отъ мужа. И долго-бы ей концовъ не найти, а я дѣло-то разнюхалъ и направилъ ее на путь истинный. Такъ вотъ къ ней-то я и хочу стрѣльнуть. Затѣмъ чиновникъ взялъ перо и началъ писать:

«Высокочтимая и добрѣйшая Клеопа Эпильдифоровна! Служившiй когда-то въ сенатѣ и принимавшiй дѣятельное участiе въ Вашемъ вдовьемъ горѣ по введенiю Васъ во владѣнiе землею, злыми людьми отчужденную, результатъ котораго былъ для Васъ благопрiятный, Василiй Васильевичъ Пероскрыповъ, находится теперь въ нуждѣ невыразимой, и не только что не имѣетъ никакой должности, но даже и пристанища, и вынужденъ влачить свое горькое существованiе, аки лодка безъ руля и безъ вѣтрилъ, по ночлежнымъ притонамъ, неприличествующимъ его званiю, и среди людей, не подходящихъ къ его умственности, обращается къ Вамъ Милостивая Государыня, если Вы не забыли оказанную мною услугу, не отказать мнѣ въ нѣкоторомъ матерiальномъ вспомоществованiи, которое вернетъ меня на прежнiй путь жизни.

Вашъ покорный слуга Василiй Пероскрыповъ».

Написавъ письмо, чиновникъ вынулъ красный фуляровый платокъ, утеръ потъ и, вздохнувши, промолвилъ:

— Да, господа, слогъ-то ужъ не тотъ, какъ раньше

былъ! Былъ конь, да изъѣздился! Бывало, самому министру доклады писалъ. А теперь все пропало, отъ чары зелена вина!..

— Чѣмъ-же худо, Василій Васильевичъ!

— Безподобно! Я думаю, камень и тотъ воду источитъ отъ такого письма!..

Написавши письма, товарищи разошлись въ разные концы города. А вечеромъ въ ночлежкѣ у нихъ стоялъ пиръ горой: всѣ письма достигли цѣли!..

ВЕРИГИ.

Часовъ въ 8 вечера, въ февралѣ мѣсяцѣ, къ монастырскому дому, на берегу Ладожскаго озера, на Сартанъ-Лахтѣ, подошелъ странникъ, пожилыхъ лѣтъ, одѣтый въ рубище, на ногахъ опорки, обмотанные тряпьемъ, съ посохомъ въ рукѣ и котомкой за плечами. Голову его покрывала скуфья, какія носятъ послушники.

Подойдя къ дверямъ дома, онъ произнесъ обычное при входѣ привѣтствіе:

— Молитвами святыхъ отецъ, Господи Іисусе, Христе Боже нашъ! Помилуй насъ!

И получивъ въ отвѣтъ: «аминь!», вошелъ въ странопріимный домъ. Снялъ скуфью, истово помолился на образа и затѣмъ произнесъ:

— Миръ дому сему!

На что завѣдующій страннопріимнымъ домомъ, пожилыхъ лѣтъ послушникъ, отвѣтилъ:

— Здравствуй, рабъ Божій! Откуда и куда Богъ несетъ?

— Издалека, братъ во Христѣ! Иду поклониться преподобному Арсенію!

— Доброе дѣло!—отвѣтилъ послушникъ:—вотъ переночуешь, да утромъ и съ Богомъ. Тутъ всего 7 верстъ озеромъ пройти! А пока раздѣвайся, да отдохни!..

Странникъ сталъ раздѣваться, но, повидимому раздумавъ, обратился къ послушнику со словами:

— Нѣтъ ужъ, братъ, пока не раздѣлся, благослови потрудиться за ночлегъ! Можетъ, дровецъ принести надо, или воды! Или снѣгъ подгрести?

— Коли желаніе есть, потрудись, наколи и принеси дровецъ охапочки двѣ-три...

Странникъ наносилъ дровъ, а также сходилъ за водой и потомъ уже раздѣлся.

Въ это время послушникомъ былъ поставленъ самоваръ, и страннику было предложено попить съ нимъ чайку, во время котораго они долго бесѣдовали. Странникъ разспрашивалъ послушника о настоятелѣ монастыря и многихъ монахахъ. Послушникъ интересовался его путешествіями по монастырямъ.

И только въ 10 часовъ вечера они улеглись спать.

На другой день, рано утромъ, странникъ проснулся первымъ, поставилъ самоваръ и разбудилъ послушника, за что послѣдній поблагодарилъ его словами:

— Экій, братъ, ты догадливый да трудолюбивый! Другого не допросишься, а ты самъ навязываешься! Спаси тебя, Господи!

— Нельзя, братъ, надо трудиться! Богъ труды любитъ, и трудящійся да ястъ!..

Напившись чаю, странникъ одѣлся и направился черезъ озеро—въ Коневскій монастырь.

Озеро представляло собою чудную зимнюю картину. Покрытое снѣжною пеленою, оно разстилалось во всѣ стороны безъ конца—краю.

Около береговъ громоздились ледяныя глыбы, которыя при солнечномъ освѣщеніи принимали волшебныя фигуры и очертанія, словно сказочные дворцы.

Впереди виднѣлся темнымъ силуэтомъ, словно медвѣжья шкура, распростершаяся на поверхности льда— Коневецкій монастырь.

Хотя построекъ нельзя было различить, но золоченые кресты на соборѣ горѣли какъ путеводная звѣзда. Путь по озеру обозначенъ былъ вѣхами.

Направо, на отмели, въ хаотическомъ безпорядкѣ лежали колоссальныя ледяныя глыбы, выброшенныя бурею на берегъ. Сосны, словно заколдованныя, стояли, стройныя и прямыя, съ бѣлыми снѣжными шапками. Отъ всего вѣяло тишиной и спокойствіемъ и располагало къ молитвѣ.

Въ то время, когда странникъ шелъ по озеру, настоятель монастыря изъ своего покоя смотрѣлъ въ подзорную трубу, въ которую онъ на досугѣ, обыкновенно, любилъ наблюдать озеро. Замѣтивъ приближающуюся на озерѣ фигуру, игуменъ обратился къ келейнику:

— Посмотри-ка, братъ Михаилъ, кто это идетъ по озеру! Не изъ нашихъ-ли кто? Или богомолецъ! У тебя глаза-то помоложе.

Келейникъ посмотрѣлъ въ трубу и отвѣтилъ:

— Это, батюшка, странникъ идетъ! Рваный-прерваный и въ опоркахъ!

— Господи Іисусе! Донеси его до острова, пока пурги нѣтъ! А то пропадетъ человѣкъ!

Дѣйствительно, пурга, какъ обычное явленіе на Ладожскомъ озерѣ, подымала быстро, заметая собою дорогу.

И наконецъ озеро приняло какой-ко сѣрый видъ: ни дороги, ни берега не было видно.

— Сходи-ка, братъ Михаилъ, къ звонарю, пускай позвонитъ, все-таки на звонъ-то легче идти, не собьется съ дороги! Да ужъ и ты потрудись и самъ сходишь на косу встрѣтить!

Келейникъ исполнилъ приказаніе настоятеля: звонарь звонилъ на колокольнѣ, а самъ пошелъ на косу встрѣтить странника. Встрѣтивъ его, онъ удивился его рубищу.

— О! Господи! Какъ тебя донесъ Богъ-то! Какъ ты не замерзъ! Въ однихъ опоркахъ!

— Слава Богу! Безъ воли Божіей и волосъ съ главы не упадетъ!

И сопровождаемый келейникомъ странникъ отправился въ монастырскую гостиницу,—недалеко отъ берега. И послѣ нѣкотораго отдыха пошелъ къ игумену. Подойдя подъ благословеніе обратился къ нему съ просьбой «благословить его потрудиться на преподобнаго Арсенія», на что и получилъ разрѣшеніе, отправиться съ отцу «нарядчику», который завѣдуетъ монастырскими рабочими. Придя къ нарядчику, послѣ обычнаго привѣтствія, онъ заявилъ, что его прислалъ игуменъ—въ его распоряженіе.

— Какъ звать-то тебя?—Спросилъ его монахъ-нарядчикъ.

— Степаномъ!—отвѣчалъ странникъ.

— Ремесло знаешь какое-нибудь?

— Нѣтъ ремесла не знаю! Былъ раньше торговцемъ! А теперь вотъ десятый годъ странствую по святымъ мѣстамъ!..

— Что-же, братъ Степанъ? Какое дѣло тебѣ дать? Человѣкъ ты не мастеровой! Иди на коровникъ! Будешь коровъ доить!

— Спаси Господи!—отвѣтилъ странникъ,—мнѣ все равно! Всякое послушаніе пріемлю безропотно.

— Да раньше зайди къ отцу казначею: надо тебѣ преоблачиться, получи все монастырское.

Монастырскій коровникъ помѣщался рядомъ съ монастырской стѣной, въ немъ было нѣсколько десятковъ коровъ. Содержался коровникъ образцово. Девять послушниковъ несутъ послушаніе на коровникѣ, во главѣ съ завѣдующимъ имъ хозяиномъ-монахомъ. Сюда-же и поступилъ на послушаніе странникъ Степанъ. Работы въ коровникѣ ему было не мало, такъ-какъ на каждаго послушника приходится по 7 коровъ, которыхъ онъ обязанъ выдоить два раза въ день, вычистить и накормить, а также убрать навозъ. Одной мѣсовки приходится приносить до тридцати ушатовъ. Свободнаго времени почти нѣтъ.

Безропотно несъ коровье послушаніе Степанъ и, кромѣ того, когда другіе отдыхали, онъ успѣвалъ и въ церкви бывать. По ночамъ даже стоялъ за полунощницы въ 2 часа ночи.

Его набожность и трудолюбіе не ускользнули отъ

братіи и настоятеля. Кто имъ восхищался, а кто и считалъ его лицемѣромъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня поступленія Степана на коровникѣ, привычки его не измѣнились: такъ же работалъ, также ходилъ въ церковь. И вотъ Степанъ является къ самому игумену и подойдя подъ благословеніе, падаетъ въ ноги игумену. Тотъ не мало удивился.

— Что ты, братъ Степанъ!

— Отче! Большая просьба до тебя!

— Какая?

— Благословите заковаться въ вериги!

— Что ты, братъ Степанъ, въ умѣ-ли ты! По себѣ-ли крестъ берешь нести!

— По себѣ, батюшка, давно все обдумалъ, для этого и сюда пришелъ!

— Вѣдомо-ли тебѣ, какіе подвижники заковывались-то? Можешь-ли ты стать съ ними на равнѣ?

— Попробую, батюшка!

— А вѣдомо-ли тебѣ, какъ врагъ искушаетъ плоть немощную?

— Знаю, батюшка, врагъ силенъ, но постомъ и молитвою огражусь!

— А вѣдомо-ли тебѣ, какъ странникъ Кузьма восемь лѣтъ носилъ вериги, а потомъ взялъ расковался, да и вериги пропилъ въ кабакѣ?

— И это знаю, батюшка! Я вѣдь, не Кузьма! И не для этого прошу благословенія!

Долго уговаривалъ его игуменъ, повременить и обдумать свое намѣреніе, но Степанъ былъ непреклоненъ и болѣе мѣсяца все приставалъ къ игумену — заковаться.

Наконецъ, игуменъ далъ благословеніе, и назначилъ день. Но какъ человѣкъ опытный и много видавшій всякихъ странниковъ, рѣшилъ испытать его.

Наканунѣ призвалъ монастырскаго кузнеца и, объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, далъ ему наказъ, что когда придетъ Степанъ заковываться, то чтобы кузнецъ обругалъ его, и выгналъ-бы изъ кузницы и посмотрѣлъ, какъ отнесется къ этому Степанъ. Если онъ перенесетъ эту обиду со смиреніемъ, то произвести второй искусъ: заушить его разъ, т. е. ударить по лицу. Если и эту обиду онъ безропотно перенесетъ,—тогда пускай заковывается въ вериги...

На другой день Степанъ явился въ кузницу.

— Миръ тебѣ! Отецъ. Никаноръ! — произнесъ онъ.

— Здравствуй, братъ Степанъ!—отвѣтилъ тотъ. — Что хорошаго скажешь?

— Пришелъ заковаться, Отецъ Никаноръ! Вотъ тебѣ и записка отъ отца настоятеля!..

— Это тебѣ-то заковаться! — Закричалъ на него кузнецъ: — видали мы такихъ бродягъ-то шаталовой пустыни!

— Что ты, отче, ругаешься! Вѣдь, записка-же есть отъ настоятеля!—смиренно отвѣтилъ Степанъ.

Кузнецъ, видя, что первый опытъ не удался, рѣшилъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительному искусу, чтобы вывести Степана изъ терпѣнія.

— Вотъ я покажу тебѣ записку отъ игумена, — вскричалъ онъ, и, подойдя къ Степану, заушилъ его...

— Вотъ тебѣ записка!..

Получивъ ударъ въ щеку, Степанъ мгновенно перемѣнился, куда дѣвалось его смиреніе. Лицемѣріе не

вынесло искуса: онъ вступилъ въ драку, съ ожесточеніемъ набросившись на кузнеца.

На крикъ сбѣжались послушники, и не подоспѣй они, плохо пришлось-бы монаху-кузнецу. Онъ весь былъ избитъ Степаномъ. Обо всемъ происшедшемъ было немедленно доложено настоятелю, отцу Израилю, который принялъ это извѣстіе не удивляясь:—я такъ и зналъ!.. — А затѣмъ приказалъ призвать Степана къ себѣ.

— Что-же, братъ Степанъ?—Спросилъ онъ вошедшаго.—Плохо ты знаешь Слово Божіе: если ударятъ тебя по правой ланитѣ, подставь лѣвую, а ты за одинъ ударъ, чуть не на смерть избилъ кузнеца!..

— Не утерпѣлъ, отче! Ужъ очень досадно стало!

— Какъ-же ты не могъ снести минутной обиды, а хочешь распинать плоть свою до гроба! Нѣтъ, тебѣ вериги не нашивать. Иди съ Богомъ, куда хочешь, не смущай братію! Ты хуже Кузьмы оказался!..

На другой день странникъ Степанъ удалился изъ обители.

ЧТО ДѢЛАТЬ СЪ БОСЯКАМИ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ мудреный вопросъ, приведемъ для наглядности нѣкоторыя цифры о состояніи босячества въ Петербургѣ, добытыя мною изъ разныхъ сферъ, гдѣ такъ или иначе проявляется столичное босячество. Въ трехъ разныхъ пунктахъ концентрируются петербургскіе босяки: 1) въ ночлежныхъ домахъ, 2) въ комитетѣ для разбора и призрѣнія нищихъ и наконецъ 3) въ С.-Петербургской пересыльной тюрьмѣ.

Сколько въ Петербургѣ насчитывается бездомныхъ босяковъ, которые скитаются по ночлежкамъ?

Въ столицѣ имѣются слѣдующіе ночлежные дома— для бездомниковъ: 1) Грессеровскій, на Малой Болотной улицѣ, на 300 человѣкъ; 2) ночлежный пріютъ въ память Императора Александра II, на Калашниковской пристани, на 260 человѣкъ мужчинъ и 40 женщинъ; 3) Обуховскій, у Обуховскаго моста, на 200 человѣкъ; 4) домъ Макокина, уголъ Гарновской и 7-й роты, на 1000 человѣкъ; 5) домъ Пономарева, противъ домовъ Макокина, на 300 человѣкъ; 6) Старый пріютъ мужчинъ и женщинъ, на Обводномъ каналѣ, противъ Варшавскаго вокзала, на 200 человѣкъ; 7) на Финскомъ переулкѣ на 400 человѣкъ (мужчинъ и женщинъ); 8) на Васильевскомъ островѣ на 4-й линіи, на 300 человѣкъ; 9) на 14-й линіи на 100 человѣкъ; 10) на 15-й линіи, на 100 человѣкъ; 11) Городской ночлежный домъ, на 16-й линіи на 800

человѣкъ; 12) въ Галерной Гавани, городской пріютъ на 100 человѣкъ, 13) въ Прядильной улицѣ на 50 человѣкъ; 14) городской ночлежный домъ, на Никольской площади, на 250 человѣкъ и 15) гостинница для рабочихъ общества трезвости на Калашниковской пристани на 250 человѣкъ. Всего въ вышеозначенныхъ ночлежныхъ домахъ ночуетъ ежедневно 4,500 человѣкъ. Эта внушительная цифра далеко не обнимаетъ собою всѣхъ босяковъ, не имѣющихъ пріюта и скитающихся изо дня въ день по ночлежкамъ, потому-что сюда не включены ночлежники на постоялыхъ дворахъ. А ихъ тоже надо считать не меньше тысячъ двухъ, трехъ. Итакъ, отъ 7,000 до 10,000 человѣкъ представляютъ собою въ Петербургѣ бродячій элементъ населенія, босяковъ, которые, какъ птицы небесныя,

«Не знаютъ ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваютъ долговѣчнаго гнѣзда».

Они мыкаются по ночлежнымъ домамъ, сегодня здѣсь, завтра тамъ. Хорошо, если бы еще ночлежки были устроены гигіенично, а то, за исключеніемъ Городского ночлежнаго пріюта на Никольской площади, всѣ остальныя—сырыя и холодныя. Плата «пятачокъ» тоже очень высока, принимая во вниманіе, что ночлежникъ занимаетъ на нарахъ мѣсто шириною въ 1 аршинъ, а въ нѣкоторыхъ ночлежкахъ спятъ и подъ нарами, прямо на полу. Призрѣніе бездомныхъ скитальцевъ такъ поставлено въ Петербургѣ, что традиціонный «пятачокъ» босяка, уплачиваемый имъ за ночлегъ, служитъ къ быстрому обогащенію частныхъ содержателей подобныхъ пріютовъ. Всѣ содержатели ночлежныхъ домовъ получаютъ съ босяковъ колос-

сальные барыши. Есть такія ночлежки, гдѣ содержатели за бутылку кваса, стоимостью въ 1 копѣйку берутъ съ босяка 5 копѣекъ.

Вся эта «босая команда», въ 7,000—10,000 человѣкъ, занимается «стрѣльбою», т.-е. прошеніемъ милостыни, и напримѣръ, дома Макокина почти сплошь заселены «стрѣлками».

Городская полиція ведетъ упорную борьбу съ уличнымъ нищенствомъ, и забранныхъ съ улицы «стрѣлковъ» отправляетъ въ «комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ». Сюда ежегодно поступаетъ съ улицы отъ 10,000 до 11,000 человѣкъ нищихъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Неисправимыхъ нищихъ комитетъ высылаетъ на родину черезъ спб. пересыльную тюрьму. Пересыльная тюрьма ежегодно высылаетъ изъ Петербурга въ провинцію за прошеніе милостыни, за бродяжничество и за безписьменность отъ 30,000 до 35,000 человѣкъ, среди которыхъ — масса рецедивистовъ.

Босая команда доставляетъ не мало хлопотъ какъ общественной благотворительности, такъ и администраціи. А между тѣмъ, босячество въ столицѣ годъ отъ года возрастаетъ, что видно изъ отчетовъ комитета призрѣнія нищихъ.

7,000—10,000 праздношатающихся людей, отвыкшихъ отъ труда и скитающихся по ночлежкамъ, представляютъ собою темную, отрицательную силу, о которой пора подумать. Многіе босяки и сами не прочь перемѣнить свой образъ жизни и, такъ сказать, воскреснуть для новой, трудовой жизни, но, какъ говорится, среда заѣла. Они ищутъ нравственной и матеріальной поддержки, но ея не видать ни откуда!..

На выше поставленный вопросъ: что дѣлать съ босяками? вотъ какой отвѣтъ дали сами босяки.

Студентъ духовной академіи и священнослужитель, о. Георгій Гапонъ разсказывалъ мнѣ, что нынѣшнимъ лѣтомъ онъ посѣтилъ многіе ночлежные дома въ Петербургѣ, служилъ тамъ молебенъ, причемъ ночлежники сами пѣли во время богослуженія, и затѣмъ по окончаніи молебна, говорилъ имъ пастырское слово, увѣщевая ихъ перемѣнить образъ жизни. Между прочимъ, онъ предлагалъ имъ соединиться въ общество— для успѣха въ борьбѣ за существованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если организуются разныя общества купцовъ, чиновниковъ, то отчего-же и не быть обществу босяковъ, какъ переходной стадіи къ чему-то лучшему? Если-бы босяки были посмышленѣе, и среди нихъ явился-бы гуманный предприниматель, который-бы соединилъ ихъ въ общество, то они имѣли-бы на первыхъ порахъ, ту практическую пользу, что за свой «пятачекъ» могли-бы арендовать хорошее помѣщеніе.

Какъ-бы то ни было, но босяки съ радостью отозвались на призывъ о. Георгія. Они выбрали изъ своей среды 15 человѣкъ грамотныхъ представителей, которые выразили свои желанія письменно. «1901 года іюня 10 дня, мы, нижеподписавшіеся въ здравомъ размышленіи пришли къ тому заключенію, что устройство *рабочей колоніи и дома труда съ церковью,* какъ религіозно-нравственнымъ центромъ, крайне необходимо для несчастныхъ бѣдняковъ города С.-Петербурга. Это, по нашему убѣжденію, единственное средство избавить столицу отъ праздношатающихся и возжечь въ нихъ искру Божію.

Поэтому мы искренно желаемъ осуществленія выше

указанной благой мысли, въ чемъ и подписуемся». Далѣе слѣдуетъ 800 подписей босяковъ изъ разныхъ ночлежныхъ домовъ. Составилась довольно объемистая тетрадь, гдѣ бездомники приложили свои автографы. Среди подписей встрѣчается и «колпинскій мѣщанинъ», и «почетный гражданинъ», и «отставной капитанъ», и «крестьянинъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи». Безграмотные поставили кресты. Правду сказать, босяки не сразу пришли къ выше приведенному рѣшенію вопроса: между ними пошли «разборы и споры», и дѣло доходило даже до кулаковъ, пока, наконецъ, не пришли къ единодушію. Появились скептики между ними, которые утверждали, что *рабочая колонія и домъ труда* никакой пользы имъ не принесутъ, а лишатъ ихъ только свободы, ужъ тогда нельзя будетъ стрѣльнуть, и что отъ этой затѣи обогатятся только «господа», которые ихъ же босяковъ и обворуютъ...

Но скептиковъ успокоили тѣмъ, что если рабочая колонія и домъ труда осуществятся, то при нихъ можетъ быть установлено артельное начало, или представительство отъ нихъ же, бѣдняковъ, какъ это заведено напримѣръ въ Ярославлѣ, чтобы господа не обворовывали ихъ.

Давно пора придти на помощь къ меньшей братіи, босякамъ, изъ коихъ многіе озвѣрѣли и топятъ свое горе въ винѣ; но среди нихъ я встрѣчалъ и талантливыхъ людей, превосходныхъ ораторовъ и проч. «Падающаго толкни!» пускай будетъ замѣнено: «Падающаго поддержи!» Въ формѣ ли поучительныхъ бесѣдъ, въ формѣ ли призыва къ нравственному усовершенствованію, или наконецъ въ формѣ матеріальныхъ по-

жертвованій — все равно, пускай будетъ оказана имъ поддержка, и многіе изъ нихъ возродятся къ новой трудовой жизни, многіе воскреснутъ.

Почва не на столько каменистая, чтобы сѣятель не нашелъ здѣсь, въ мірѣ столичныхъ босяковъ, для себя дѣла!..

И многихъ «блудныхъ сыновъ» можно было бы спасти отъ погибели.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Октава. (Очеркъ изъ жизни босяковъ) 1
Вольные люди 7
На горячемъ полѣ 14
На поденщинѣ 20
По благодѣтелямъ 26
Трудолюбцы 36
Нищій. (Очеркъ съ натуры). 44
Короли нищихъ 50
Овца 56
Интеллигентный нищій 62

Божьи люди.

I. Дурочка. 69
II. „Сережка“. 76

Бродяга. (Сцена въ почлежномъ домѣ) 82
Браслеты (Очеркъ изъ тюремной жизни). 89
Разсказъ неизвѣстнаго. (Сцена въ почлежномъ домѣ) . 96
Книгоноша. (Изъ записной книжки одного книгоноши) . 103
Никешка. 136
Чинушка. 143
Князь въ почлежкѣ. 149
Американецъ 155
Благодѣтели. 168
Странникъ. 174
Поѣздка въ Шлиссельбургъ. 182

Дѣти улицы.

I. „Въ ученьѣ“. 187
II. „Безъ пріюта“. 192
III. Въ почлежкѣ. 199
IV. Праздникъ у нищихъ. 211
V. Сцена въ почлежномъ домѣ 217
IV. Забрали. 224
Въ комитетѣ нищихъ. 229

Перелетныя птицы.

Братія шаталовой пустыни, бродилова монастыря. . . 235
На дворянской половинѣ. 243
Вериги. 250
Что дѣлать съ босяками? 258

Конанъ-Дойль. **„Необычайное преступленіе“.** Записки Шерлока Холмса. Романъ. Ц. 1 р.

Жипъ. **„Около развода“.** Пер. съ франц. Ц. 70 к.

Ея-же. **„Вокругъ брака“.** Ц. 1 р.

Ея-же. **„Израиль“.** Ц. 1 р.

Эти три тома представляютъ собою рядъ талантливыхъ очерковъ изъ семейно-общественной жизни Парижа.

На досугѣ. Сбор. разсказовъ Г. Сенкевича, Г. де-Мопассана, П. Бурже, М. Карелли, Ф. Коппе, Джерома и др. Ц. 1 р.

Плетневъ. А. **М. Горькій.** Крит. очеркъ. Ц 20 к.

Его-же. **Газеты и публика.**

Содержаніе: Общая характеристика.— Роль прессы.— Редакторъ газеты. Визитъ въ редакцію. — «Удобныя» и «неудобныя» статьи. — Литературныя и театральныя рецензіи. — Пресса и публика. Ц. 20 к.

Его-же. **Еще о газетахъ.**

Содержаніе: Компетентность редактора. — Вавилонское столпотвореніе – Заграничные корреспонденты– Фельетонисты. Характеристика газетъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Ц. 20 к.

Его-же. **Врачебно-полицейскій комитетъ и его роль.** (Нѣсколько документовъ) Ц. 20 к.

Маркъ Твэнъ. **Очерки и разсказы.** Юмористическіе сатирическіе Ц. 1 р.

Мантегацца, Паоло. **Искусство жениться.** Трактатъ объ условіяхъ счастливаго брака въ соврем. обществѣ. Пер. съ итальянскаго С. Ц. 1 р. 25 к.

Свящ. Шиники. Исповѣдь женщины-католички. Полный переводъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Эрастовъ, Г. **Открытое письмо Максиму Горькому.** Спб. 1902. Ц. 15 коп.

Эрастовъ, Г. **Практическій курсъ выразительнаго чтенія** для преподаванія и изученія. Съ предисловіемъ В Н. Давыдова, Артиста Императорскихъ Спб. театровъ. Ц. 1 р.

„Альбомъ Артиста“. Художественный сборникъ избранныхъ монологовъ, стихотвореній, куплетовъ и разсказовъ (для сцены. Спб 1902. Ц. 1 р. 50 к. Настоящій сборникъ, состоящій изъ репертуара нашихъ талантливыхъ артистовъ и разсказчиковъ, и изъ нѣкоторыхъ произведеній извѣстныхъ писателей представляетъ собою изящно изданный томъ въ 267 стр. раздѣленный на два отдѣла: драматическій и сатирико-юмористическій, а каждый отдѣлъ въ свою очередь на двѣ части, на декламаторскую и музыкально-вокальную.

Весельчакъ. Юмористическій Альманахъ-Ежегодникъ на 1903 г. Ц. 50 к.

Эмиль Золя. **Неизданные разсказы** Ц. 1 р. 25 к.

Того-же автора:

„Брюхо Петербурга“. Цѣна 1 р. 50 к.

„Исторія книги на Руси“, Цѣна 1 р. 50 к.

Удостоена награды на первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ С.-Петербургѣ, 1895 г.

„Слуги печати“. Цѣна 1 р.

„Босяки“. Очерки съ натуры, цѣна 1 р.

„Какъ дѣлаютъ бумау и печатаютъ книги“, Изданіе Высочайше утвержденной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній.

Одобрена Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 апрѣля 1903 г.

Типо-литографія «Энергія», Загородный 17.